М. АЛДАНОВЪ

ДЕСЯТАЯ СИМФОНІЯ

ПАРИЖЪ
1931

М. А. АЛДАНОВЪ

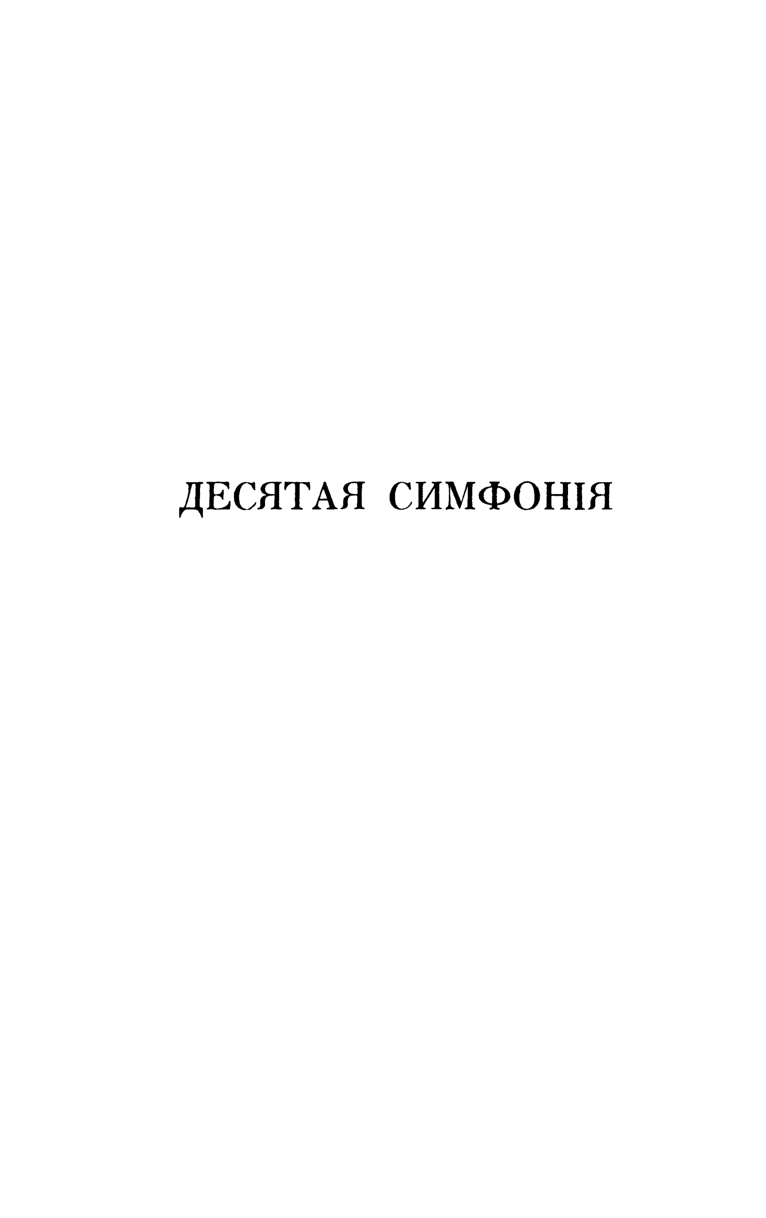
Десятая Симфонія

ПАРИЖЪ
Изд-во „Современныя Записки"
106, rue de la Tour, Paris (16e)
1931

Эта книга отпечатана въ февралѣ 1931 года, на машинахъ типографіи «Паскаль» въ Парижѣ, въ количествѣ двухъ тысячъ экземпляровъ на бумагѣ Bouffant Supérieur и 50 нумерованныхъ экземпл. на бумагѣ Velin pur fil Lafuma

Сергѣю Васильевичу

Рахманинову.

ДЕСЯТАЯ СИМФОНІЯ

ОТЪ АВТОРА

Въ одной изъ дальнихъ комнатъ Лувра, за отдѣломъ мебели, висятъ картины Изабе. Небольшая продолговатая комната со стѣнами, выкрашенными желто-коричневой краской, сѣренькая съ золотымъ ободкомъ дверь не въ пять разъ (какъ двери въ парадныхъ залахъ), а только раза въ два выше человѣческаго роста. Единственное окно завѣшено. Въ комнатѣ почти всегда полутемно; нелегко разглядѣть, какъ слѣдуетъ, эти небольшія картины въ старыхъ золоченыхъ, черныхъ, коричневыхъ рамкахъ. На маленькомъ старинномъ столѣ, подъ стекломъ, на выцвѣтшемъ зеленомъ бархатѣ — миніатюры. Все это собрано и завѣщано Лувру дочерью Изабе; она покончила съ собой лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ.

Эти чудесныя миніатюры, по моему, еще не оцѣнены по достоинству. Ничто, кажется, не связываетъ ихъ между собой, а въ нихъ цѣлая эпоха: истинный кладъ для историка и романиста. Онѣ даютъ намъ то, чего не дали огромныя полотна Гро или Давида.

Изабе въ юности зналъ людей, которые помнили Людовика XIV. Авторъ этихъ страницъ разъ въ жизни видѣлъ императрицу Евгенію, лично знавшую Изабе.

Волнующая связь временъ въ своей слитности непостижима, — это, быть можетъ, доводъ въ пользу отрывочнаго, миніатюрнаго искусства.

«Десятая симфонія», конечно, никакъ не историческій романъ и не романъ вообще. По замыслу автора, она близка къ тому, что въ восемнадцатомъ вѣкѣ называлось философской повѣстью, а правильнѣе было бы называть повѣстью символической. Основной символъ достаточно ясенъ*): «И вотъ лѣстница стоитъ на землѣ, а верхъ ея касается неба». Боюсь, основной символъ высказанъ слишкомъ грубо, а не-основные — слишкомъ незамѣтно. Но объ этомъ судить читателю. Во всякомъ случаѣ, по идеѣ въ небольшой книгѣ этой все связано; неоднородность двухъ ея частей объясняется тѣмъ, что я не чувствовалъ себя способнымъ писать объ Азефѣ въ беллетристической формѣ.

---

*) Я о немъ въ свое время писалъ въ предисловіи къ «Азефу», которое опускаю въ настоящемъ отдѣльномъ изданіи.

... «E l'onor di quell'arte
Ch'alluminare è chiamata in Parisi».

Данте.

Полицейскій офицеръ поспѣшно вышелъ изъ караульни. У городской заставы остановились тяжелыя раззолоченныя кареты. По виду поѣзда офицеръ понялъ, что пріѣхали важные люди, скорѣе всего одна изъ тѣхъ делегацій, которыя теперь со всѣхъ концовъ Европы стекались въ Вѣну на конгрессъ. «Вѣрно, французы», — подумалъ онъ. Кареты были такія, въ какихъ ѣздили во Франціи: съ низкими козлами, съ небольшими передними колесами, съ погребцомъ внизу. Лакей въ сѣромъ балахонѣ соскочилъ съ козелъ послѣдняго экипажа, отбросилъ подножку и открылъ дверцы. Появился молодой человѣкъ со скучающимъ выраженіемъ на усталомъ запыленномъ лицѣ, съ плохо приглаженными, видимо только что напудренными волосами. Онъ оглядѣлся по сторонамъ, ткнулъ въ землю длинной модной тростью, точно пробуя, тверда ли почва подъ ногами, и вышелъ изъ кареты, взявшись за ручку двери. «Вѣрно, чиновникъ при

делегаціи или секретарь», — рѣшилъ, ускоряя шаги, полицейскій офицеръ. Молодой человѣкъ зѣвнулъ, сбилъ тростью прилипшій къ подножкѣ сухой комокъ грязи и, доставъ изъ кармана бумагу, нѣсколько раздраженно уставился глазами на подходившаго офицера.

— La délégation française, — строго сказалъ секретарь. Полицейскій офицеръ зналъ по французски. Онъ отдалъ честь и, взявъ протянутую ему подорожную, предложилъ секретарю не дожидаться записи.

— Черезъ часъ бумаги вамъ будутъ доставлены на домъ, — сказалъ онъ. — Вѣдь вы изволите жить во дворцѣ князя Кауницъ?

Секретарь, не отвѣчая, щурясь отъ яркаго солнечнаго свѣта, вглядывался въ подъѣзжавшій новый экипажъ. Господинъ среднихъ лѣтъ, съ умнымъ, очень пріятнымъ, оживленнымъ лицомъ, перегнувшись черезъ открытое окно кареты, еще издали что-то кричалъ, весело кивая головой.

— Ахъ, это вы, мосье Изабе? — снисходительно-любезно сказалъ секретарь. — Какъ спали[0]

— Великолѣпно. Еще бы послѣ вчерашняго ужина!.. А вы?

— Не сомкнулъ глазъ, — отвѣтилъ молодой человѣкъ мрачно. — Да, мы будемъ жить въ отелѣ Кауницъ, —сказалъ онъ офицеру. — Не всѣ, конечно, но бумаги, пожалуйста, отправьте туда для всѣхъ.

— Очень трудно теперь достать у насъ помѣ-

щеніе, — сказалъ съ улыбкой офицеръ, которому приказано было проявлять особенное вниманіе къ пріѣзжающимъ делегатамъ. — Городъ совершенно переполненъ... Вѣдь князь уже изволилъ прибыть, — добавилъ офицеръ, показывая, что ему извѣстно, какой знаменитый человѣкъ стоитъ во главѣ французской делегаціи.

— Да, большая часть делегаціи во главѣ съ княземъ Таллейраномъ пріѣхала раньше... Мы послѣдніе, — благосклонно отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Такъ черезъ часъ вы мнѣ доставите подорожную? — спросилъ онъ, протягивая руку офицеру.

— Вы можете быть совершенно спокойны. Имѣю честь кланяться...

— До свиданія, мосье Изабе, — садясь въ карету, сказалъ секретарь. — Вѣдь вы теперь къ себѣ? Значитъ, за обѣдомъ увидимся... Князь всегда обѣдаетъ въ пять часовъ.

— Отлично! Я тоже, — весело отвѣтилъ мосье Изабе.

Лакей махнулъ рукой кучеру первой кареты. Офицеръ отдалъ честь. Мосье Изабе поправилъ подушки на сидѣньи, подвинулъ подставку для ногъ и устроился поудобнѣе у окна. Несмотря на ранній часъ, предмѣстье Вѣны было оживлено. Лавки открывались, изъ домовъ выходили люди и съ любопытствомъ смотрѣли на медленно катившіяся кареты. — «Русскіе»... — «Нѣтъ, англичане», — говорили въ толпѣ. Мосье Изабе привѣтливо улыбал-

ся. Онъ былъ въ Вѣнѣ четыре года тому назадъ и сохранилъ о ней самыя пріятныя воспоминанія. Теперь въ свѣжее солнечное утро она понравилась ему еще больше. «Прекрасный, прекрасный городъ, и народъ очень хорошій... Совсѣмъ не надо было императору съ ними воевать... Бѣдный императоръ!.. Впрочемъ, что-жъ? Онъ жилъ для славы, а славы у него и теперь достаточно», — думалъ мосье Изабе, ласково улыбаясь проходившей дѣвушкѣ въ коротенькомъ бѣломъ платьицѣ, въ розовыхъ башмачкахъ, въ золотомъ кружевномъ чепчикѣ. — «Это, кажется, ихъ націоналный уборъ... Очень мило... И нѣтъ ничего лучше на свѣтѣ, чѣмъ этотъ милый прелестный румянецъ на ея щечкахъ... Какъ жаль, что, вмѣсто нея, придется писать разныхъ злыхъ, хитрыхъ, тщеславныхъ старичковъ, у которыхъ единственная радость на землѣ отравлять жизнь другъ другу. Что такое онъ говоритъ?.. Куда ѣхать?..»

Кучеръ, обернувшись съ козелъ, о чемъ-то его спрашивалъ. Мосье Изабе былъ убѣжденъ, что немного — не очень хорошо, правда, — владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ. Онъ еще до заставы объяснилъ кучеру, куда надо ѣхать: въ предмѣстье Леопольстатъ, за каналомъ Доно: мосье Изабе зналъ, что на этомъ забавномъ языкѣ Данюбъ называется Доно. «Безтолковый человѣкъ», — подумалъ мосье Изабе и хотѣлъ было разсердиться, но красное морщинистое лицо старика-кучера было пріятно и благодушно, онъ, видимо, старался угодить ино-

странному гостю, и, главное, солнечное утро было такъ хорошо, что мосье Изабе разсердиться не удалось. Послѣ новыхъ объясненiй, кучеръ, наконецъ, понялъ.

У канала мосье Изабе приказалъ своему лакею слѣзть съ козелъ и занять мѣсто на запяткахъ кареты: такъ приличнѣе было явиться въ новый домъ. Квартира для мосье Изабе уже была приготовлена друзьями, но еще не снята твердо: онъ предварительно самъ долженъ былъ взглянуть, подходятъ ли комнаты и хорошо ли падаетъ свѣтъ. Въ этомъ положиться на другихъ людей было невозможно.

Кучеръ, откинувшись назадъ, затягивалъ возжи. Карета спускалась къ мосту. «Razumovski Brücke», —сказалъ кучеръ. Мосье Изабе разобралъ имя и вспомнилъ, что русскiй графъ, владѣлецъ самаго великолѣпнаго дворца въ Вѣнѣ, выстроилъ на свой счетъ мостъ, — такъ ему удобнѣе было возвращаться домой съ Пратера. «Любезный старикъ и очень умный», — подумалъ мосье Изабе, въ прошлый свой прiѣздъ побывавшiй у графа Разумовскаго. — «А дворецъ какой, какiя произведенiя искусства!.. И, удивительнѣе всего, онъ очень недурно знаетъ толкъ въ картинахъ. Какъ это его называли здѣсь, въ Вѣнѣ?.. Ахъ, да»...

— **Erzherzog Andreas?** —съ улыбкой спросилъ онъ кучера, показывая рукой на мостъ. Кучеръ радостно засмѣялся, кивая утвердительно головой: своимъ поступкомъ графъ Андрей Разумовскiй надолго поразилъ воображенiе вѣнцевъ.

У воротъ, гдѣ остановился экипажъ, произошло радостное смятеніе. Дѣвочка, сидѣвшая у воротъ, побѣжала наверхъ, и еще прежде, чѣмъ мосье Изабе успѣлъ взойти на крыльцо, къ нему вышла хозяйка дома, величественнаго вида пожилая дама въ желтомъ шелковомъ, расшитомъ цвѣтами, платьѣ. Она еще на лѣстницѣ стала привѣтливо улыбаться, а на крыльцѣ сказала знаменитому гостю французское привѣтствіе, видимо, старательно подготовленное и выученное наизусть. Мосье Изабе такъ расчувствовался, что поцѣловалъ хозяйкѣ руку, съ серьезнымъ рискомъ навсегда потерять ея уваженіе.

Они пошли наверхъ по широкой лѣстницѣ, не крутой и выстланной вполнѣ приличнымъ мягкимъ ковромъ. Вопросъ о входѣ имѣлъ немалое значеніе для мосье Изабе: къ нему въ мастерскую должны были пріѣзжать очень высокопоставленные люди. Вполнѣ прилична была и передняя. За ней оказалась громадная, залитая свѣтомъ, комната. Мосье Изабе чуть не ахнулъ отъ радости: о такомъ освѣщеніи онъ мечталъ всю жизнь. Онъ тутъ же, не заглядывая въ другія комнаты, объявилъ хозяйкѣ, что беретъ квартиру, и даже не торговался, хотя цѣна была жестокая. Хозяйка, фрау Пульвермахеръ, все-таки добавила, что въ другомъ мѣстѣ съ него взяли бы больше: въ гостинницѣ «Zum Roemichen Kaiser» самая дешевая комната стоитъ двадцать гульденовъ въ сутки, и то ни одной свободной уже нѣтъ.

— Да, я согласенъ, — повторилъ мосье Изабе. Фрау Пульвермахеръ кивнула головой; ей, видимо, нравился новый жилецъ. Она объяснила, что ея покойный мужъ былъ архитекторомъ, затѣмъ повела жильца по квартирѣ, вездѣ открывая настежь двери, очевидно, показывая, что все безъ обмана: мосье Иссапе останется доволенъ, — имя жильца она произносила съ двумя удареніями, на первомъ и на послѣднемъ слогѣ. Обмана, дѣйствительно, не было ни въ чемъ. Въ спальной все тоже было очень хорошо: и огромная съ periной постель, и шкапы, и рукомойникъ, заставленный мисками, кувшинами, флаконами. Лакей мосье Изабе, тяжело ступая по лѣстницѣ, несъ сундуки, чемоданы. Ему помогала горничная, могучая, краснолицая, съ огромнымъ бюстомъ женщина. «Sei gelobt Jesus Christus!» — хриплымъ голосомъ сказала она, войдя въ комнату. «Господи, какой Рубенсъ!» — подумалъ почти умиленно мосье Изабе. Принесли цинковую ванну, напоминавшую по формѣ башмакъ; при нѣкоторой ловкости въ нее можно было сѣсть. Изъ ванны шелъ паръ. Мосье Изабе съ улыбкой смотрѣлъ на ванну, — этотъ предметъ и въ Парижѣ встрѣчался не часто; однако, сѣсть въ башмакъ не рѣшился.

Умывшись и выбрившись, мосье Изабе съ помощью лакея началъ устраиваться: вынулъ костюмы, всѣ по послѣдней модѣ, съ узкой таліей, съ шелковыми пуговицами, вынулъ шляпы, бѣлье, парики, кисеты, пистолеты, компасъ, карту и множество разныхъ другихъ вещей. Все у него было пре-

восходное; у мосье Изабе была слабость къ очень дорогимъ вещамъ. Затѣмъ онъ приказалъ лакею раскрыть большой, туго перевязанный веревками, ящикъ: тамъ у него хранились начатыя или уже готовыя картины, которыя онъ привезъ съ собою, чтобы украсить ими мастерскую.

Въ шелковомъ халатѣ темнокраснаго цвѣта съ кистями онъ вернулся въ большую комнату. На столѣ, вокругъ букета цвѣтовъ, стояли кофейникъ, масло, крошечныя круглыя булочки, ветчина, медъ, варенье, графинъ съ жидкостью необыкновенно пріятнаго вида, окруженный тяжелыми серебряными рюмками. — «Нѣтъ, право, она славная женщина... Вотъ только то желтое платье съ розами, ахъ, ты, Боже мой!» — подумалъ мосье Изабе, по указаніямъ котораго, со слѣпой и восторженной покорностью, одѣвались самыя красивыя женщины Парижа. «И вотъ этого фарфороваго мопса надо сейчасъ же разбить, а кусочки выкинуть куда-нибудь подальше»... — Онъ даже вздохнулъ при мысли, что могутъ существовать люди, которымъ нравятся такія вещи.

Мосье Изабе выпилъ чашку кофе, съѣлъ булочку съ масломъ и ветчиной, съѣлъ булочку съ масломъ и медомъ, попробовалъ, что было въ графинѣ, — оказалось, недурное токайское вино, — и, наливъ себѣ вторую чашку (кофе было очень крѣпкое и вкусное), въ самомъ лучшемъ настроеніи духа подошелъ къ среднему окну комнаты. Изъ ма-

стерской открывался видъ на рѣку. По мосту, раздѣленному на четыре прохода для экипажей и пѣшеходовъ, катились на Пратеръ кареты. Лодки плыли по рѣкѣ. Дѣти играли на лѣстницахъ, криво спускавшихся къ самой водѣ. Улица загибалась слѣва куда-то въ сторону; надъ неровными домами виднѣлась вдали готическая стрѣлка. «Господи, какъ хорошо!» — подумалъ мосье Изабе. Изъ сосѣдней комнаты доносились удары молотка, трескъ отдираемыхъ досокъ: лакей открывалъ ящикъ съ картинами. — «Вотъ, вотъ главное», — радостно подумалъ мосье Изабе, вспомнивъ то, что было въ ящикѣ. — «Надо работать и работать». Отъ солнца, отъ свѣжаго вѣтра, отъ крѣпкаго кофе онъ почувствовалъ необыкновенный приливъ энергіи и, оторвавшись отъ окна, тотчасъ взялся за дѣло.

Черезъ часъ все было готово, мопсъ и пестрыя занавѣсочки удалены, стѣны задрапированы привезенными изъ Парижа тканями, картины повѣшены, мольберты поставлены. Къ стѣнѣ мосье Изабе придвинулъ большой столъ и на шелковомъ покрывалѣ разложилъ миніатюры. Преобладали табакерки, квадратныя, круглыя, овальныя. По срединѣ находилась шкатулка съ главнымъ сокровищемъ коллекціи: на крышкѣ маленькой круглой табакерки, на крошечной пластинкѣ слоновой кости, обведенной двойнымъ ободкомъ изъ золота и небольшихъ жемчужинъ, былъ написанъ портретъ Римскаго короля: прелестный ребенокъ съ блестя-

щими глазами. «Да, этого никто другой сдѣлать не могъ бы», — съ гордостью подумалъ мосье Изабе.

— Schoen!.. Aber herzig!.. Très choli!..» — говорила въ искреннемъ восторгѣ фрау Пульвермахеръ, которую мосье Изабе позвалъ полюбоваться мастерской, приведенной въ надлежащій видъ. Она даже забыла обиду отъ того, что французскій гость, съ худо скрытымъ отвращеніемъ, вынесъ и отдалъ ей фарфороваго мопса и занавѣсочки, нарочно для него повѣшенныя наканунѣ. Восхищеніе хозяйки было пріятно мосье Изабе, хоть онъ и былъ убѣжденъ, что, кромѣ художниковъ, почти никто ничего не понимаетъ и не можетъ понимать въ искусствѣ. Особенно понравилась фрау Пульвермахеръ головка Римскаго короля. Ее умиляло и то, что ободокъ былъ изъ жемчужинъ, навѣрное настоящихъ и дорогихъ, и то, что на такой крошечной пластинкѣ можно было написать портретъ, и то, что этотъ ребенокъ, хоть и сынъ злодѣя, былъ внукомъ ея императора, котораго она часто видала на улицѣ, и то, что мосье Изабе писалъ портретъ съ натуры, во французскомъ дворцѣ, гдѣ все, должно быть, такъ парадно и роскошно. Неожиданно фрау Пульвермахеръ покраснѣла и, запинаясь, сказала жильцу, что цѣна на квартиру будетъ другая: не четыреста гульденовъ въ мѣсяцъ, а триста семьдесятъ пять. Мосье Изабе сначала показалось, будто хозяйка обмолвилась: вѣрно, считаетъ, что продешевила, и хочетъ взять еще дороже. Но фрау Пульвермахеръ не

обмолвилась: она сдѣлала жильцу скидку въ двадцать пять гульденовъ. «Какая прелесть!.. Это угрызенія совѣсти, — то самое, чего нѣтъ ни у Фуше, ни у Таллейрана», — растроганно сказалъ себѣ мосье Изабе. «Лучше всѣхъ они, простые люди, я всегда такъ думалъ»...

«Какъ сей случай вѣрный и не по почтѣ, то и разсудилось мнѣ слово сказать тебѣ относительно письма твоего подъ № 2 о женитьбѣ и касательныхъ до того обстоятельствъ... Не стоитъ труда отечество свое вовсе оставлять. Взгляни на твари безсловесныя, которыя всегда мѣстъ своихъ и лѣсовъ держатся, въ которыхъ онѣ родились и взросли. То кольми паче человѣкъ, тварь одаренная разумомъ и разсудкомъ, долженъ сего правила держаться. Когда прилежно и хорошенько разсудить, кажется, должно дѣлать остуду всякому горящему любовному пламени, яко слѣпотою возжигаемому и горящему».

Изъ письма гетмана Кирилла Разумовскаго къ сыну Андрею.

Андрей Кирилловичъ Разумовскій, **Erzherzog Andréas**, какъ его любовно-иронически называли въ Вѣнѣ за величественную осанку, за строгое соблюденіе этикета, за необыкновенно роскошный образъ жизни, возвращался домой со своей ежедневной прогулки верхомъ. Всю главную аллею Пратера онъ проскакалъ галопомъ и это его утоми-

ло. Андрею Кирилловичу было болѣе шестидесяти лѣтъ. Онъ и верхомъ катался больше по привычкѣ; врачи давно совѣтовали ему бросить верховую ѣзду, или, ужъ если ѣздить, то медленно, на смирной лошади. Разумовскій немного гордился тѣмъ, что не очень слѣдуетъ предписаніямъ врачей.

На нижнемъ Пратерѣ, подъѣзжая къ рѣкѣ, онъ остановился, снялъ шляпу и поѣхалъ шагомъ. Ѣздилъ онъ по старой Зейдлицевской школѣ, на шенкеляхъ и короткихъ поводьяхъ, на длинныхъ стременахъ, на небольшомъ сѣдлѣ съ огромной раззолоченной попоной. Старый голштинскій конь съ перевязаннымъ хвостомъ, закусывая удила и озираясь по сторонамъ, шелъ такъ, точно съ минуты на минуту собирался встать на дыбы и сбросить всадника. Прохожіе сторонились съ восхищеніемъ.

Во время прогулки съ графомъ Разумовскимъ случилось небольшое происшествіе. Къ нему подъѣхалъ господинъ на прекрасной англійской лошади, любезно съ нимъ побесѣдовалъ о погодѣ, затѣмъ простился. Разумовскій не могъ вспомнить, кто это такой. Онъ помнилъ только, что господинъ этотъ былъ король; но какой именно король, Разумовскій рѣшительно не помнилъ. Андрей Кирилловичъ зналъ всѣхъ владѣтельныхъ принцевъ Европы; теперь въ Вѣну ихъ съѣхалось много, среди нихъ было немало королей, и всѣ они ежедневно гуляли и катались верхомъ по Пратеру безъ свиты, безъ адъютантовъ и даже, какъ имъ казалось, безъ полицейской охраны (въ дѣйствительности, тайные

агенты австрійской полиціи повсюду ихъ сопровождали, но это дѣлалось совершенно незамѣтно).

Встрѣченный господинъ не былъ ни прусскимъ, ни баварскимъ, ни вюртембергскимъ королемъ, — ихъ Андрей Кирилловичъ не могъ бы не узнать. «Кто бы такой былъ?.. Можетъ, не король, а великій герцогъ, или принцъ какой?» — спрашивалъ онъ себя. — «Баденскій? Веймарскій? Шаумбургъ-Липпе? Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ?.. Да нѣтъ же... Слава Богу, и этихъ не первый годъ знаю... Можетъ, Антонъ Саксонскій?.. У него и видъ былъ словно въ загонѣ», — думалъ Андрей Кирилловичъ (саксонцы, какъ недавніе союзники Наполеона, были не въ чести у руководителей Конгресса). — «Нѣтъ, я вѣрно помню, что король»...

Разумовскій съ улыбкой вспоминалъ это странное происшествіе: говорилъ онъ съ господиномъ такъ, какъ говорилъ бы съ королемъ, но титулованія тщательно избѣгалъ, скороговоркой вставляя въ свои фразы что-то немного похожее на титулъ. Король прекрасно говорилъ по французски, съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ, — это примѣтой служить не могло. «Такъ они всѣ говорятъ... Презабавно», — думалъ Андрей Кирилловичъ. «А лицо знакомое, точно... Совсѣмъ сталъ терять память!.. Батюшка до восьмидесяти былъ головою свѣжъ... Не намъ чета»...

По мосту, носившему его имя, Разумовскій выѣхалъ на улицу, тоже носившую его имя, и за поворотомъ, издали, увидѣлъ свой дворецъ. Видъ вели-

колѣпнаго зданія всегда доставлялъ Андрею Кирилловичу наслажденіе. Теперь къ этому примѣшивалась боль: Разумовскій рѣшилъ подарить свой дворецъ для посольства государю. Слухи объ его намѣреніи уже ходили по городу и вызывали много толковъ. Близкимъ людямъ было извѣстно, что дѣла графа далеко не блестящи и никакъ не позволяютъ ему дѣлать подарки стоимостью въ два милліона. Одни — недоброжелатели — объясняли намѣреніе Разумовскаго тонкимъ дипломатическимъ разсчетомъ: государь скорѣе всего откажется отъ подарка, а если приметъ, то, конечно, предложитъ Андрею Кирилловичу на вѣчныя времена должность посла при императорѣ Францѣ: не выгонять же человѣка изъ имъ же подареннаго дома. Всѣ знали, что Разумовскій обожаетъ Вѣну, свыкся съ ней за двадцать пять лѣтъ, былъ женатъ на одной австрійской графинѣ, теперь скоро женится на другой, и больше всего на свѣтѣ боится, какъ бы его не заставили куда-нибудь уѣхать. Другіе говорили, что Разумовскій никакого тонкаго разсчета не имѣетъ, а просто онъ Erzherzog Andreas, которому отъ природы свойственно поражать людей необыкновенными поступками: такъ, онъ въ свое время скупилъ и снесъ двадцать семь домовъ для постройки дворца, хоть былъ въ долгу, какъ въ шелку; такъ онъ выстроилъ на свой счетъ каменный мостъ черезъ рѣку въ цѣляхъ разумной экономіи: чтобы не тратить, на дальній объѣздъ, времени и, слѣдовательно, денегъ. При этомъ старые друзья съ улыбкой

вспоминали, что говорилъ на своемъ живописномъ народномъ языкѣ покойный гетманъ Кириллъ Григорьевичъ о разныхъ экономическихъ проэктахъ любимаго сына.

На площади передъ дворцомъ (она тоже носила имя Разумовскаго) стояло нѣсколько экипажей. Кучера и лакеи срывали съ себя шапки. Андрей Кирилловичъ, кивая благосклонно головой, вглядывался въ гербы на каретахъ и соображалъ, кому онѣ принадлежатъ. «Уже гости?.. Что-то нынче рано», — подумалъ онъ безъ оживленія. Не остановившись у главнаго подъѣзда, Разумовскій проѣхалъ къ манежу, который теперь былъ передѣланъ въ залу для большихъ пріемовъ; здѣсь долженъ былъ состояться обѣдъ на триста шестьдесятъ персонъ.

Управляющій, толстый осанистый человѣкъ, распоряжавшійся работой въ манежѣ, увидѣвъ графа, взволнованно хлопнулъ два раза въ ладоши и, снявъ высокую шляпу, быстро коротенькими шагами вышелъ навстрѣчу. Подбѣгавшіе слуги уже помогали Андрею Кириловичу сойти съ лошади. Онъ потрепалъ ее по шеѣ, взошелъ на крыльцо, скрывая одышку, и заглянулъ въ манежъ. Тамъ все было отлично.

— Надѣньте шляпу, холодно, — сказалъ усталымъ голосомъ Андрей Кирилловичъ.

Управляющій доложилъ о приготовленіяхъ къ обѣду: курьеръ, посланный во Францію за трюфелями, виноградомъ и устрицами, только что вер-

нулся. Стерлядь съ Волги навѣрное привезутъ завтра. Ананасы и вишни привезены, такіе, что лучше нельзя желать. Разумовскій не безъ удовольствія слушалъ управляющаго: онъ очень любилъ вѣнскій діалектъ. Но устрицы, стерлядь и вишни мало его интересовали. Андрей Кирилловичъ и въ былыя времена не былъ гастрономомъ. Неожиданно онъ поймалъ себя на мысли, что ему совершенно все равно, какъ сойдетъ обѣдъ. «Можно полагать, сойдетъ хорошо... Въ тысячу первый разъ... Ну, и слава Богу», — равнодушно подумалъ онъ. — «А сердце вправду пошаливаетъ изрядно... Вѣдь ужъ минуты три, какъ сошелъ съ лошади»...

— Только вишни обошлись въ Петербургѣ дорого, Ваше Превосходительство, по рублю штука, значитъ, по нынѣшнему курсу немного больше флорина, — говорилъ озабоченно управляющій. — Такой сезонъ... Ничего не подѣлаешь...

— Da kann ma nix machen, — разсѣянно повторилъ Разумовскій.

— А вотъ масло, Ваше Превосходительство, придется взять мѣстное: датскаго ни въ одномъ магазинѣ сейчасъ нѣтъ...

«Господи!.. Ну да, это былъ датскій король! Натурально!» — съ облегченіемъ вспомнилъ Андрей Кирилловичъ. — Какъ же я его не узналъ, ce cher Frédéric?.. Правда, очень давно не видались, а все-же»...

— Ничего не подѣлаешь, — опять сказалъ онъ шутливо. — Возьмемъ вѣнское... Больше ничего?

— Ничего, Ваше Превосходительство... Еще разрѣшите доложить, приходилъ господинъ капельмейстеръ ванъ-Бетховенъ и велѣлъ сказать Вашему Превосходительству, что не можетъ быть завтра во дворцѣ.

— Какъ не можетъ быть? Почему? — вскрикнулъ Разумовскій.

— Господинъ капельмейстеръ не сказалъ, по какой причинѣ, — съ почтительной улыбкой отвѣтилъ управляющій. — Ваше Превосходительство изволите знать господина ванъ-Бетховена.

— Да это невозможно! Совершенно невозможно! — разстроенно сказалъ Разумовскій. — Можетъ быть, онъ обидѣлся за что?

— Не могу знать, Ваше Превосходительство.

— Я сейчасъ напишу ему письмо, — сказалъ, подумавъ, Андрей Кирилловичъ. — Не знаете ли вы, кто здѣсь?

Управляющій назвалъ имена гостей. Обязанность хозяйки дома у Андрея Кирилловича выполняла, совмѣстно со своей сестрой, графиня Тюргеймъ, уже неоффиціально считавшаяся его невѣстой. Однако, независимо отъ этого, боготворившія Разумовскаго вѣнскія дамы постоянно посѣщали его гостепріимный домъ и послѣ смерти первой жены графа. Для него допускались отступленія отъ правилъ: онъ самъ создавалъ правила.

Услышавъ имена, Разумовскій слегка поморщился: гости — и мужчины, и дамы, — были пріят-

ные, но среди нихъ находились двѣ дамы одного ранга. Это значило, что придется все время стоять. По этикету, принятому въ ту пору въ Вѣнѣ, всякая графиня должна была уступать мѣсто входящей въ гостиную княгинѣ, которая вставала передъ княгиней, старѣйшей по времени пожалованія титула. Княгини уступали мѣсто оберъ-гофмейстеринамъ. Если же высшія дамы въ салонѣ были одинаковаго ранга, то ни одна не садилась и все общество простаивало на ногахъ цѣлый вечеръ. Прежде самыя неудобныя формальности этикета представлялись Разумовскому вполнѣ разумными и необходимыми. Теперь обычай этотъ показался ему крайне страннымъ. «И многое у нихъ такое же, ежели правду сказать»... Андрей Кирилловичъ съ легкимъ раздраженіемъ вспомнилъ, что австрійскій императоръ подавалъ руку лишь тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые были министрами, высшими чинами двора или имѣли титулъ не ниже графскаго. Разумовскій не разъ видѣлъ, какъ на пріемахъ императоръ Францъ улыбкой и наклоненіемъ головы здоровался съ заслуженными генералами, и тутъ-же при нихъ протягивалъ руку молодымъ титулованнымъ офицерамъ. «Изъ разныхъ альтернативовъ надо брать лучшій: у насъ умнѣе и пріятнѣе, а пышности, пожалуй, не столь ужъ и менѣе», —думалъ Андрей Кирилловичъ. «И недоразумѣнія между рода и чина не могутъ быть... Что такое титулъ? Покойный дядя былъ во времени, вотъ у насъ и титулъ»...

Въ сопровожденіи управляющаго, который продолжалъ сообщать разныя подробности о предстоявшемъ обѣдѣ, Разумовскій черезъ садъ направился къ боковому внутреннему подъѣзду дворца. Уже темнѣло. Красные листья падали съ деревьевъ. У фонтана Андрей Кирилловичъ остановился передохнуть. Отсюда, въ полутьмѣ, дворецъ былъ еще прекраснѣе. «Да, жаль все это навсегда покинуть», — подумалъ онъ неопредѣленно, не то имѣя въ виду свой подарокъ, не то другое навсегда.

— ... А по угламъ, Ваше Превосходительство, будутъ, какъ вы приказывали, щиты съ обозначеніемъ побѣдъ союзныхъ войскъ...

Во дворцѣ вспыхнулъ и побѣжалъ по фитильку огонекъ. Сразу освѣтились окна двухъ главныхъ гостиныхъ, картинной галлереи. При всей своей любви къ старинному укладу жизни, Андрей Кирилловичъ не отказывался отъ полезныхъ новшествъ: такъ и отопленіе у него было новое, водяное, по трубамъ, проходившимъ подъ поломъ, — такое недавно устроили и въ нѣкоторыхъ залахъ Бурга. «Значитъ, въ залѣ Кановы никого нѣтъ, туда и пройду», — подумалъ Разумовскій, поднимаясь по засыпаннымъ листьями ступенямъ. Онъ отпустилъ управляющаго.

Французъ-камердинеръ встрѣтилъ графа на лѣстницѣ внутреннихъ покоевъ. Андрей Кирилловичъ приказалъ приготовить жабо съ брабантскими кружевами, бѣлый муслиновый галстухъ и сюртукъ.

araignée méditant un crime. «Какъ это глупо: araignée méditant un crime!», — подумалъ онъ, удивляясь тому, что онъ серьезно произнесъ, а лакей серьезно выслушалъ такое названіе.

Въ бѣлой залѣ, сплошь заставленной статуями Кановы, зажглись алебастровыя лампы. Одна изъ нихъ заливала бѣлымъ свѣтомъ «Флору». Противъ этой статуи стояло небольшое бюро: Андрей Кирилловичъ любилъ работать въ галлереѣ. «Еще не поздно», — подумалъ онъ, взглянувъ на часы, сѣлъ за столъ и сталъ писать: «Mein lieber Beethoven...» Написавъ нѣсколько строкъ, Разумовскій задумался. Онъ чувствовалъ все большую усталость, сердцебіеніе не прекращалось. «Или вправду бросить верховую ѣзду?.. Хорошъ женихъ!.. Покойный папа любилъ повторять изъ Сираха: «юнъ бѣхъ и состарѣхся, инъ тя пояшетъ и ведетъ тебя, амо же не хощеши»... Да, именно, амо же не хощеши. Касательно конгресса тоже не хорошо... Нессельродъ все дѣлаетъ»... Разумовскій былъ первымъ русскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ, но почти не принималъ участія въ работахъ. «Можетъ, потому и взяли, что надо было хоть одного русскаго: остальные — Нессельродъ, Штакельбергъ, Поццо-ди-Борго, Каподистрія и Анштеттъ... Вмѣстѣ называются русская делегація на конгрессѣ», — съ легкой ироніей думалъ Андрей Кирилловичъ, хоть онъ ровно ничего не имѣлъ противъ инородцевъ и иностранцевъ. — «Да, хорошаго не видно... Собственно все миновало... Успѣхи впрочемъ веселости не до-

ставляли и прежде... Сплетни, клевета, злоба, зависть, **voilà le revers d'une médiocre médaille**... Дѣла тоже сумнительны... Вотъ и Хорошево продано послѣ столькихъ другихъ маетностей... Теперь остался одинъ Батуринъ, да и онъ заложенъ... У меня нѣтъ денегъ и у Бетховена нѣтъ», — съ печальной усмѣшкой думалъ Разумовскій. — «Только онъ обѣда на триста шестьдесятъ персонъ не даетъ, ему заплатить сапожнику не изъ чего. А за него по настоящему можно отдать всю Вѣну»... Андрей Кирилловичъ прочиталъ записку, добавилъ еще нѣсколько любезныхъ словъ и запечаталъ.

«Quelle vanité que la peinture, qui attire l'admiration par la ressemblance des choses dont on n'admire point les originaux».

П а с к а л ь.

— ... Господа, еще секунда, и вы будете свободны, сеансъ кончается, уже недостаточно свѣтло, — сладкимъ голосомъ говорилъ мосье Изабе, стоя, съ кистью въ рукѣ, вполоборота у мольберта и безпрестанно переводя съ залы на полотно зоркій, слегка прищуренный взглядъ. — Милордъ, немного пониже голову... Благодарю васъ... Князь, ваша улыбка очаровательна, но, вы знаете, я желалъ бы изобразить конгрессъ торжественнымъ и серьезнымъ, какъ подобаетъ такому высокому собранію... Предположите на секунду, что императоръ Наполеонъ вернулся съ острова Эльбы... Вотъ такъ, теперь чудесно...

Делегаты смѣялись, мосье Изабе и здѣсь былъ общимъ любимцемъ.

— Еще одна минута, господа, только одна минута, я знаю, какъ дорого ваше время... А сегодня вдобавокъ эти наши живыя картины во дворцѣ... Не безпокойтесь, господа, вы не опоздаете, вѣдь руководство постановкой лежитъ на мнѣ. До нача-

ла спектакля еще не менѣе трехъ часовъ, времени у васъ хватитъ даже для того, чтобы разрѣшить польскій вопросъ... Господинъ предсѣдатель конгресса, удостойте взглядомъ вашего покорнаго слугу... Благодарю... Такъ... Господа, поздравляю васъ, вы свободны: сегодняшній сеансъ конченъ.

— Конченъ? Ну, вотъ и отлично...

— Да, вы насъ продержали...

— Зато очень подвинулось...

— Какой талантъ!.. Какъ онъ мѣтко васъ схватилъ!

— Развѣ? Вотъ вы, по моему, вышли прекрасно!

— Когда же будетъ готово?

— Господа, поздно...

— Обѣдать... Ѣдемъ...

Конгрессъ пришелъ въ движеніе. Таллейранъ всталъ и потянулся. Меттернихъ, улыбаясь, поднялъ съ пола свой портфель. Гарденбергъ надѣлъ мѣховой плащъ, небрежно повѣшенный на спинку стула. Кастльри взялъ брошенную трость. Мосье Изабе, которому надоѣло мѣстничество делегатовъ, придалъ своей композиціи непринужденный характеръ. Предсѣдательское кресло оставалось незанятымъ: на картинѣ не должно было быть центра. Настоящая работа шла въ мастерской мосье Изабе на отдѣльныхъ сеансахъ. Здѣсь онъ былъ занятъ общимъ планомъ картины.

Делегаты, оживленно переговариваясь, выходили изъ залы, или, любуясь полотномъ, говорили

комплименты художнику. Мосье Изабе учтиво благодарилъ, съ необыкновеннымъ вниманіемъ выслушивалъ замѣчанія и неизмѣнно со всѣми соглашался. При этомъ видъ у него былъ такой, точно указаніе казалось ему геніальнымъ. Однако, тѣхъ делегатовъ, которые, прощаясь, говорили ему «дорогой Изабе», онъ такимъ же покровительственнымъ тономъ называлъ просто по фамиліи, не обращая никакого вниманія на оскорбленно-изумленное выраженіе, выступавшее на лицѣ делегата.

Задернувъ покрывало надъ полотномъ, мосье Изабе вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ для него былъ приготовленъ рукомойникъ. Лакей презрительно сливалъ воду на руки живописцу. Мосье Изабе поговорилъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ съ лакеемъ и ему тоже сказалъ какую-то любезность. Онъ это дѣлалъ по убѣжденію, признавая совершенную необходимость комплиментовъ въ обращеніи съ людьми. Мосье Изабе не въ сознаніи, а гдѣ-то на днѣ души едва ли не считалъ всѣхъ людей душевно-больными.

Закончивъ разговоръ съ сосѣдями о вчерашнемъ спектаклѣ въ Бургъ-театрѣ, Разумовскій вышелъ изъ залы конгресса. Въ вестибюлѣ, у лѣстницы, онъ увидѣлъ мосье Изабе; съ художникомъ стоялъ одинъ изъ второстепенныхъ делегатовъ.

— Да, Ваше Превосходительство, къ великому своему огорченію, я долженъ былъ отвести вамъ мѣсто не за столомъ, а позади стола, — нѣжнымъ голосомъ говорилъ Изабе. — Но, во-первыхъ, толь-

ко чуть-чуть позади... Чуть-чуть!.. А, во-вторыхъ, я знаю, для васъ — и, быть можетъ, для васъ одного — это никакого значенія не имѣетъ. Vous avez l'âme trop haute, Votre Excellence, pour attacher la moindre importance à ces mesquines questions de préséance.

— Разумѣется, для меня лично это никакого значенія не имѣетъ и имѣть не можетъ, — мрачно отвѣтилъ делегатъ. — Но я здѣсь представляю свою державу и, признаюсь, меня нѣсколько удивило то мѣсто, которое вы, дорогой мосье Изабе, отвели мнѣ на картинѣ, имѣющей оффиціальный характеръ.

Изабе кротко вздохнулъ.

— Зато вы поставлены вровень съ портретомъ императора Франца. Оцѣнили ли вы это, Ваше Превосходительство?.. — сказалъ онъ съ силой въ голосѣ, видимо, обрадовавшись новому доводу. — Я хотѣлъ этимъ оттѣнить и значеніе вашей державы, и то особое мѣсто, которое лично вы заняли на конгрессѣ, благодаря вашему уму и дарованіямъ... Обратите вниманіе, Ваше Превосходительство, еще и на то, что вы представлены en face, а не въ профиль. Это тоже очень существенно, — говорилъ мосье Изабе, улыбаясь подходившему къ нимъ Разумовскому. — Знаете ли вы, что, если герцогъ Веллингтонъ пріѣдетъ на конгрессъ, я долженъ буду его изобразить сбоку, на самомъ краю картины, и въ профиль. Да, самого герцога Веллингтона! Ибо другого мѣста нѣтъ.

— О чемъ, смѣю ли узнать, споръ? — спросилъ Разумовскій.

— О, никакого спора, — поспѣшно отвѣтилъ дипломатъ. — Я высказываю мосье Изабе свое восхищеніе: композиція его картины задумана такъ искусно.

Онъ кисло улыбнулся и отошелъ. Мосье Изабе сокрушенно посмотрѣлъ на Разумовскаго.

— Что? Недоволенъ мѣстомъ? — спросилъ Андрей Кирилловичъ.

— Силъ моихъ больше нѣтъ! — отвѣтилъ Изабе, поднимая руки. — Всѣ задѣты, всѣ обижены, всѣ недовольны... Кромѣ васъ, графъ, — любезно добавилъ онъ. — Что же будетъ, если въ самомъ дѣлѣ пріѣдетъ Веллингтонъ!

— Вы вправду его помѣстите съ краю? — недовѣрчиво спросилъ Разумовскій.

— Куда же мнѣ его дѣть?.. Можетъ, Богъ дастъ, это только слухи, и онъ не пріѣдетъ. Нельзя же въ послѣднюю минуту все мѣнять. Пусть стоитъ въ профиль, съ краю у двери, будто только что вошелъ... Но я знаю, что ему сказать. Я скажу ему, что въ профиль онъ похожъ на короля Генриха IV...

— По моему, никакого сходства.

— По моему, тоже.

— Ни по лицу, ни по уму.

— Этого я не смѣю говорить о столь высокопоставленномъ человѣкѣ. Но спорить съ вами я тоже не смѣю... **Pour ne pas donner un démenti à**

Votre Excellence, — почтительно сказалъ мосье Изабе.

Очень довольные другъ другомъ, они направились къ выходу. Швейцаръ безъ булавы подалъ шубы, швейцаръ съ булавой открылъ настежь дверь. По Ballplatz отъѣзжали послѣднія кареты. Впереди бѣжали скороходы въ странныхъ костюмахъ, въ шляпахъ съ перьями; въ рукахъ у скороходовъ были факелы, хоть еще и не стемнѣло.

— Что же вы, графъ, не скажете мнѣ ничего о моей картинѣ? — лукаво спросилъ на улицѣ мосье Изабе. — Пойдемъ пѣшкомъ, правда?.. Вамъ она не нравится?

— Очень нравится, напротивъ, — отвѣтилъ Разумовскій. — И я радъ тому, что вы пишете картину. Вы знаете, какъ я люблю и цѣню вашъ огромный талантъ, но не лежитъ у меня душа къ миніатюрѣ. По моему, у миніатюристовъ вырабатывается особое отношеніе къ жизни: они все себѣ представляютъ въ маломъ видѣ, а потому видятъ малое во всемъ. У миніатюры нѣтъ будущаго.

— А, по моему, самое высшее искусство именно миніатюра. Потому что... Впрочемъ, не знаю, какъ объяснить... Искусство не должно быть слитнымъ... Вотъ вы боготворите Канову! Что и говорить, талантливый человѣкъ, его искусство очень нарядно... По вашему, у Кановы есть будущее? Я думаю, никакого. Голый огромный Наполеонъ со статуей свободы въ рукѣ у меня ничего, кромѣ смѣха, не вызываетъ. Я разъ двадцать писалъ Наполе-

она на табакеркахъ. Очень можетъ быть, это и не Богъ знаетъ что такое. Но, по совѣсти, «Наполеонъ» Кановы ни одной моей табакерки не стоитъ...

— Да развѣ ваши миніатюры не нарядны? — разводя руками, возразилъ Разумовскій; онъ обидѣлся за Канову.

— Нарядны, но въ мѣру... Онѣ прежде всего, вѣрны. Если аккуратность вѣжливость королей, точность мельчайшихъ деталей картины, по моему, вѣжливость художника. Меня бранятъ за вниманіе къ мелочамъ, — развѣ въ картинѣ есть мелочи! Задача искусства выписывать и оживлять, а одно невозможно безъ другого. Изъ искусства надо выжать воду. Сухость недостатокъ въ чемъ угодно, но только, пожалуй, не въ живописи. Будущее принадлежитъ тому искусству, которое удачно загримируется подъ бездѣлушку. Нарядность? Да, конечно, безъ нея не обойтись. Искусство всегда немного наряднѣе, чѣмъ жизнь, иначе оно было бы невыносимо... Впрочемъ, Наполеонъ моихъ послѣднихъ табакерокъ почти и не наряденъ: усталый, пожилой человѣкъ, все взявшій отъ жизни.

— Это оттого, дорогой мосье Изабе, что вы предвидѣли паденіе имперіи, — сказалъ съ усмѣшкой Разумовскій. — Когда вы писали корсиканца, вы навѣрное уже предчувствовали, что черезъ годъ будете писать насъ... Я шучу, конечно, — поспѣшилъ добавить онъ.

— Замѣтьте еще, дорогой графъ, — сказалъ мосье Изабе, — что до корсиканца, который, кста-

ти сказать, былъ умнѣе всѣхъ жителей Бурга, вмѣстѣ взятыхъ, да еще съ Ballplatz на придачу, до корсиканца я писалъ разныхъ революціонеровъ. Среди нихъ тоже попадались хорошіе люди. А до революціонеровъ я писалъ несчастную королеву Марію-Антуанетту. Она была прелестная женщина. Политическіе дѣятели для того и живутъ, чтобъ рѣзать другъ друга, я въ этомъ не виноватъ. Мое дѣло писать возможно лучше — и только. Едва ли потомство будетъ особенно интересоваться моими политическими взглядами, неправда ли?

— Надѣюсь, вы на меня не обидѣлись? — спросилъ Разумовскій. — Ужъ намъ-то, профессіональнымъ политикамъ, хвастать нечѣмъ... Кстати, слышали ли вы о послѣднемъ выступленіи вашего друга князя Таллейрана? Онъ предлагаетъ конгрессу, 21-го января, въ день казни короля Людовика XVI, отслужить торжественную панихиду въ соборѣ св. Стефана... Даю вамъ слово!.. Долженъ сказать, мы всѣ видали виды, но когда этотъ человѣкъ, бывшій закоренѣлый революціонеръ, другъ и товарищъ всѣхъ цареубійцъ Конвента, внесъ свое предложеніе, въ залѣ наступило гробовое молчаніе, всѣ мы опустили глаза, какъ институтки... Разумѣется, предложеніе было принято.

— Какъ же, я знаю. Мнѣ поручено выработать церемоніалъ 21-го января... Все это не мѣшаетъ Таллейрану быть самымъ очаровательнымъ человѣкомъ на свѣтѣ, — отвѣтилъ мосье Изабе. — Онъ предастъ лучшаго друга, но предастъ такъ, что

прямо картину съ него пиши... Вы тоже во дворецъ, графъ? Я тороплюсь на репетицію. Такъ и проходитъ моя жизнь, — со вздохомъ сказалъ онъ, — съ одной пантомимы на другую.

— Это старо, дорогой мосье Изабе... Что вы сегодня ставите?

— Мы ставимъ «Олимпъ». Боговъ я подобралъ на славу, но Венеру не рѣшалась играть ни одна изъ дамъ: то ли изъ скромности, то ли изъ боязни насмѣшекъ... Я придумалъ выходъ: Венера будетъ стоять спиной къ публикѣ. Мнѣ удалось безъ труда найти даму, которая сзади очень похожа на Венеру. Это фрейлина, мадемуазель Виллемъ. Послѣ пантомимы будетъ романсъ въ лицахъ, музыка королевы Гортензіи... А вы зачѣмъ такъ рано во дворецъ?

— Я долженъ представить царю и царицѣ одного очень несчастнаго человѣка, композитора Бетховена. На дняхъ будетъ его концертъ... Надо собрать для бѣдняги денегъ. Къ несчастью, императоръ Францъ очень его не жалуетъ... Прусскій король пришлетъ за билетъ десять дукатовъ, я его знаю. Другіе — дай Богъ, чтобы хоть приняли билеты. Вся надежда на царя... Бѣда въ томъ, что имъ будетъ трудно разговаривать, — сказалъ озабоченно Разумовскій. — Императоръ Александръ, какъ вы знаете, довольно плохо слышитъ. А мой протеже просто глухъ.

— Композиторъ? — удивленно спросилъ мосье Изабе.

— Да. Послалъ же Господь такое несчастье! — со вздохомъ сказалъ Разумовскій.

— Это ужасно! — отвѣтилъ, закрывъ глаза, мосье Изабе. — Бѣдный человѣкъ!.. Вотъ что, графъ, я не императоръ и не король, но я сдѣлаю что могу: скажите этому... Какъ вы его назвали?.. скажите ему, чтобъ онъ послалъ билетъ и мнѣ, по товарищески, просто, какъ артистъ артисту... Онъ хорошій композиторъ?

— Спасибо, — ласково сказалъ Разумовскій. Онъ былъ тронутъ. — Хорошій ли композиторъ? Сказать «превосходный», «удивительный» значитъ сказать глупость. Я вамъ отвѣчу такъ: онъ мой послѣдній шансъ на безсмертіе. Если черезъ сто лѣтъ люди будутъ иногда обо мнѣ вспоминать, то развѣ только потому, что этотъ человѣкъ посвятилъ мнѣ двѣ свои симфоніи.

Мосье Изабе посмотрѣлъ на Разумовскаго.

— Вотъ какъ? — сказалъ онъ съ легкой грустью. — Очень интересно... **Sehr fidel, sehr fidel,** — добавилъ онъ, помолчавъ. Мосье Изабе зналъ, что слово «fidel» употребляется у нѣмцевъ не въ такомъ смыслѣ, какъ по-французски, и пользовался имъ наудачу, съ видимымъ удовольствіемъ.

— Опять fidel! Вы злоупотребляете, дорогой мосье Изабе, — смѣясь сказалъ Разумовскій. — Врóдѣ, какъ лордъ Кастльри словомъ features... Вы замѣтили, онъ ни одной фразы не можетъ сказать безъ features...

«Я познакомился въ Теплицѣ съ Бетховеномъ. Его талантъ поразилъ меня. Къ несчастью, это совершенно необузданный человѣкъ. Онъ не вполнѣ неправъ, считая міръ отвратительнымъ. Но онъ міра не сдѣлаетъ менѣе несноснымъ ни для себя, ни для другихъ».

Изъ письма Гете.

Режиссера пантомимы «Олимпъ» звали Омеръ, — только очень мрачный человѣкъ не использовалъ бы этого для каламбура. Сіяя отъ радости, мосье Изабе поговорилъ съ Омеромъ и поздравилъ его съ блестящимъ успѣхомъ живыхъ картинъ: пантомима сошла превосходно. Артисты-любители обожали художника: онъ всегда всѣхъ оживлялъ своимъ весельемъ, всѣмъ говорилъ только пріятное, и даже его критическія замѣчанія никогда не задѣвали, — такъ онъ ихъ подавалъ. Мосье Изабе горячо поблагодарилъ участниковъ пантомимы, а одну молоденькую барышню, которая особенно ему нравилась (ему нравились почти всѣ), тутъ же расцѣловалъ, сославшись на свой возрастъ, что вызвало общіе протесты.

Изъ зала доносились звуки марша. Антрактъ передъ романсами въ лицахъ былъ короткій. Быстро перемѣнили декорацію. При спущенномъ занавѣсѣ влюбленная пара, осторожно ступая на цыпочкахъ, вышла на сцену и въ послѣдній разъ, подъ руководствомъ мосье Изабе, прорепетировала дѣйствіе. Онъ самъ вполголоса напѣвалъ мелодію романса: и мелодія эта, и видъ влюбленныхъ доставляли искреннее удовольствіе мосье Изабе.

Послышался звонокъ. «Только не волнуйтесь... Ради Бога, не волнуйтесь!» — страшнымъ шопотомъ сказалъ режиссеръ. Лица влюбленныхъ поблѣднѣли. Мосье Изабе укоризненно посмотрѣлъ на Омера, подивившись въ опытномъ человѣкѣ такому непониманію человѣческой натуры. Онъ засмѣялся, потрепалъ по плечу влюбленнаго и сказалъ влюбленной, что она никогда не была такъ хороша.

— Какъ я ему завидую!.. Нѣтъ, какъ я ему завидую, этому юному князьку! — сказалъ онъ весело и удалился за кулисы на свой наблюдательный постъ сбоку. Занавѣсъ поднялся. Музыка заиграла романсъ. Влюбленные взялись за руку. Мосье Изабе почувствовалъ, что все опять пойдетъ прекрасно.

Его роль кончилась. «Надо бы посмотрѣть, какъ выходитъ изъ зала», — подумалъ онъ и ушелъ съ наблюдательнаго поста. «Кажется, сюда, а оттуда выйду корридоромъ»... Мосье Изабе еще плохо

разбирался въ безчисленныхъ залахъ Бурга. Онъ спустился по лѣсенкѣ, прошелъ по одному корридору, куда-то свернулъ по другому и очутился въ красномъ раззолоченномъ салонѣ, гдѣ, къ его огорченію, играли въ карты люди, очевидно, не интересовавшіеся ни живыми картинами, ни романсами въ лицахъ. На вечерахъ императрицы во дворцѣ была полная свобода. У одного изъ столиковъ, спиной къ мосье Изабе, стояло, слѣдя за партіей, нѣсколько человѣкъ зрителей: за этимъ столомъ игралъ князь Таллейранъ, лучшій игрокъ въ вистъ Европы. Мосье Изабе, пріятно улыбаясь, обогнулъ столъ. Передъ нимъ мелькнуло мертвенно-блѣдное, безстрастное, безжизненное лицо. Онъ вздрогнулъ: за столикомъ Максимиліанъ Робеспьеръ игралъ въ карты съ нѣмецкими принцами. Жуткое сходство это всегда поражало художника: въ далекіе дни революціи, молодымъ человѣкомъ, мосье Изабе не разъ видалъ вблизи Робеспьера.

Звуки музыки приближались. Мосье Изабе вышелъ, наконецъ, въ тотъ рядъ залъ, по которому послѣ романсовъ долженъ былъ пройти полонезъ, съ русскимъ царемъ и австрійской императрицей въ первой парѣ. Программа бала разрабатывалась также при участіи мосье Изабе. Романсъ подходилъ къ концу. «Ужъ не поспѣю... Да, можетъ, лучше и не входить, еще будутъ, пожалуй, мнѣ апплодировать», — скромно подумалъ мосье Изабе.
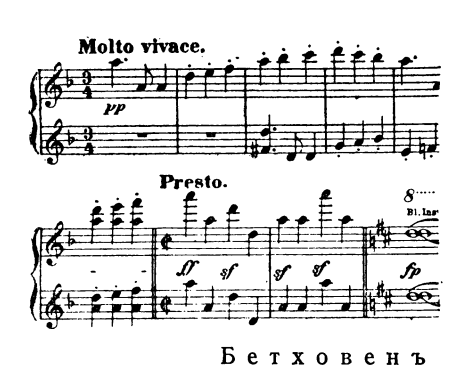
Въ маломъ залѣ дама въ голубомъ платьѣ (модный зеленый цвѣтъ только что уступилъ мѣ-

сто пришедшему изъ Парижа голубому) продавала билеты съ благотворительной цѣлью: въ пользу невольниковъ, угнетаемыхъ мусульманами. Мосье Изабе зналъ эту даму, дочь англійскаго адмирала. Онъ подошелъ къ столу, взялъ билетъ и положилъ въ шкатулку столько, сколько полагалось по его достатку, или развѣ нѣсколько больше: мосье Изабе былъ очень добръ и щедръ; и невольниковъ ему было жаль, и англичанка была славненькая. Въ шкатулкѣ лежали груды золота и ассигнацій. Мосье Изабе еще за кулисами слышалъ, что оба императора дали по тысячѣ дукатовъ. Любезно улыбаясь, онъ поболталъ съ дамой, которая безпокойно слѣдила за его взглядомъ: мосье Изабе, гордившійся своей репутаціей законодателя моды, понималъ, что англичанку очень интересуетъ его мнѣніе объ ея туалетѣ. Онъ немного помучилъ ее ожиданіемъ, а затѣмъ сказалъ, что она одѣта, какъ богиня. Англичанка зардѣлась отъ радости.

Раздались апплодисменты. Лакей, стоявшій у входа въ залъ, открылъ дверь, и тотчасъ изъ нея выскочилъ человѣкъ въ темномъ платьѣ, рѣзко выдѣлявшійся среди гостей своимъ видомъ. Онъ растерянно остановился, со злобой взглянулъ на столъ съ золотомъ, на англичанку, на лакея, и быстро пошелъ дальше. Въ дверяхъ зала показался графъ Разумовскій. — «Да куда же вы? Что же это, наконецъ, такое?» — по нѣмецки укоризненнымъ тономъ сказалъ онъ, нагоняя вышедшаго первымъ гостя. Мосье Изабе догадался, что это и есть тотъ

нѣмецкій музыкантъ, о которомъ говорилъ ему Разумовскій.

Это былъ человѣкъ невысокаго роста, съ рябымъ мрачнымъ лицомъ. Одѣтъ онъ былъ очень бѣдно и небрежно, въ старомодный потертый сюртукъ, съ криво повязаннымъ краснымъ галстухомъ. «Какой некрасивый человѣкъ», — съ сожалѣніемъ подумалъ мосье Изабе, сразу охватившій своимъ безошибочнымъ взглядомъ все, вплоть до плохо подстриженныхъ à la Titus черныхъ густыхъ волосъ, вплоть до короткихъ пальцевъ рукъ. «Надо бы написать его портретъ», — рѣшилъ онъ неожиданно. «Кажется, ему не очень нравится музыка королевы Гортензіи». Въ залѣ гремѣли рукоплесканія. «Большой успѣхъ, все отлично!..» Мосье Изабе направился въ залъ. У двери онъ снова оглянулся и встрѣтился взглядомъ съ нѣмецкимъ музыкантомъ. Глаза музыканта, черные, необыкновенно блестящіе, лежали въ глубокихъ впадинахъ подъ рѣзко сдвинутыми бровями. Лицо его было искажено злобой и страданіемъ. Разумовскій съ умоляющимъ выраженіемъ что-то ему говорилъ. «Да, конечно, изумительное лицо!» — подумалъ мосье Изабе.

Бетховенъ

Пожаръ замѣтили только ночью. Разумовскаго не было дома: съ Рождествомъ оживленіе на конгрессѣ достигло предѣла; никто не ложился спать до утра, люди съ одного праздника отправлялись на другой. Ошалѣвшіе верховые, посланные ошалѣвшимъ управляющимъ, не легко разыскали Андрея Кирилловича. Когда его коляска, во всю прыть лошадей, поднеслась ко дворцу, главный корпусъ уже былъ весь въ огнѣ. Именно въ этомъ корпусѣ находилась картинная галлерея, зала Кановы, знаменитая на весь міръ библіотека. Зарево было видно съ другого конца города.

На площади передъ горѣвшимъ дворцомъ было смятеніе. Съ боковой улицы быстрымъ шагомъ подходилъ отрядъ пѣхоты. Верховые куда-то скакали съ факелами, громко трубя. Огромная бочка, запряженная парой лошадей, пронеслась по площади и карьеромъ влетѣла въ раскрытыя ворота сада. Въ общемъ гулѣ выдѣлился звонъ разбитаго стекла. На мгновенье дворецъ исчезъ въ густыхъ облакахъ чернаго дыма, затѣмъ пламя снова прорвалось, освѣтивъ всю площадь страшнымъ темно-краснымъ свѣтомъ.

Кучеръ Андрея Кирилловича, вскрикивая и ахая, едва сдерживалъ ржавшихъ лошадей. Разумовскій привсталъ въ коляскѣ, хотѣлъ что-то сказать, сѣлъ и всталъ снова. Стоявшій посрединѣ площади управляющій отчаянно замахалъ руками и бросился къ коляскѣ графа. Огненная головня взлетѣла надъ крышей, упала около экипажа и зашипѣла въ растоптанномъ снѣгу. Лошади шарахнулись въ сторону. Разумовскій, сходившій съ подножки, едва не упалъ. Управляющій поддержалъ графа и безсмысленно закричалъ на кучера. Отъ трубныхъ звуковъ, отъ ржанья лошадей, отъ несшагося изъ дворца гула и треска разговаривать было невозможно. Андрей Кирилловичъ растерянно смотрѣлъ то на управляющаго, то, поверхъ его мѣховой шапки, на пылавшій дворецъ.

— Ваше Превосходительство!.. Какое несчастье!.. — говорилъ съ рыданьемъ въ голосѣ управляющій. — Ваше Превосходительство!.. Господи!..

Когда Іоганнъ прибѣжалъ, я выскочилъ, какъ сумасшедшій... Жена тоже... Я кричу: пошлите сію минуту за Его Превосходительствомъ. Смотрю... Господи!..

Распоряжавшійся работами оберъ-брандмейстеръ, узнавъ хозяина дворца, тоже подошелъ, отдалъ честь и, въ отвѣтъ на нѣмой вопросъ графа, развелъ руками, какъ врачъ у постели умирающаго.

— Тотъ корпусъ, можетъ быть, и отстоимъ, — сказалъ онъ, неопредѣленно показывая вдаль рукою. Видъ оберъ-брандмейстера означалъ: «Я, разумѣется, не скажу вамъ сразу всей правды, но вы можете постепенно догадываться».

— Главное это!.. Вотъ это!.. — съ отчаяньемъ произнесъ Разумовскій. — Если нельзя спасти зданіе, спасите...

Голосъ его оборвался.

— Мы сдѣлаемъ все, что только будетъ возможно, — отвѣтилъ привычнымъ ему сочувственнымъ тономъ оберъ-брандмейстеръ. — Главныя работы ведутся изъ сада... Тамъ сдѣланъ нѣмецкій узелъ, черезъ него выбрасываютъ все изъ оконъ... Картины...

Андрей Кирилловичъ не сразу отдалъ себѣ отчетъ, что такое нѣмецкій узелъ и какъ это выбрасываютъ изъ окна его картины. Верховой подскакалъ къ оберъ-брандмейстеру и, низко наклонившись съ сѣдла, что-то ему сказалъ. На лицѣ оберъ-брандмейстера изобразилась досада. Онъ

быстро отошелъ, затѣмъ побѣжалъ къ воротамъ. Андрей Кирилловичъ растерянно посмотрѣлъ на управляющаго, какъ бы желая знать, что ему теперь надо дѣлать и о чемъ спрашивать.

— Гдѣ началось?.. Отчего?..

— Отопленіе, Ваше Превосходительство, это несчастное трубное отопленіе! — съ отчаяньемъ сказалъ управляющій. — Вѣдь я вамъ говорилъ, Ваше Превосходительство!

Андрей Кирилловичъ не помнилъ, чтобы управляющій говорилъ ему объ отопленіи. Но онъ понялъ: пожаръ произошелъ отъ тѣхъ проведенныхъ подъ полами трубъ, которыя онъ устроилъ у себя во дворцѣ и которыми щеголялъ передъ вѣнцами, какъ новымъ словомъ техники.

— Да... Что же дѣлать? что же дѣлать? — сказалъ Разумовскій. Увидѣвъ опять бочку, въѣзжавшую въ ворота, онъ рѣшилъ, что нужно идти въ садъ. Управляющій побѣжалъ рядомъ съ нимъ. Горящія головни падали, шипя, почти безпрерывно.

За воротами, въ саду, дорожки были засыпаны осколками стекла, не то отъ оконъ, не то отъ оранжерей, разбитыхъ пожарной командой. «Ну, это ничего, оранжереи», — бодро подумалъ Андрей Кирилловичъ. — «Оранжереи можно будетъ возобновить». Въ саду было тише, чѣмъ на площади, и, несмотря на безлунную ночь, свѣтло, какъ днемъ, отъ пламени — дымъ валилъ въ другую сторону, — отъ багроваго зарева на небѣ, отъ факе-

ловъ пожарныхъ. Вблизи главной двери дворца, на клумбахъ стояли насосы; возлѣ нихъ работали люди въ странныхъ костюмахъ, въ блузахъ съ капюшонами, въ шлемахъ. Три тонкія, узкія струи съ силой, почти вертикально, били вверхъ, заливая верхній этажъ и главную лѣстницу; рѣзная дверь валялась въ снѣгу, расколотая на куски. Андрей Кирилловичъ внимательно, со страстной надеждой, слѣдилъ за струями. Онъ хотѣлъ было сказать, чтобы хоть одну струю пустили на бель-этажъ, но раздумалъ, не чувствуя въ себѣ силы отдавать распоряженія. «Имъ виднѣе... Это опытные, прекрасные работники»...

Слѣва, гдѣ пожаръ свирѣпствовалъ съ меньшей силой, Разумовскій увидѣлъ то, что оберъ-брандмейстеръ называлъ нѣмецкимъ узломъ: черезъ парусиновую трубу, спущенную изъ окна и привязанную другимъ концомъ къ оглоблѣ телѣжки, пожарные, работавшіе во дворцѣ, выбрасывали вещи. Тѣни людей со шлемами то и дѣло появлялись у этого окна. — «Какіе люди! молодцы какіе!» — съ восторженной благодарностью подумалъ Андрей Кирилловичъ. Парусиновая труба погнулась въ срединѣ и выпрямилась, что-то тяжелое скользнуло, упало и треснуло. Разумовскій ахнулъ и бросился къ телѣжкѣ. Въ грязномъ, тающемъ отъ жара снѣгу, лежали въ расколотыхъ рамахъ картины, продранныя, обуглившіяся, наполовину сгорѣвшія. «Господи! И Тиціаны!» — тихо сказалъ Андрей Кирилловичъ. Онъ опять схватился за голову,

отошелъ къ скамейкѣ и безсильно на нее опустился. «Точно издѣвка!» — подумалъ онъ. — «Вся жизнь пошла прахомъ»...

Черезъ раскрытыя ворота въ садъ внеслась пара лошадей, запряженная въ повозку странной формы. Пожарные соскочили, что-то потянули, что-то подняли, и повозка превратилась въ огромную лѣстницу, заканчивающуюся двумя красиво изогнутыми крючками. Ее мгновенно прислонили къ балкону, зацѣпивъ крючками за перила. Одинъ изъ пожарныхъ подпрыгнулъ, уцѣпился за ступеньку и повисъ, пробуя крѣпость перилъ. Лѣстница устояла. По ней вверхъ быстро и ловко поползли, низко наклонившись, одинъ за другимъ, люди въ шлемахъ. — «Какъ это все ладно, молодцы! надо будетъ ихъ наградить», — сказалъ себѣ Андрей Кирилловичъ и подумалъ, что онъ теперь едва ли не окончательно разоренъ: не было цѣны дворцу и сокровищамъ искусства, которыя онъ собиралъ всю жизнь. Разумовскій и забылъ, что хотѣлъ подарить свой дворецъ государю. — «Что-жъ дѣлать? что-жъ дѣлать? я не виноватъ», — безсмысленно твердилъ онъ. — «Какъ нибудь буду жить далѣ... Люди не оставятъ... Государь поможетъ... Въ гостиницу, что ли, переѣхать?.. Но въ «Zum Römischen Kaiser» теперь и конуры не найти»... Онъ зналъ, что объ уходѣ отсюда сейчасъ не могло быть рѣчи, хоть помощи отъ него не было никакой. Но ему захотѣлось въ постель. Онъ чувствовалъ большую усталость и весь трясся мелкой дрожью. «Диво бу-

деть, если не простужусь... А это что же такое?» Отъ большой бочки у бокового корпуса шли двѣ цѣпи людей: одни передавали изъ рукъ въ руки полныя ведра, другіе возвращали пустыя. «Откуда эти?.. Кто они?..» — Андрей Кирилловичъ вспомнилъ, что всѣ вѣнскія артели каменщиковъ и плотниковъ обязаны по закону являться на пожаръ. «Да, хорошо у нихъ налажено... Славные, добрые люди!..» Вдругъ онъ въ ужасѣ замеръ: сзади донеслось дикое лошадиное ржаніе. Изъ конюшни, тоже ярко освѣщенной, конюхи съ большимъ трудомъ выводили лошадей съ завязанными глазами. «Да, и это славно придумано, что лошадямъ завязываютъ глаза... Какъ догадались!.. Господи, но за что же вѣтеръ!.. Значитъ, залъ Кановы тоже погибъ!.. И «Флора»!..

Ко дворцу тѣмъ временемъ безпрерывно подъѣзжали экипажи. Извѣстіе о пожарѣ въ лучшемъ вѣнскомъ дворцѣ мгновенно разнеслось по всѣмъ баламъ и праздникамъ. На подступахъ къ площади стояли патрули и не пропускали экипажей. Разодѣтые люди съ радостно-возбужденными лицами выходили изъ колясокъ, съ жаднымъ любопытствомъ и ужасомъ глядѣли на объятый пламенемъ дворецъ, обмѣнивались между собой впечатлѣніями:

—«Какое несчастье для графа!..» — «Да, это ужасно»... — «Такихъ сокровищъ искусства нѣтъ ни въ Бургѣ, ни въ Шенбруннѣ»... — «Неужели ничего

нельзя спасти?» — «Все-таки, какъ хотите, пожарное дѣло у насъ не на должной высотѣ»... — «Ахъ, въ Парижѣ то же самое, вспомните пожаръ у Шварценберговъ!..» — «У насъ лѣстницы съ крючками, это наша новинка».. — «Да вѣдь все и случилось изъ за французскаго отопленія»... — «Мы были на балу у Эстергази, вдругъ узнаемъ»... — «А у насъ какъ разъ начался ужинъ»... — «Страшное зрѣлище, но какъ красиво, правда?» — «Ничего красиваго, я наглотался дыму»... — «Бѣдный графъ! Надо бы ему пожать руку»... — Ахъ, да, но гдѣ же онъ?..»

Узнавъ, что графъ въ саду, многіе изъ пріѣхавшихъ направлялись туда черезъ боковыя ворота. Разумовскій сидѣлъ на скамьѣ и съ тупымъ, какъ бы безучастнымъ, вниманіемъ слѣдилъ за огнемъ, разгоравшимся отъ вѣтра все сильнѣе, несмотря на отчаянныя усилія пожарныхъ. Входившіе въ садъ люди колебались, не зная, какъ надо себя вести въ такихъ случаяхъ, — свѣтское воспитаніе предвидѣло все, кромѣ пожара. Одни издали съ почтительной грустью кланялись графу и поспѣшно ретировались. Другіе подходили и молча пожимали ему руку гораздо крѣпче обычнаго. Третьи старались его ободрить и говорили, — объ отопленіи, о красотѣ дворца, о томъ, что все можно будетъ со временемъ отстроить заново. Несмотря на нелѣпость этихъ утѣшеній, общее сочувствіе немного укрѣпило Андрея Кирилловича. Соображеніе къ нему вернулось. Кашляя отъ ѣдкаго дыма, онъ отвѣ-

чалъ на слова соболѣзнованія. Онъ даже подумалъ, что надо казаться спокойнымъ.

Среди пріѣхавшихъ на пожаръ былъ и мосье Изабе. Видъ пылавшаго дворца поразилъ его, — онъ былъ совершенно потрясенъ. Лучше, чѣмъ кто бы то ни было другой, онъ зналъ, какія сокровища были въ этомъ дворцѣ. Мосье Изабе подошелъ къ Разумовскому и крѣпко стиснулъ ему руку.

— Cher ami!.. — сказалъ онъ, но отъ волненія не могъ докончить фразы: слезы выступили у него на глаза. Андрей Кирилловичъ привсталъ и обнялъ художника, — онъ понялъ, что у Изабе не простое сочувствіе, а истинное горе: для него дѣло было не въ переживаніяхъ Разумовскаго, а въ гибели великихъ твореній искусства.

Въ ворота влетѣлъ на ворономъ конѣ флигель-адъютантъ. Мгновенно по саду разнеслось извѣстіе, что пріѣхалъ императоръ. — «Какой императоръ? Императоръ Александръ?» — быстро спрашивали одни у другихъ. — «Нѣтъ, нашъ императоръ... Вѣрно, императоръ Александръ пріѣдетъ позже»... — «Я вамъ говорилъ, что Его Величество непремѣнно пріѣдетъ»... — «Да, я все-таки не думалъ... Какая честь для графа!..» — «Онъ вѣдь всегда былъ въ большой милости...»

Андрей Кирилловичъ поспѣшной походкой направился къ воротамъ въ сопровожденіи флигель-адъютанта. Разумовскій не могъ не оцѣнить оказаннаго ему вниманія. Пожарные на мгновенье бросили работу и вытянулись. Въ ворота, въ сопровожденіи

небольшой свиты, уже входилъ императоръ Францъ. Онъ былъ въ штатскомъ платьѣ, безъ шубы, — въ тепломъ ватномъ сюртукѣ, въ цилиндрѣ и въ ботфортахъ. Всѣ почтительно кланялись. Императоръ быстро подошелъ къ еще ускорившему шаги Разумовскому и протянулъ ему обѣ руки, — Андрею Кирилловичу показалось даже, что въ первую секунду императоръ хотѣлъ его обнять, но раздумалъ: пожаръ дворца былъ все-таки недостаточымъ для этого несчастьемъ. Разумовскій растроганно благодарилъ. Несмотря на свое волненье, онъ и благодарность облекъ въ надлежащую французскую фразу. Императоръ отвѣчалъ по нѣмецки.

— **Sehen's, das kann mit meinem Rittersaal, der auch mit Röhren g'heizt wird, g'rad so passieren...**

— **Gott behüte, Majestät!** — отвѣтилъ Разумовскій, тотчасъ переходя на нѣмецкій языкъ.

— **Das kommt davon, weil wir alles d'n Franzosen nachmachen müssen...**

Андрей Кирилловичъ вздохнулъ. Императоръ повернулся ко дворцу. Пожарные, послѣ мгновеннаго перерыва, теперь работали съ удвоенной силой. Оберъ-брандмейстеръ поднялся по лѣстницѣ, приставленной къ балкону. О спасеніи главнаго корпуса уже не могло быть и рѣчи. Съ минуты на минуту надо было ждать обвала. Оберъ - брандмейстеръ приказалъ пожарнымъ отступить въ боковой корпусъ.

Мосье Изабе, вытирая слезы, вышелъ изъ сада

снова на площадь. Прилегающія къ площади улицы были запружены народомъ. Полицейскіе офицеры не пропускали толпу, дѣлая молчаливую поблажку тѣмъ, кто по своему внѣшнему облику принадлежалъ къ высшимъ классамъ. За патрулемъ, въ первомъ ряду не пропущенныхъ, мосье Изабе узналъ нѣмецкаго музыканта, котораго ему показалъ графъ Разумовскій на спектаклѣ у императрицы. Лицо музыканта опять поразило мосье Изабе, еще гораздо больше, чѣмъ при первой встрѣчѣ. — «Странная, удивительная голова!» — подумалъ мосье Изабе. Онъ отошелъ отъ полицейской заставы и, встрѣтивъ знакомаго, заговорилъ съ нимъ о пожарѣ. Но, разговаривая, мосье Изабе не разъ оборачивался и искалъ глазами нѣмецкаго музыканта. Ему пришло въ голову, что необыкновенное лицо это надо навсегда сохранить въ памяти, на случай, если когда-либо понадобится изобразить на полотнѣ мрачное торжествующее вдохновеніе,— «ou quelque chose de cette nature», — думалъ мосье Изабе.

Часть фасадной стѣны обрушилась со страшнымъ грохотомъ. Черное, прорѣзанное красными искрами облако рванулось въ сторону и на мгновенье за обрушившейся стѣной показалась объятая пламенемъ огромная галлерея. Толпа протяжно ахнула. «La salle Canova! Bon Dieu de bon Dieu!» — сказалъ мосье Изабе. Черезъ минуту дымъ снова закрылъ зданіе. Затѣмъ раздался новый, продолжительный, чудовищный грохотъ. Все рухнуло, дворца больше не было.

«Perfectio igitur et imperfectio revera modi solummodo cogitandi sunt, nempe notiones, quas fingere solemus ex eo quod eijusdem speciei aut generis individua ad invicem comparamus».

Спиноза.

На это утро была назначена кормежка змѣй. Владѣлецъ странствующаго звѣринца, кенигсбергскій нѣмецъ, долго скитавшійся по свѣту, называвшій себя трапперомъ (слово это, еще тогда мало извѣстное, придавало ему вѣса), всталъ рано, позавтракалъ и въ странномъ охотничьемъ костюмѣ вошелъ въ комнату удава. Въ комнатѣ было душно и жарко; удавъ любилъ жару.

Трапперъ подошелъ къ камерѣ. Она была сдѣлана изъ очень толстаго стекла, съ окошкомъ наверху, и окружена желѣзной рѣшеткой, на которой былъ повѣшенъ картонъ съ надписью: «Просятъ не раздражать удава». Но и надпись эта, и рѣшетка предназначались больше для того, чтобы щекотать нервы публикѣ: трапперъ зналъ, что удавъ смирный, стекла не разобьетъ и на людей не бросится. Увидѣвъ хозяина, смутно чувствуя день кормежки,

удавъ выползъ изъ подъ одѣяла. Надъ толстыми сѣро-фіолетовыми кольцами въ черныхъ квадратныхъ пятнахъ изогнулась и вытянулась тонкая шея. Раздѣленная чернымъ ободкомъ голова съ маленькими щелками глазъ уставилась въ сторону окошка.

— Подождешь, — сказалъ трапперъ, любуясь змѣей.

За калиткой дернули звонокъ. Торговка принесла кроликовъ. Она не вошла въ садикъ и, съ опаской поглядывая на звѣринецъ, у калитки пожелала трапперу добраго утра. Затѣмъ сообщила, что ночью случился страшный пожаръ, совсѣмъ недалеко отсюда: сгорѣлъ дворецъ богатѣйшаго русскаго эрцгерцога.

— Еще и сейчасъ догораетъ... Народу сколько тамъ! — сказала торговка. — Самъ императоръ пріѣзжалъ!.. На площадь и не пропускаютъ... Вотъ это все съ пожара идутъ люди.

Трапперъ зѣвнулъ, — онъ всякіе видалъ пожары, — выбралъ кролика. пожирнѣе, поторговался и заплатилъ.

— Неужели живьемъ бросите его змѣю? — съ жалостью гладя кролика, спросила торговка. Она вздохнула. — Какихъ только звѣрей нѣтъ на свѣтѣ!

— Кто какъ любитъ, — проворчалъ трапперъ. — Мы ѣдимъ мертвечину, они живыхъ. Зато онъ и ѣстъ разъ въ двѣ недѣли.

— Господи!

— Можетъ и два мѣсяца не ѣсть, только худѣетъ тогда и огорчается, — сказалъ трапперъ, очень любившій своего удава. Держа въ лѣвой рукѣ кролика, онъ вышелъ за калитку и оглянулъ проходившихъ людей, соображая, стоитъ ли ихъ звать. Преобладало простонародье, но были и приличные люди. Трапперъ рѣшилъ, что попробовать можно, и очень громко, нараспѣвъ, сталъ зазывать посѣтителей. Прохожіе останавливались, съ любопытствомъ глядя на афишу и на страннаго человѣка, насмѣшливо прислушиваясь къ его прусскому акценту. Одни, постоявъ, проходили дальше, другіе старались заглянуть въ калитку. Два человѣка заплатили за входъ: первый — солдатъ, второй — сортомъ повыше: «чиновникъ или учитель», — подумалъ трапперъ, любившій опредѣлять людей по внѣшнимъ признакамъ.

... — Очень интересно!.. Страшное зрѣлище!.. Огромный мексиканскій удавъ, длиной въ четыре человѣческихъ роста!.. Ударомъ хвоста можетъ убить человѣка!.. Легко душитъ тигровъ и буйволовъ!.. — вралъ трапперъ. — Есть змѣи, крокодилы, ягуары... Сейчасъ кормежка удава!.. Глотаетъ живыхъ кроликовъ... Страшное зрѣлище!.. При этомъ кричитъ отъ радости и поетъ...

Остановившійся у афиши невысокій рябой человѣкъ, приложивъ къ уху руку, слушалъ траппера.

— Поетъ? — отрывисто спросилъ онъ.

— Свиститъ и кричитъ, совсѣмъ какъ бы поетъ, — отвѣтилъ трапперъ. Онъ осмотрѣлъ съ головы до ногъ рябого господина, но професcіи не опредѣлилъ, рѣшилъ только, что неважная птица. — Совсѣмъ какъ бы поетъ, — еще громче повторилъ онъ, замѣтивъ, что господинъ тугъ на ухо. — Въ древней Мексикѣ къ голосу удава прислушивались... Онъ считался священнымъ животнымъ... Пожалуйте, господинъ... Будете довольны...

Рябой человѣкъ что-то пробормоталъ, порылся въ кошелькѣ и, вынувъ монету, вошелъ въ садъ, гдѣ съ любопытствомъ и робостью осматривались солдатъ и чиновникъ. Трапперъ пренебрежительно оглядѣлъ оставшуюся публику, кивнулъ торговкѣ и закрылъ калитку.

— Поетъ?.. Удавъ?.. — безпокойно спросилъ опять невысокій господинъ.

— Змѣи очень музыкальны, — сказалъ трапперъ, гладя кролика. — Вотъ увидите потомъ индѣйскихъ змѣй, онѣ, можетъ быть, музыкальнѣе насъ съ вами. Ихъ заклинаютъ игрой на флейтѣ. Онѣ изгибаются, танцуютъ, дурѣютъ, тогда съ ними можно дѣлать что угодно (у господина дернулось лицо)... Только индѣйскія безъ голоса... Одинъ удавъ изъ всѣхъ змѣй кричитъ. Обыкновенно, когда кормятъ... Вѣдь для него ѣда главное дѣло... Только все онъ недоволенъ, все не то... И хорошо, а все не то... Вотъ объ этомъ, вѣрно, и поетъ... Поетъ, — повторилъ онъ, и, открывъ дверь домика, предложилъ посѣтителямъ войти.

— Нѣтъ, ужъ лучше вы раньше, — сказалъ, смѣясь, чиновникъ. Трапперъ тоже засмѣялся. Онъ спряталъ кролика подъ полу и вошелъ первый; за нимъ послѣдовали другіе. Они подошли къ клѣткѣ. Голова удава слегка покачивалась надъ составленнымъ изъ колецъ конусомъ. «S-sacrament!..» — говорилъ, ежась, чиновникъ.— «Jesus Maria!Jesus Maria!..» — повторялъ солдатъ. Невысокій господинъ съ ужасомъ смотрѣлъ на чудовище. Трапперъ одной рукой подтащилъ къ клѣткѣ лѣсенку и вынулъ изъ подъ полы дрожавшаго кролика.

— Послушайте, — отрывисто сказалъ господинъ, схвативъ траппера за руку: онъ видимо только теперь понялъ, въ чемъ дѣло. — Не надо бросать... Я вамъ заплачу...

Трапперъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на рябого человѣка. Онъ впрочемъ привыкъ къ тому, что люди, особенно дамы, проявляютъ жалость къ кролику въ послѣднюю минуту передъ кормежкой змѣи.

— Намъ съ вами надо ѣсть, господинъ, — отвѣтилъ онъ, — и удаву тоже надо ѣсть. Вѣдь вы, вѣрно, устрицы ѣдите: онѣ тоже живыя. (Это былъ его обычный доводъ, всегда дѣйствовавшій на жалостливыхъ посѣтителей). Какъ его не кормить? И господамъ будетъ обидно, они деньги заплатили...

Изъ камеры раздался странный протяжный звукъ, — не то крикъ, не то свистъ. Удавъ замѣтилъ кролика. Онъ преобразился. Глаза его заблистали,

шея изогнулась, какъ у лебедя, маленькая голова задрожала. Зрители ахали.

— Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ звукѣ есть что-то музыкальное... И насмѣшливое... — сказалъ съ улыбкой чиновникъ, обращаясь къ невысокому господину; онъ видимо зналъ его въ лицо. — По своему, онъ тоже музыкантъ.

Невысокій господинъ сердито взглянулъ на чиновника, что-то невнятно буркнулъ въ отвѣтъ и снова перевелъ глаза на клѣтку. Трапперъ взобрался по лѣсенкѣ, поднялъ рѣшетку, пріоткрылъ окошко (запахло мускусомъ), бросилъ въ камеру кролика и тотчасъ окошко захлопнулъ. Невысокій господинъ вскрикнулъ. Кроликъ мягко упалъ на песокъ и застылъ, встрѣтившись глазами съ удавомъ. Крикъ змѣи повторился. Маленькіе глаза блестѣли все сильнѣе. Удавъ медленно откинулъ назадъ верхнюю часть корпуса, медленно раскрылъ пасть — и вдругъ рванулся впередъ всѣмъ тѣломъ, мгновенно развернувъ огромныя страшныя кольца. Невысокій господинъ вскрикнулъ, закрылъ руками дернувшееся лицо и выбѣжалъ изъ домика.

«Müde war ich geworden nur immer Gemälde zu sehen».

Гете.

Андрей Кирилловичъ Разумовскій, съ женой и невѣсткой, прожилъ два года въ Италіи.

На семейномъ совѣтѣ, созванномъ въ Вѣнѣ осенью 1822 года, Разумовскій изложилъ состояніе своихъ дѣлъ. Онъ смущенно прочелъ что-то вродѣ небольшого доклада, путаясь и разыскивая на листкѣ цифры доходовъ, долговъ, процентовъ по долгамъ. Цифры эти подготовилъ для князя управляющій. Самъ Андрей Кирилловичъ свои дѣла зналъ довольно плохо. Въ былыя времена, онъ едва ли могъ перечислить по памяти оставшіяся отъ гетмана многочисленныя имѣнія. Теперь почти все было продано, деньги прожиты и отъ огромнаго состоянія оставались крохи, — или то, что казалось крохами Андрею Кирилловичу.

Свой докладъ Разумовскій читалъ на французскомъ языкѣ, что тоже было неудобно: слова все были трудно переводимыя, какъ волость, уѣздъ, десятина, — или же глупо звучали по французски, какъ «ревизская душа». Андрею Кирилловичу го-

раздо легче было читать передъ императорами и министрами доклады объ устройствѣ Европы, — европейскія государственныя дѣла онъ устраивалъ гораздо легче и увѣреннѣе, чѣмъ свои собственныя денежныя. Вдобавокъ Разумовскій все время испытывалъ тяжелое чувство: и жена его, и невѣстка, и всѣ австрійскіе родные до того считали князя богачемъ изъ богачей.

Семья проявила чрезвычайную деликатность, о разстройствѣ дѣлъ говорили въ тонѣ беззаботномъ, съ оттѣнкомъ веселаго удивленія, означавшимъ: «вотъ, молъ, какая вышла забавная исторія, мы стали бѣдны!», — но за этимъ тономъ Андрей Кирилловичъ чувствовалъ разочарованіе. Никто и въ мысляхъ не имѣлъ упрекать Разумовскаго; его мучила, однако, совѣсть: женившись шестидесяти трехъ лѣтъ отроду на молодой австрійской графинѣ, онъ не имѣлъ права быть бѣднымъ.

Послѣ доклада, вѣнскіе родственники дали Андрею Кирилловичу нѣсколько практическихъ указаній. Одинъ сразу придумалъ выгоднѣйшую финансовую операцію и довольно бойко перевелъ рубли на дукаты, но, какъ оказалось при провѣркѣ, смѣшалъ серебряные рубли съ ассигнаціями. Другой предложилъ заложить Батуринъ, — имѣніе было заложено и перезаложено, и о суммѣ долга по закладной Андрей Кирилловичъ раза четыре говорилъ въ докладѣ. Третій рѣшительно совѣтовалъ гнать кредиторовъ въ шею, — это князь дѣлалъ и безъ того, правда, лишь фигурально.

Впрочемъ, пренія, разсчеты, неуспѣхъ предложенныхъ комбинацій очень скоро утомили родственниковъ, и всѣ сошлись на томъ, что и предлагалъ съ душевной болью Андрей Кирилловичъ: онъ хотѣлъ закрыть свой вѣнскій дворецъ, вновь отстроенный послѣ пожара безъ прежняго великолѣпія, отпустить прислугу, кромѣ какого нибудь десятка самыхъ нужныхъ и преданныхъ слугъ, и переѣхать на жительство въ Италію.

Одинъ изъ молодыхъ Тюргеймовъ, недавно побывавшій въ Римѣ, особенно горячо поддержалъ этотъ планъ и, въ доказательство итальянской дешевизны, привелъ нѣсколько ресторанныхъ цѣнъ. Князь Разумовскій слушалъ съ печальной улыбкой; ему впервые въ жизни приходилось слушать такія рѣчи; да и дѣло было, конечно, не въ цѣнахъ устрицъ и винъ, а въ томъ, что въ Италіи можно было обойтись безъ ста человѣкъ прислуги, безъ пятидесяти лошадей на конюшнѣ, безъ огромныхъ пріемовъ, безъ всего того, что въ Вѣнѣ, по образу жизни, кругу и связямъ Разумовскихъ, представлялось совершенно необходимымъ.

Когда рѣшеніе было принято, Андрею Кирилловичу стало легче. Онъ съ нѣжностью поцѣловалъ руку женѣ и невѣсткѣ, какъ бы благодаря ихъ за то, что онѣ на него не сердятся. Разумовскій дѣйствительно чувствовалъ себя виноватымъ, однако выраженіе лица родныхъ чуть-чуть его раздражило именно подчеркнутой деликатностью. У него мелькнула мысль, что, въ концѣ концовъ, ужъ передъ

невѣсткой онъ едва ли виноватъ, какъ и передъ другими Тюргеймами, вмѣстѣ съ нимъ расточавшими несмѣтное богатство гетмана Кирилла Григорьевича. Но эта мысль только проскользнула у Разумовскаго: онъ очень любилъ и свою жену и ея родныхъ.

Семья занялась приготовленіями къ отъѣзду. Рѣшено было пожить немного въ Веронѣ, потому что тамъ какъ разъ происходилъ международный конгрессъ; въ Римѣ, потому что это былъ Римъ; и въ Неаполѣ, потому что тамъ жилъ старый пріятель, король Фердинандъ, при которомъ Андрей Кирилловичъ состоялъ посланникомъ больше сорока лѣтъ тому назадъ.

Уѣзжая изъ Вѣны, и Андрей Кирилловичъ, и его жена, и невѣстка въ одинъ голосъ говорили, что хотятъ пожить тихо, уединенно, въ тѣсномъ семейномъ кругу, никакихъ гостей не звать и ни къ кому въ гости не ѣздить. Однако, уже по дорогѣ оказалось, что въ тѣсномъ семейномъ кругу скучновато. Они любили другъ друга, но разговаривать имъ было не о чемъ. Въ Италіи дамамъ стало веселѣе. Веронскій конгрессъ гремѣлъ, отдаленно напоминая по блеску вѣнскій. Разумовскіе тотчасъ вошли въ кругъ международныхъ знакомствъ, и больше изъ него не выходили во все время своего пребыванія въ Италіи. Настроеніе Андрея Кирилловича однако становилось все печальнѣе, — зрѣлищъ на его вѣку было больше, чѣмъ достаточно.

На одномъ изъ веронскихъ пріемовъ Шатобрі-

анъ, узнавъ, что Разумовскіе собираются въ Римъ, мрачно сказалъ Андрею Кирилловичу: «Rome est une belle chose pour tout oublier, mépriser tout et mourir». Разумовскій прекрасно зналъ, что Шатобріанъ имѣетъ особыя основанія быть мрачнымъ: у него не было ни гроша въ карманѣ, его мучила подагра, послѣднія его произведенія не имѣли успѣха, въ своихъ интимныхъ дѣлахъ онъ очень запутался и самъ больше не зналъ, кого собственно любитъ: госпожу Рекамье или госпожу де Дюрасъ, или госпожу Арбутнотъ (иные даже робко высказывали предположеніе, ужъ не любитъ ли Шатобріанъ свою жену, — но надъ ними всѣ смѣялись). Тѣмъ не менѣе фраза знаменитаго писателя запала въ душу Андрею Кирилловичу.

Въ Римѣ Разумовскій былъ на Office des Ténèbres въ Сикстинской капеллѣ и, слушая музыку, все думалъ о томъ, что карьера его кончена, что кончается и жизнь, что ждать ему больше нечего. Княжескій титулъ, полученный имъ въ пору Вѣнскаго конгресса, былъ его послѣднимъ успѣхомъ. А пожаръ дворца отнялъ у его жизни прежній смыслъ.

Послѣ службы жена и невѣстка долго и настойчиво говорили о превосходствѣ католической вѣры надъ всѣми другими. Андрей Кирилловичъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ: онъ зналъ, какъ страстно желаютъ Тюргеймы обратить его въ католичество.

Въ этотъ день вечеромъ они были у Ливеновъ, съ которыми въ Римѣ очень подружились. Графиня

Ливенъ, послѣ долгихъ просьбъ, прочла одно изъ своихъ писемъ на синей бумагѣ, — о нихъ уже тогда много говорили въ Европѣ. Въ письмѣ шла рѣчь о революціи, и графиня уронила афоризмъ, впрочемъ, заимствованный у Веллингтона: «Là où les rois savent monter à cheval et punir, il n'y a pas de révolution possible». Афоризмъ показался Андрею Кирилловичу глупымъ (онъ чувствовалъ, что и все письмо написано едва ли не для этого афоризма). «Въ такомъ случаѣ берейторы королевскіе могутъ отдалить отъ бѣдствій міръ», — подумалъ онъ мрачно. — «И ни къ чему занимается она безъ просыпу политикой, все вздоръ, и синяя бумага тоже вздоръ; вѣрно, и глаза у ней не болятъ, а пишетъ такъ, чтобъ лучше въ разговорахъ примѣчалось: письма графини Ливенъ на синей бумагѣ». Онъ хотѣлъ было поспорить и припугнуть графиню новой революціей, но не поспорилъ, чувствуя большую усталость. Къ тому же графиня Ливенъ нравилась ему и своимъ умомъ, и знаньями, и благородствомъ тона, которое онъ особенно цѣнилъ. Напротивъ, король Фердинандъ, встрѣтившій его тѣмъ же радостнымъ смѣхомъ, что и сорокъ лѣтъ тому назадъ, показался ему образцомъ вульгарности. Андрей Кирилловичъ съ любопытствомъ вглядывался въ стараго знакомаго, и ему самому странно было, что онъ, внукъ малороссійскаго пастуха, не выноситъ дурного тона въ потомкѣ Людовика XIV.

Въ Римѣ, на одномъ изъ аукціоновъ, за три ты-

сячи дукатовъ продавался Рафаэль. Свободныхъ трехъ тысячъ у Разумовскаго не было, и Рафаэля увезъ англичанинъ, явно ничего въ картинахъ не понимавшій. Бѣдность угнетала Андрея Кирилловича. Очень разстроено было и здоровье, — сердце лучше работать не стало. Врачи предписали ему строгій режимъ. За выполненіемъ этого режима слѣдили жена и невѣстка, которыхъ все больше безпокоилъ видъ князя. Все это раздражало Разумовскаго. Его душевное состояніе передавалось и дамамъ. Стало скучно. Отъ скуки они взяли на воспитаніе дѣвочку.

Единственнымъ утѣшеніемъ Андрея Кирилловича была музыка. Онъ часто посѣщалъ оперу, восхищался голосами итальянскихъ пѣвцовъ и нехотя отдавалъ должное Россини, который уже царилъ въ мірѣ, затмевая славой всѣхъ другихъ композиторовъ. На старости лѣтъ Андрей Кирилловичъ снова сталъ играть на скрипкѣ; игралъ онъ преимущественно по вечерамъ, когда оставался одинъ: дамы каждый вечеръ уѣзжали въ театръ или въ гости, ему же докторъ предписалъ выходить возможно меньше и рано ложиться спать. Разумовскій отдавалъ должное Россини, но предпочиталъ другую музыку — давно вышедшаго изъ моды Бетховена. Андрей Кирилловичъ игралъ не очень хорошо; онъ пробовалъ темы и изъ симфоній, и изъ квартетовъ. Больше всего онъ любилъ русскіе квартеты, посвященные ему его старымъ другомъ, а въ нихъ adagio седьмого квартета. Съ русской пѣсней это-

го квартета онъ самъ когда-то познакомилъ Бетховена. Во время игры Андрею Кирилловичу казалось, что музыка и была его настоящимъ призваніемъ. А иногда онъ думалъ, что никакого призванія у него вообще не было и что въ этомъ собственно главное несчастье его жизни. Онъ любилъ искусство, понималъ его гораздо тоньше, чѣмъ большинство другихъ людей, а создать ничего не могъ: слишкомъ много вкуса, недостаточно творческаго дара, — худшее, что можетъ быть.

Въ Неаполѣ Разумовскій неожиданно получилъ изъ Петербурга письмо, сообщавшее о кончинѣ его брата Петра. Это извѣстіе потрясло Андрея Кирилловича, несмотря на то, что онъ съ годами очерствѣлъ и успѣлъ привыкнуть къ уходу близкихъ людей. Братъ былъ только годомъ его старше и всегда отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Они съ юношескихъ лѣтъ встрѣчались рѣдко, — Петръ Кирилловичъ жилъ въ Петербургѣ, — но любили другъ друга. Жена и невѣстка приняли очень близкое участіе въ горѣ Разумовскаго, перестали ѣздить въ театръ и отказались отъ приглашеній. Однако, въ глазахъ своихъ дамъ князь читалъ тщательно скрываемую радость. У Петра Кирилловича законныхъ дѣтей не было и большая часть его богатства теперь должна была достаться Андрею Кирилловичу. Разумовскій по совѣсти не могъ осуждать жену и невѣстку: онѣ совершенно не знали его брата. Тѣмъ не менѣе разговоры съ ними о братѣ возбуждали въ немъ тяжелое чувство. Изъ слу-

чайныхъ вопросовъ выяснилось, что онѣ знали, какія имѣнія остались послѣ умершаго и какую приблизительно цѣнность представляетъ каждое. Въ этомъ тоже ничего худого не было, — Андрей Кирилловичъ и самъ, при всей любви къ брату, не могъ не думать съ облегченіемъ о томъ, что передъ нимъ и его семьей вновь открывается возможность прежней богатой жизни. Но все же, когда Лулу Тюргеймъ, съ радостью, скрытой подъ видомъ полнаго безразличія, говорила, смѣшно коверкая русскія названія, о Гостилицахъ, объ Аркадакѣ, о псковскихъ, тульскихъ, московскихъ имѣніяхъ, Разумовскій дѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы въ раздраженіи не сказать лишняго.

Точныя свѣдѣнія о наслѣдствѣ пришли весной 1824 года. Петръ Кирилловичъ умеръ почти скоропостижно и о завѣщаніи подумалъ чуть только не въ послѣднюю минуту. Текстъ завѣщанія, по просьбѣ графа, написалъ самъ Сперанскій, какъ лучшій въ Россіи знатокъ законовъ, но наспѣхъ написалъ очень неудачно, и завѣщаніе навѣрное было бы признано недѣйствительнымъ, если бы чиновникъ Крюковскій не обратилъ вниманія на грубую ошибку, допущенную знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ. Наслѣдство Петра Кирилловича было очень велико: въ отличіе отъ брата онъ и доходовъ своихъ никогда не проживалъ.

Жена и невѣстка Андрея Кирилловича заговорили о переѣздѣ изъ Италіи въ Парижъ. Только въ Парижѣ были и удобства жизни, и настоящее об-

щество, и хорошіе врачи. Разумовскій не спорилъ: ему теперь было почти все равно, гдѣ доживать свой вѣкъ.

По наслѣдственнымъ и другимъ дѣламъ князю нужно было побывать въ Вѣнѣ. Не безъ споровъ и возраженій дамы согласились на то, чтобы онъ съѣздилъ туда одинъ, а затѣмъ прямо пріѣхалъ въ Парижъ. Однако, рѣшено было ждать наступленія теплаго сезона: слишкомъ рѣзкій переходъ отъ южно-итальянскаго климата къ средне-европейскому казался опаснымъ въ преклонномъ возрастѣ Разумовскаго. Въ ожиданіи переѣзда Андрей Кирилловичъ сталъ снова покупать разныя произведенія искусства. Рафаэль ускользнулъ безвозвратно, но были другія находки. Сначала онъ покупалъ съ увлеченіемъ, представляя себѣ, какъ все будетъ разставлено и повѣшено въ его домѣ; потомъ ему надоѣло и стало совѣстно: «совсѣмъ пора устраиваться въ семьдесятъ два года и только Томировой бронзы не хватаетъ для полноты щастья»...

Во второй половинѣ апрѣля Андрей Кирилловичъ покинулъ Неаполь. Ѣхалъ онъ, по настоянію жены, неторопливо, часто останавливаясь по дорогѣ, и 7 мая 1824 года прибылъ въ Вѣну.

Дворецъ Разумовскихъ, остававшійся заколоченнымъ два года, требовалъ уборки и ремонта. Но въ Вѣнѣ было человѣкъ двадцать близкихъ, родныхъ и друзей, у которыхъ могъ остановиться Андрей Кирилловичъ. Почти безсознательно, въ свя-

зи съ раздраженіемъ противъ своихъ дамъ, Разумовскій остановился не у Тюргеймовъ, а у Туновъ, родныхъ своей первой жены, — онъ и послѣ второго брака поддерживалъ съ ними самыя добрыя родственныя отношенія. Объ его пріѣздѣ хозяева были предувѣдомлены: Андрея Кирилловича встрѣтили съ распростертыми объятіями Туны, Тюргеймы, Лихновскіе, Гессы, Пергены, Кламъ-Мартинецы.

Очутившись въ старой привычной вѣнской обстановкѣ, съ которой связаны были лучшіе годы его жизни, Андрей Кирилловичъ немного оживился. Пока онъ купался и приводилъ себя въ порядокъ, родные съ огорченіемъ говорили вполголоса, что онъ очень постарѣлъ. Одинъ даже озабоченно спросилъ, сколько лѣтъ князю. Послѣ недолгихъ споровъ и справокъ, по годамъ свадебъ и похоронъ, выяснилось, что Разумовскому никакъ не меньше семидесяти лѣтъ, скорѣе даже нѣсколько больше. Дамы изумлялись и вздыхали: еще такъ недавно Erzherzog Andreas былъ признаннымъ покорителемъ сердецъ. Съ улыбками вспоминали его побѣды. «Неужели за семьдесятъ лѣтъ?..»

Дурное впечатлѣніе разсѣялось, когда Разумовскій вышелъ, освѣженный ванной, какъ всегда безукоризненно одѣтый, съ тщательно напудренной головою, — больше уже почти никто не пудрился. Андрей Кирилловичъ былъ веселъ, упорно говорилъ не по французски, а по вѣнски, и, раздавая подарки, забавно шутилъ. Подарки онъ, впрочемъ, купилъ неудачно и тотчасъ это почувствовалъ, хотя

всѣ восторгались привезенными имъ картинами, медалями, бронзой. «Лучше было остановиться у модной лавки и накупить какихъ-нибудь галстуховъ и вѣеровъ», — подумалъ онъ.

Туны въ самый день пріѣзда гостя давали въ его честь большой обѣдъ, — «только для своихъ», — сказала хозяйка; однако своихъ было человѣкъ тридцать. Всѣ уже собрались и съ восторгомъ слушали разсказы и анекдоты Разумовскаго; онъ былъ прекрасный разсказчикъ и зналъ анекдоты о всѣхъ знаменитыхъ людяхъ міра.

— Надѣюсь, вы не сожалѣете, что не пошли на концертъ? — спросила одного изъ гостей хозяйка дома.

— О, нѣтъ!

— Какой концертъ? — освѣдомился Разумовскій.

Ему сказали, что сегодня состоится большой концертъ Бетховена.

— Намъ тоже навязалъ ложу Шиндлеръ, но разумѣется, мы теперь не пойдемъ...

— Въ которомъ часу начало?

Разумовскій поспѣшно взглянулъ на часы. То, что онъ хотѣлъ сдѣлать, было неприлично и неучтиво, но Андрей Кирилловичъ предпочиталъ совершить десять невѣжливыхъ поступковъ, чѣмъ пропустить концертъ Бетховена. Онъ разсыпался въ извиненіяхъ, которыхъ въ первую минуту хозяева и гости даже не поняли.

— Chère amie, ce que je fais est vraiment d'une goujaterie!.. — говорилъ онъ, цѣлуя руки хозяйкѣ. — Comment faire pour obtenir votre pardon?

Хозяйка натянуто улыбалась и говорила, что она прекрасно понимаетъ. Но по ея лицу Андрей Кирилловичъ видѣлъ, какъ она задѣта его страннымъ поступкомъ. Гости озадаченно переглядывались: ихъ пригласили на Разумовскаго.

— Однако, какъ же вы будете слушать музыку голодный?

— Можетъ быть, вы хоть наскоро закусите передъ концертомъ?

Хозяинъ дома отыскалъ приглашеніе. На немъ значилось: «Grosse Musikalische Akademie des Herrn Ludwig van Beethoven, den 7 May in K. K. Hoftheater naechst dem Kaertnerthore». Дальше слѣдовала программа концерта.

— Знаете что? Я нашелъ компромиссъ, — сказалъ хозяинъ. — Васъ, конечно, интересуетъ новая симфонія Бетховена. Она идетъ въ концѣ, такъ что вы можете съѣсть хоть часть обѣда съ нами, и все-таки попадете во время. Мы сейчасъ же сядемъ за столъ... По моему, я внесъ цѣнное предложеніе.

— Отъ этого вы не можете отказаться!

Разумовскій въ самомъ дѣлѣ отказаться не могъ. Дворецкій побѣжалъ отдавать распоряженія поварамъ. Велѣно было закладывать карету для гостя. Всѣ перешли въ столовую.

— Меня все же удивляетъ ваша музыкальная ненасытность, — сказала за столомъ хозяйка, ко-

гда прошла натянутость, вызванная рѣшеніемъ гостя. — Вѣдь вы пробыли два года въ Италіи и слушали тамъ божественную музыку.

Тотчасъ заговорили о Россини. Онъ недавно гастролировалъ въ Вѣнѣ и всѣхъ очаровалъ: геніальный композиторъ, дирижеръ, піанистъ, пѣвецъ — у него чудесный голосъ! — и, вдобавокъ, такой милый, любезный человѣкъ.

— На вечерѣ у Меттерниха онъ экспромтомъ написалъ въ альбомы гостямъ шестьдесятъ музыкальныхъ варіацій на одну тему.

— Въ Лондонѣ его осыпали золотомъ.

— У насъ тоже.

— Знаете ли вы, что онъ «Отелло» написалъ въ двадцать дней!

— So sieht es aus, — улыбаясь, сказалъ Разумовскій. Дамы засыпали его упреками.

— Беру назадъ, я самъ очень его люблю. А вы знаете, въ Римѣ «Отелло» кончается примиреніемъ мавра съ Дездемоной. Они поютъ любовный дуэтъ... Впрочемъ, Россини не виноватъ: такъ требуетъ публика... Зато поютъ итальянцы восхитительно.

— Сегодня въ симфоніи вы тоже услышите замѣчательную пѣвицу, Генріетту Зонтагъ, — сказала хозяйка. — Пожалуйста, не влюбитесь... Двадцать лѣтъ, огромный талантъ и красавица, — съ легкимъ вздохомъ добавила она.

— Какъ? Въ симфоніи пѣвицу?

— Развѣ вы не знаете? Девятая симфонія объ-

явлена съ хоромъ и солистами. Это, очевидно, его нововведеніе.

Разговоръ перешелъ на Бетховена. Андрей Кирилловичъ съ тревожнымъ любопытствомъ разспрашивалъ вѣнцевъ о своемъ старомъ другѣ, котораго давно потерялъ изъ виду. Свѣдѣнія были неутѣшительныя. По общему отзыву, Бетховенъ опустился, окончательно оглохъ, сталъ совершенно невозможнымъ человѣкомъ и, вдобавокъ, много пилъ. Нѣкоторые говорили даже, что онъ спился. Очень плохи были и его денежныя дѣла. Оживленіе сразу соскочило съ Разумовскаго. Рѣзнуло князя и то, что Бетховена, который былъ гораздо его моложе, всѣ называли старикомъ.

— Вы знаете, онъ чуть было насъ не покинулъ, — сказалъ хозяинъ. — Недавно вдругъ заявилъ, что уѣзжаетъ совсѣмъ изъ Вѣны. Тогда друзья расчувствовались и подали ему письменную просьбу, чтобы онъ не уѣзжалъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, было бы стыдно и досадно, еслибъ Вѣна потеряла такого человѣка.

— Будемъ говорить правду: онъ весь въ прошломъ и совершенно выжилъ изъ ума.

— Все таки, надо было оказать поддержку старику.

— Я не нахожу, — рѣшительно сказала полная круглолицая дама. — Я проѣзжала недавно мимо кафэ Маріагюльфъ, вижу, онъ сидитъ на террассѣ и пьетъ!.. Если у него есть деньги на вино, то пусть

не устраиваетъ въ свою пользу концертовъ и не проситъ подачекъ!

— Сурово, но вѣрно...

— Среди нихъ бѣдняковъ очень много. Было бы прекрасно, еслибъ мы могли помогать всѣмъ, но это немыслимо. Надо оказывать денежную помощь только въ случаѣ крайней нужды.

— Да, но что считать крайней нуждой, Мицци? Бетховенъ безспорно нуждается.

— Нуждается въ винѣ.

— Можетъ быть, вино полезно ему для вдохновенія, — весело сказалъ одинъ изъ молодыхъ гостей.

— Ахъ, оставьте, это говорятъ всѣ пьяницы... Я увѣрена, Россини пишетъ безъ всякаго вина.

— Не знаю, какъ Россини, но я по себѣ знаю: какъ только я выпью, я сочиняю восхитительные стихи. Не вѣрите? Какъ вамъ угодно.

Гости смѣялись. Разумовскій становился все мрачнѣе. Онъ зналъ, что въ обществѣ цѣнили Бетховена, но не могли настоящимъ образомъ уважать музыканта, который, по бѣдности, устраивалъ концерты въ свою пользу. Андрей Кирилловичъ и за собой зналъ эту психологію богатаго человѣка, но въ другихъ она чрезвычайно его раздражала.

Хозяинъ дома мягко защищалъ Бетховена отъ нападокъ круглолицой дамы. Онъ напомнилъ, что самъ Россини чрезвычайно высоко ставитъ старика и плакалъ, какъ ребенокъ, слушая его музыку. Въ

бытность свою въ Вѣнѣ, онъ первый сдѣлалъ Бетховену визитъ.

— И, говорятъ, вашъ Бетховенъ принялъ его, Богъ знаетъ какъ! Посовѣтовалъ ему написать еще нѣсколько «Севильскихъ Цырюльниковъ».

— Это было бы не такъ плохо.

— Да, но какой грубый человѣкъ!

— Да кто вамъ сказалъ, что онъ былъ грубъ съ Россини? Это невѣрно.

— Мнѣ говорили... Онъ и визита ему не отдалъ.

— Если не отдалъ, то потому, что нелюдимъ.

— Очень хорошо! Что должны о насъ подумать иностранцы! А между тѣмъ я сама слышала, какъ Россини просилъ князя Меттерниха: нельзя ли сдѣлать что-либо для Бетховена.

— Подумайте, о комъ вы говорите, Мицци, — строго сказала мать хозяйки дома. — Вспомните, что Бетховенъ глухъ! Во снѣ такое увидѣть страшно.

Полнолицая дама замолчала. Разумовскій смотрѣлъ на нее съ ненавистью.

— Это какъ если бы вы стали нѣмой, Мицци, — весело сказала хозяйка. — Представьте себѣ: при васъ мы разсказывали бы всѣ вѣнскія сплетни, а вы отъ себя ничего не могли бы добавить.

Дама засмѣялась, за ней и другіе гости

— Это было бы гораздо хуже, чѣмъ глухота Бетховена!

— Это было бы изъ Дантова ада!

— Или изъ области инквизиціонныхъ пытокъ!

— Кто по настоящему трогателенъ, это Шиндлеръ. Что онъ терпитъ отъ старика, а преданъ ему, какъ собака!

— Говорятъ, онъ на своихъ визитныхъ карточкахъ пишетъ: «другъ Бетховена».

Смѣхъ усилился.

« Tanzen war ein Gottesdienst,
War ein Beten mit den Beinen... »

Гейне.

Капельдинеръ почтительно проводилъ Разумовскаго къ ложѣ Туновъ и сообщилъ, что антрактъ подходитъ къ концу: сейчасъ начнется симфонія. Почти у дверей ложи Андрею Кирилловичу бросилось въ глаза знакомое лицо. По корридору не шелъ, а скользилъ невысокій человѣкъ съ веселымъ, добродушнымъ лицомъ. «Кто такой? Французъ? Русскій?..» Этотъ человѣкъ нисколько не походилъ на русскаго, но что-то его связывало въ памяти князя съ Россіей, — Разумовскій не сразу узналъ танцовщика Дюпора, когда-то сводившаго съ ума публику Петербурга и Москвы. На лицѣ у танцовщика расплылась необыкновенно радостная улыбка, хоть и онъ тоже не сразу узналъ Разумовскаго, — помнилъ только, что это кто-то важный и пріятный. Дюпоръ давно больше не танцовалъ, не соблюдалъ режима и очень растолстѣлъ. Однако балетъ сказывался и въ его походкѣ, и въ вы-

раженіи лица, и въ манерахъ; онъ даже и говорилъ какъ-то такъ, что казалось, будто и слова, и мысли у него граціозно танцуютъ. О Дюпорѣ уже нѣсколько лѣтъ дамы отзывались: «ахъ, его надо было видѣть лѣтъ десять тому назадъ!..» Онъ радостно поздоровался съ Разумовскимъ. Неожиданно, они заключили другъ друга въ объятія (капельдинеръ посмотрѣлъ на нихъ съ изумленіемъ); въ Россіи Андрею Кирилловичу никакъ не пришло бы въ голову обниматься съ танцовщикомъ, хотя бы извѣстнымъ на весь міръ. Но здѣсь, въ Вѣнѣ, Дюпоръ былъ ему особенно пріятенъ.

— Вы что тутъ дѣлаете? — спросилъ Разумовскій. По недоумѣвающему лицу француза онъ понялъ, что задалъ неудачный вопросъ.

— Развѣ вы не знаете, князь, что я управляю этимъ театромъ?

— Да, конечно, я знаю... Я хотѣлъ сказать: отчего вы не за кулисами?

— Сегодня мнѣ тамъ нечего дѣлать: вѣдь театръ сданъ подъ концертъ. Давно ли вы въ Вѣнѣ, князь?.. Вы въ этой ложѣ? Одинъ?

— Одинъ...

Разумовскій разсказалъ, какъ это вышло. Изъ Туновъ никто не пожелалъ ѣхать съ нимъ на концертъ (онъ чувствовалъ, что это было легкой демонстраціей по его адресу).

— Видите, какъ я стремился въ вашъ театръ... Отчего бы вамъ не посидѣть со мною? Мнѣ въ самомъ дѣлѣ неловко одному въ ложѣ...

— Съ большимъ удовольствіемъ посижу.

Дюпоръ балетнымъ жестомъ открылъ дверь и, пропустивъ впередъ князя, не вошелъ, а впорхнулъ въ ложу. Залъ горѣлъ дрожащими огнями. Часть музыкантовъ уже сидѣла на сценѣ, настраивая инструменты, стирая пыль съ барабановъ и контрабасовъ. Разумовскій съ перваго взгляда увидѣлъ, что публика не слишкомъ парадная. Императорская ложа была пуста. Появленіе князя кое-гдѣ замѣтили въ залѣ, съ разныхъ сторонъ ему радостно кланялись, однако своихъ людей оказалось гораздо меньше, чѣмъ было бы на парадномъ спектаклѣ. Андрей Кирилловичъ устроился въ креслѣ поудобнѣе и началъ разговоръ съ Дюпоромъ. Они вспоминали общихъ знакомыхъ. Многіе давно умерли, Дюпоръ этого и не зналъ. При всякомъ такомъ сообщеніи на его благодушномъ лицѣ автоматически выступало выраженіе крайняго горя. Разумовскому казалось, что это выраженіе лица изъ какого-то балета: «Султанъ узнаетъ о смерти одалиски», — подумалъ Андрей Кирилловичъ.

— А какъ поживаетъ мадмуазель Жоржъ? — улыбаясь, спросилъ онъ.

У Дюпора былъ когда-то со знаменитой артисткой романъ, очень занимавшій московскихъ дамъ. Теперь это было далекое прошлое и о немъ, собственно, можно было говорить свободно. Однако танцовщикъ не сразу принялъ тему. На его лицѣ появилось выраженіе крайней скромности: «Акидъ не выдастъ тайны Галатеи».

— Я помню, вѣдь она васъ похитила и переодѣтымъ привезла изъ Парижа въ Петербургъ... И очень хорошо сдѣлала, — смѣясь, сказалъ Разумовскій.

— Quelle femme! Quelle femme! — расширивъ глаза, произнесъ Дюпоръ. Скромность его растаяла передъ настойчивой нескромностью Разумовскаго («Акидъ выдастъ тайну Галатеи»): — L'Empereur Napoléon disait qu'elle avait des abatis canailles. Mais ce n'est pas vrai, je vous le jure! Les pieds un peu grands, peut-être, mais d'une beauté!..

— Вѣрю, вѣрю, — говорилъ весело Андрей Кирилловичъ, знавшій, что въ этомъ была главная гордость жизни Дюпора: онъ и Наполеонъ были близки съ одной женщиной.

— Да, хорошее было время, — съ автоматическимъ вздохомъ сказалъ автоматическую фразу Дюпоръ, вывезшій изъ Россіи состояніе. — Хорошее было время!

— Вамъ, слава Богу, недурно и въ Вѣнѣ... Что вы теперь пишете?

— Пишу балетъ «Le volage fixé», — отвѣтилъ польщенный Дюпоръ и принялся разсказывать о своихъ работахъ. Андрею Кирилловичу стало завидно: онъ теперь завидовалъ всѣмъ людямъ, имѣющимъ какое бы то ни было призваніе, а Дюпоръ былъ по настоящему влюбленъ въ свое искусство. Говорилъ онъ такъ, точно творчество не оставляло ему ни одной минуты свободнаго времени: онъ, можетъ быть, и радъ былъ бы все бросить и начать

жизнь самаго обыкновеннаго человѣка, но что подѣлаешь съ публикой? знать ничего не хочетъ и не прекращаетъ овацій. Этотъ тонъ остался у Дюпора отъ лучшихъ временъ и еще усилился съ тѣхъ поръ, какъ дамы стали говорить: «ахъ, его надо было видѣть лѣтъ десять тому назадъ!..» Разумовскій разсѣянно слушалъ, оглядывая залъ, поддакивая и переспрашивая, иногда невпопадъ.

Залъ быстро наполнялся. Въ корридорѣ прозвонилъ колокольчикъ. Публика занимала мѣста. Нѣсколько креселъ въ первыхъ рядахъ оставались незаняты, вызывая непріятное чувство у Андрея Кирилловича. Эти оскорбительныя для Бетховена пустыя мѣста портили видъ и настроеніе зала.

— Да, очень интересно, — разсѣянно сказалъ Разумовскій, замѣтивъ, что долго не подавалъ реплики.

— Что интересно, князь?

— То, о чемъ вы говорите... Но я изъ вашихъ балетовъ предпочитаю эту... Какъ ее?.. «Галатею»... Скажите, отчего никого нѣтъ въ императорской ложѣ?

— Его Величество сейчасъ пребываетъ внѣ Вѣны, — почтительно наклонивъ голову, сказалъ Дюпоръ. — Кромѣ того, вы знаете, при дворѣ не очень любятъ Бетховена.

— Какъ онъ поживаетъ, старый якобинецъ?.. Говорятъ, плохъ?

Дюпоръ постучалъ по лбу пальцемъ и загово-

рилъ уже безъ балетныхъ жестовъ: о деньгахъ онъ говорилъ просто.

— Послушайте, князь, — сказалъ онъ. — Полный сборъ въ моемъ театрѣ при обыкновенныхъ цѣнахъ составляетъ двѣ тысячи четыреста флориновъ. Я сдѣлалъ старику величайшую скидку, какую только могъ, потому что я его люблю... Oui, j'ai un faible pour lui... On dit qu'il décompose la musique, mais je suis d'avis que c'est un bon musicien, tout toqué qu'il soit! — съ силой сказалъ Дюпоръ, точно Разумовскій съ этимъ спорилъ. — Я посчиталъ за все тысячу. За все! Это чуть только себѣ не въ убытокъ. Но ему одна переписка нотъ обошлась въ восемьсотъ флориновъ! На что же можно тутъ разсчитывать при обыкновенныхъ цѣнахъ?

— При повышенныхъ цѣнахъ, вѣроятно, публики было бы меньше.

— Послушайте дальше. Мало ему для его симфоніи оркестра, подавай еще хоръ. Мало хора, подавай солистовъ. И не одного, а четырехъ! И не какихъ-нибудь горлодеровъ, а Генріетту Зонтагъ! Хорошо, что она милая дѣвочка... Une perle, — вставилъ Дюпоръ, подмигнувъ Разумовскому, — она ничего со старика не возьметъ... А эти скандалы! Еслибъ я зналъ, ни за что не сдалъ бы ему своего театра. Для баритонной партіи ему предлагаютъ Форти: прекрасный пѣвецъ. — «Nein!» — передразнилъ Дюпоръ, сдѣлавъ свирѣпое лицо. — «Не хочу Форти: Italienische Gurgelei!» — сказалъ онъ, съ

трудомъ произнося нѣмецкія слова, но въ совершенствѣ воспроизводя голосъ, манеру, выраженіе лица Бетховена. Разумовскій невольно засмѣялся.

— Да, крутой человѣкъ.

— Слушайте дальше. Эта маленькая Зонтагъ, она ангелъ, князь, совѣтую обратить на нее вниманіе, —онъ опять подмигнулъ, — Зонтагъ умоляетъ хоть немножко понизить ея партію: вѣдь онъ чортъ знаетъ чего требуетъ отъ пѣвцовъ. Казалось бы, чего проще: прелестная дѣвочка проситъ понизить, понизь. «Nein!» — еще свирѣпѣе прорычалъ Дюпоръ. — Все «Nein»!.. Капельмейстера изругалъ такъ, что тотъ чуть-чуть не отказался сегодня дирижировать...

— Какъ? Развѣ не самъ Бетховенъ дирижируетъ?

Дюпоръ изумленно посмотрѣлъ на Разумовскаго.

— Помилуйте, князь, вѣдь онъ совершенно глухъ. Онъ будетъ стоять у пюпитра, только и всего. Вы вѣрно не видѣли афиши? Вотъ...

Онъ вынулъ изъ кармана смятый листокъ. Разумовскій надѣлъ очки и съ любопытствомъ прочелъ афишу.

— Такъ это на слова оды Шиллера «Радость»? Давнишняя его мысль, — протянулъ Андрей Кирилловичъ; онъ ждалъ сегодня другого отъ Бетховена. — «Какую это онъ выдумалъ радость?» — съ легкимъ безпокойствомъ подумалъ Разумовскій.

— Да, стихи... Умнѣе было бы написать музы-

ку къ хорошему балету... Вѣдь все таки балетъ высшее искусство, потому что въ немъ сочетаются всѣ виды искусства. Я ему предлагалъ, но онъ только ругается. — Дюпоръ опять энергично постучалъ по лбу.

Въ корридорѣ колокольчикъ зазвенѣлъ сильнѣе.

— Наконецъ-то, начинаютъ... Ну, до свиданья, князь, я долженъ васъ оставить... Надѣюсь часто васъ видѣть въ театрѣ... Я, впрочемъ, еще къ вамъ зайду...

Онъ упорхнулъ, перескочивъ черезъ порогъ ложи. На сцену торопливо выходили запоздавшіе музыканты. Сторожа принесли и поставили около дирижерскаго мѣста четыре бархатныхъ стула, очевидно, для солистовъ, — другимъ предназначались простые стулья. Изъ за кулисъ выглянулъ и тотчасъ скрылся Шупанцигъ, старый знакомый Разумовскаго. Капельдинеры закрывали двери. Звуки настраиваемыхъ инструментовъ волновали Андрея Кирилловича, вызывая въ его памяти что-то очень далекое и радостное. Ламповщики убавили свѣта въ залѣ. Отблески свѣчей надъ пюпитрами музыкантовъ задрожали на стѣнкахъ боковыхъ ложъ. Запоздавшій брандмейстеръ провѣрилъ уровень воды въ стоявшемъ на сценѣ мѣдномъ резервуарѣ. Благоразумные люди заранѣе откашливались. Гулъ голосовъ понемногу затихалъ.

« ... Wien, Wien, die Stadt der Lieder,
Die schöne Stadt auf Donau Strand... »

Девятнадцатилѣтняя Генріетта Зонтагъ въ день концерта была на банкетѣ, который въ ея честь устроилъ днемъ въ своемъ загородномъ охотничьемъ домѣ молодой венгерскій магнатъ. Все на банкетѣ было изъ сказки: и таинственный замокъ въ лѣсу, и большой низкій залъ, украшенный чучелами звѣрей, рогами оленей, и столъ, сверкавшій хрусталемъ и золотомъ, и безчисленные слуги въ странныхъ костюмахъ, и красавецъ хозяинъ, и его кривая, усыпанная алмазами, сабля, и блестящіе молодые люди, которыхъ онъ ей представлялъ, и ихъ ласкавшія слухъ имена, и необыкновенные титулы, — только въ сказкахъ бывали принцы, маркграфы, палатины. Люди эти говорили восторженныя, чудныя слова объ ея талантѣ, объ ея голосѣ, объ ея красотѣ.

Лакеи подали шампанское. Она говорила, что нельзя пить передъ концертомъ, что она лишится голоса, что ее освищутъ, и, слабо смѣясь счастливымъ смѣхомъ, пила. Затѣмъ она пѣла арію Рози-

ны, и трель звучала такъ, какъ никогда до того не звучала. Ослѣпительные молодые люди падали передъ ней на колѣни, осыпали поцѣлуями ея руки. Хозяинъ умолялъ осчастливить его и принять скромный даръ, недостойный ея божественнаго генія. Взявъ изъ шкатулки чудесное ожерелье, онъ надѣлъ ей на шею четыре нитки жемчуга, и, оправляя, коснулся ея голыхъ плечъ своей горячей рукою. Она пила, ѣла конфеты, послѣ конфетъ бутерброды, безсмысленно-счастливо смѣялась, безсмысленно-счастливо благодарила, съ дѣтской нѣжностью глядя на всѣхъ этихъ изумительныхъ, дивныхъ людей.

Много позднѣе — а, можетъ быть, и сейчасъ же послѣ того — вспомнили о концертѣ. Надо было ѣхать въ городъ. Сказочное продолжалось, — она еще тогда не знала, что все это почти ритуалъ. Молодые люди разостлали коверъ у крыльца передъ коляской, чтобы пыль земли не коснулась ножекъ богини. Толстый тугой коверъ покрылъ низъ лѣстницы, стать на ступеньки было невозможно, — она засмѣялась и скользнула внизъ. Ее поддержали, подняли и посадили въ экипажъ. Молодые люди восторженно говорили, что выпрягутъ лошадей и сами впрягутся въ коляску, — она озабоченно отвѣчала, что это невозможно, такъ она опоздаетъ къ концерту, — и всѣ хохотали и опять цѣловали ей руки. Хозяинъ непремѣнно желалъ сѣсть съ ней, но не сѣлъ: въ театръ подъѣхать вдвоемъ было бы неудобно — и непріятно Каролинѣ.

Затѣмъ лошади понеслись по лѣсу и она испугалась: вдругъ нападутъ разбойники, — въ волшебномъ лѣсу все было возможно. Потомъ ей стало холодно, несмотря на весеннюю погоду: она закутала горло въ шаль, и при этомъ попыталась на шеѣ пересчитать жемчужины въ одной только первой ниткѣ, но на лѣвомъ плечѣ подъ шалью блаженно запуталась въ счетѣ. Потомъ ей вспомнилась дивная фраза, которую она должна была пѣть на концертѣ. Она попробовала голосомъ: «Freude, schoener Goetter Funken, Tochter aus Elysium»... Лакей и кучеръ оглянулись съ козелъ: пѣть громко было невозможно; фраза беззвучно пѣла въ ея душѣ. Она не знала, что такое Elysium и почему здѣсь говорится объ искрѣ, да слова и не доходили до ея сознанія; но мелодія фразы выражала то, что она чувствовала въ самый счастливый день всей своей жизни. Она подумала, что сумасшедшій старикъ, создавшій геніальную, ни съ чѣмъ не сравнимую симфонію, которую сегодня должны были играть въ первый разъ, именно о ней, о сегодняшнемъ банкетѣ, о жемчужномъ ожерельѣ говорилъ въ этой своей фразѣ.

Потомъ она задремала.

На площади у бастіона, передъ трехэтажнымъ зданіемъ театра, кучеръ сдержалъ лошадей. Она очнулась и вздрогнула: вотъ уже театръ, сейчасъ пѣть! вдругъ провалится! «Нѣтъ, не можетъ быть, ничто дурное случиться не можетъ... Все будетъ чудесно!» Она легко выскочила изъ коляски, подума-

ла съ сожалѣніемъ, что здѣсь никто не разстилаетъ передъ ней ковровъ, и взбѣжала по лѣстницѣ подъѣзда артистовъ. Ей была отведена небольшая комната въ концѣ корридора. Вдругъ черезъ выходившую въ корридоръ дверь она увидѣла Бетховена. Она остановилась у порога, пораженная.

Въ комнатѣ больше никого не было. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, опустивъ голову на грудь. Лицо его было мрачно, въ глазахъ было отчаяніе. Ей стало мучительно жаль старика. «Боже, какой несчастный!», — подумала она и вдругъ, неслышно войдя въ комнату, она опустилась на колѣни передъ кресломъ и поцѣловала руку Бетховену.

«La symphonie avec choeurs de Beethoven n'est pas absolument dépourvue d'idées, mais elles sont mal disposées et ne forment qu'un ensemble incohérent et dénué de charme».

Изъ рецензіи 1831 года.

Спектакль не былъ парაднымъ, но всѣ вѣнцы, знавшіе толкъ въ музыкѣ, были въ этотъ день въ театрѣ у Каринтійскихъ воротъ. О новой симфоніи Бетховена, послѣ первой же репетиціи, пошли по городу странные слухи. У старика были фанатическіе поклонники, какъ Разумовскій, не считавшіеся съ модой. Однако, и Шиндлеръ, и Шупанцигъ растерянно себя спрашивали, что же такое хотѣлъ на этотъ разъ сказать старикъ. Музыканты оркестра, знавшіе свое дѣло, только переглядывались на репетиціяхъ; нѣкоторые вполголоса вспоминали: Веберъ уже послѣ седьмой симфоніи говорилъ, что Бетховенъ вполнѣ созрѣлъ для дома умалишенныхъ. Видъ старика подтверждалъ такія предположенія. На репетиціяхъ онъ стоялъ подлѣ дирижера, безумными глазами глядѣлъ на исполнителей и,

вскрикивая, повторялъ непонятныя слова. Всѣ смотрѣли на него съ ужасомъ.

Въ концѣ антракта Шиндлеру подали окончательный разсчетъ кассы. Онъ пробѣжалъ цыфры и поблѣднѣлъ: сборъ составлялъ всего 2.220 гульденовъ, на долю старика должна была очиститься совершенно ничтожная сумма. Между тѣмъ, съ этимъ концертомъ связывались главныя его надежды. Шиндлеръ зналъ, что виноватымъ все равно окажется онъ; это его не безпокоило, онъ ко всему привыкъ. Но какъ сказать старику? какъ его подготовить? Старикъ и безъ того былъ послѣднее время въ ужасномъ настроеніи.

Шиндлеръ былъ литературной абстракціей; онъ сорвался въ жизнь изъ сентиментальной повѣсти, — вѣрный другъ, состоящій при великомъ человѣкѣ. Онъ не игралъ этой роли, да и повѣсть такая ему, вѣроятно, никогда не попадалась. Шиндлеръ зналъ толкъ въ музыкѣ и искренно боготворилъ Бетховена. Но если бы судьба не свела его съ Бетховеномъ, онъ былъ бы преданнымъ слугой при другомъ великомъ человѣкѣ. Обязанности его были тяжелы и неблагодарны; именно поэтому онѣ какъ нельзя болѣе подходили Шиндлеру. У него на всю жизнь повисло на лицѣ грустное выраженіе. Всѣ неизмѣнно о немъ говорили, что онъ преданъ Бетховену, какъ собака, и всѣ были правы.

День концерта Шиндлеръ провелъ съ Бетхове-

номъ. Велѣлъ кухаркѣ подать то, что любилъ старикъ: селедку съ печенымъ картофелемъ, яичницу съ лукомъ и колбасой, макароны съ пармезаномъ, бутылку краснаго баденскаго вина; самъ приготовилъ кофе, отсчитавъ ровно шестьдесятъ зеренъ на чашку, какъ требовалъ Бетховенъ. Обѣдъ сошелъ благополучно: старикъ не ругался ни съ Шиндлеромъ, ни съ кухаркой, не швырялся тарелками; онъ даже пробормоталъ что-то, похожее на благодарность Шиндлеру за его заботливость. Шиндлеръ былъ счастливъ. За два часа до начала концерта онъ вынулъ изъ шкафа зеленый фракъ (чернаго у старика не было), почистилъ щеткой и съ душевной болью говорилъ, что при вечернемъ освѣщенiи этотъ зеленый, въ сущности темно-зеленый, костюмъ, навѣрное, сойдетъ за черный. Незадолго до начала концерта Бетховенъ сѣлъ за пiанофорте. Шиндлеръ встревожился, — ѣхать надо было далеко, передъ концертомъ слѣдовало бы отдохнуть. Но онъ не чувствовалъ себя способнымъ отрывать старика отъ игры. Шиндлеръ сѣлъ на диванъ и заслушался. Бетховенъ фантазировалъ: его фантазiя не имѣла на этотъ разъ ничего общаго съ темами той симфонiи, которую сегодня играли въ театрѣ. Шиндлеръ зналъ, что она больше не интересуетъ старика, и догадывался, что играетъ онъ что-то изъ задуманной имъ новой, десятой симфонiи. Слѣдить было трудно: Бетховенъ все время перескакивалъ съ одной темы на другую. «Слышитъ ли онъ то, что играетъ?» — спрашивалъ себя въ

сотый разъ Шиндлеръ, и, какъ всегда, приходилъ къ мысли, что слышать старикъ не можетъ (онъ оркестра не слышалъ въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія) — и все же какимъ-то непонятнымъ образомъ слышитъ. «Вотъ когда бы художникамъ его писать», — думалъ Шиндлеръ, глядя на Бетховена и чувствуя передъ собой непонятное, недостижимо высокое явленіе. «И какъ онъ правъ, когда говоритъ, что въ искусствѣ онъ ближе къ Богу, чѣмъ всѣ другіе люди!..»

Посовѣтовавшись съ Шупанцигомъ, Шиндлеръ рѣшилъ до окончанія концерта ничего не сообщать старику о денежныхъ результатахъ концерта: пусть хоть симфонія съ хорами доставитъ ему утѣшеніе. По началу концерта, по настроенію въ залѣ, оба они видѣли, что пріемъ будетъ горячій и что оваціи Бетховену обезпечены: публика его жалѣетъ и знаетъ, что ему жить уже недолго.

Шиндлеръ и Шупанцигъ робко вошли въ комнату, предназначенную для артистовъ. Старикъ сидѣлъ въ той же позѣ, въ какой его застала Зонтагъ.

— **Meister, rüstet Euch!** — закричалъ Шиндлеръ, нагнувшись къ самому уху Бетховена. Контрастъ между его успокоительными словами и дикимъ крикомъ былъ такъ силенъ, что Шупанцигъ вздрогнулъ.

Бетховенъ тяжело поднялся съ кресла и уставился бѣшеными глазами на вошедшихъ.

— Ich bin gekocht, gesotten und gebraten, — сказалъ онъ, и быстро направился къ эстрадѣ. Шупанцигъ маленькими шажками побѣжалъ за нимъ.

«Особенно мое любопытство возбуждала девятая симфонія, такъ какъ по общему мнѣнію музыкантовъ*), Бетховенъ написалъ ее въ состояніи близкомъ къ умопомѣшательству. Она считалась предѣломъ непонятнаго и фантастическаго искусства. Доставъ съ большимъ трудомъ партитуру, я съ перваго взгляда на нее почувствовалъ себя зачарованнымъ роковой силой. Въ этой симфоніи, конечно, была тайна всѣхъ тайнъ... Помню, блѣдный лучъ зари засталъ меня за работой. Въ моемъ состояніи крайняго возбужденья я испугался зари, какъ призрака. Я вскрикнулъ отъ ужаса и закрылъ лицо одѣяломъ».

Изъ юношескихъ воспоминаній Рихарда Вагнера.

На оборотной сторонѣ афиши была мелкими буквами цѣликомъ напечатана ода Шиллера. Андрей Кирилловичъ медленно ее прочелъ. «А не то, чтобы отмѣннѣйшіе были стихи, хоть они и Шиллеровы», — подумалъ онъ. Его неодобреніе впрочемъ относилось къ мыслямъ стиховъ, а не къ ихъ формѣ: форма была бойкая и въ самомъ дѣлѣ весели-

*) Съ извѣстнымъ правомъ можно утверждать, что и девятая симфонія, и смычковые квартеты, и всѣ послѣднія созданія Бетховена едва ли не раньше, чѣмъ въ Западной Европѣ, были поняты въ Россіи или по крайней мѣрѣ, оцѣнены отдѣльными русскими знатоками. Достаточно назвать Ленца, Глинку, Голицына, Одоевскаго, Бакунина.

Авторъ.

ла душу. Но Разумовскому было не до веселья. Разговоръ съ Дюпоромъ пробудилъ въ немъ тоску и горько-насмѣшливое настроеніе. Въ стихахъ говорилось о любимой женщинѣ, — Андрею Кирилловичу шелъ восьмой десятокъ. Говорилось о друзьяхъ и дружбѣ, — у него близкихъ друзей не было. «Ишь какіе весельчаки», — бормоталъ онъ. — «Все радость, да радость...» «Auf des Glaubens Sonnenberge, sieht man Ihre Fahnen weh'n»... — C'est curieux, je ne vois pas les drapeaux, — подумалъ Разумовскій, перейдя въ мысляхъ на французскій языкъ, для ироніи болѣе пригодный. — «... Durch den Riss gesprengter Saerge sie im Chor der Engel stehn»... — Ça, c'est fort par exemple, la joie à travers la fente des cercueils... — «Götter kann man nicht vergelten, Schön ist Ihnen gleich zu sein...» — Андрей Кирилловичъ не чувствовалъ себя равнымъ богамъ. —Je n'y puis rien... — «Unser Schuldbuch sei vernichtet...» — Ça, oui, les dettes j'en ai pour plusieurs millions... — «Richtet Gott wie wir gerichtet...» — Si la justice divine ne vaut pas mieux que la nôtre!.. — «Freude sprudelt in Pokalen in der Traube goldnen Blut, Trinken Sanftmut Kannibalen...» — Tiens, les cannibales sont de la fête!.. Non, décidément, la poésie allemande et moi...» — Взрывъ апплодисментовъ прервалъ размышленія Андрея Кирилловича. Бетховенъ выходилъ на эстраду. — «Господи, какъ онъ измѣнился!»

Дирижеръ, низко поклонившись публикѣ, под-

нялся на свое мѣсто. Бетховенъ кивнулъ головой, сердито отвернулся и сталъ рядомъ съ дирижеромъ. Гулъ въ залѣ затихъ совершенно.

При первыхъ звукахъ музыки насмѣшливое настроеніе оставило Андрея Кирилловича. «Что же это такое?» — думалъ онъ. — «Такъ вотъ она, радость!.. Mais ce n'est pas la musique qu'il décompose, c'est la vie... Oui, c'est le chaos... Ténèbres et désolation... Le triomphe de la mort...»

. . . .

— Понравилось вамъ, князь? — спросилъ Дюпоръ, впорхнувшій снова въ ложу, какъ только оркестръ пересталъ играть. — Правда, хорошо?

Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на измученное лицо Разумовскаго.

— По моему, тема финала могла бы послужить для балета. Очень похожая фраза есть въ прелестномъ старинномъ гросфатерѣ. — Дюпоръ вполголоса пропѣлъ тему радости и пропѣлъ такъ, что въ самомъ дѣлѣ вышло похоже на гросфатеръ. — Чудесная фраза!

— За радостью я обращусь къ «Севильскому Цырюльнику», — сказалъ не сразу Разумовскій. Онъ всталъ и снова сѣлъ. — Подождемъ, пока схлынетъ толпа въ корридорѣ, — разсѣянно сказалъ онъ, видимо погруженный въ свои мысли.

— Знатоки говорятъ, что въ симфоніи нарушены всѣ законы музыки... Вы этого не думаете, князь?

— Нѣтъ, я этого не думаю... А если и нарушены, то безпокоиться намъ нечего: значитъ, онъ создалъ новые, — отвѣтилъ Андрей Кирилловичъ. Онъ чувствовалъ потребность высказать свои мысли о симфоніи, но Дюпоръ былъ явно неподходящимъ слушателемъ.

— Такъ вы говорите, это радость? — сказалъ Разумовскій. — Не знаю. Ничего мрачнѣе и страшнѣе, чѣмъ первыя двѣ части этой симфоніи, я отроду не слышалъ... Вторая часть, вдобавокъ, издѣвательская... Это торжество зла, преступленіе, злодѣяніе, что хотите, только не радость! Нѣтъ, это дьявольская музыка!

— Почему дьявольская? — недовѣрчиво спросилъ Дюпоръ. — Вѣдь, кажется, по замыслу, радость приходитъ потомъ, такъ, по крайней мѣрѣ...

— Ужъ я не знаю, когда она приходитъ, — перебилъ его Разумовскій. — Вѣдь не въ третьей части, правда? Тогда финалъ? Та фраза, которая вамъ напоминаетъ гросфатеръ, отъ нея, при ея появленіи, рвется сердце... Вы говорите, финалъ, — продолжалъ онъ, все болѣе увлекаясь. — Зачѣмъ Бетховенъ ввелъ хоръ? Человѣкъ и здѣсь все портитъ... Но допустимъ, радость. Развѣ онъ въ финалѣ отвѣтилъ на первыя двѣ части? На все то, что въ нихъ сказано? Очень можетъ быть, что Бетховенъ хотѣлъ оправдать жизнь, — ничего онъ не оправдалъ, ничего!..

— Не понимаю, — такъ же недовѣрчиво замѣтилъ Дюпоръ. — Если авторъ объявляетъ, что онъ

пишетъ о радости, значитъ, онъ пишетъ о радости. Какъ вы можете знать лучше автора, что онъ хотѣлъ сказать? Et puis, il n'est pas philosophe à ce point, allez! Je le connais, — пожимая плечами, добавилъ онъ.

— Зачѣмъ ему быть философомъ? Бетховенъ загадка. Развѣ въ этомъ изумительномъ твореніи не дѣтскіе пріемы? Эта перекличка темъ! Одна тема божественнѣй другой, но въ томъ, что ихъ поочередно предлагаютъ и отвергаютъ, въ этой словесной ссылкѣ на Шиллера, есть что-то наивное и безпомощное. Если хотите, только волосокъ отдѣляетъ это отъ безвкусія. И все-таки онъ величайшій художникъ всѣхъ временъ, — царь того искусства, которое умнѣе всѣхъ мудрецовъ и философовъ въ мірѣ... И пессимизмъ его не отъ сознанія, не отъ житейскихъ бѣдъ, даже не отъ глухоты. Бетховенъ одержимый. Онъ самъ создаетъ вокругъ себя атмосферу муки и потомъ самъ себя утѣшаетъ, какъ можетъ... На предѣльныхъ высотахъ искусства нужны добровольные мученики: развѣ въ нормальномъ состояніи можно создать такое произведеніе?.. Что онъ сталъ бы дѣлать, если-бъ оправдалъ...

Разумовскій посмотрѣлъ на Дюпора и ему стало совѣстно. Собственныя его слова показались Андрею Кирилловичу и напыщенными, и неумѣстными, и невѣрно передающими вѣрную мысль.

— Можетъ быть, я и ошибаюсь, — поспѣшно сказалъ онъ, вставая. — Музыку всякій понимаетъ, какъ хочетъ...

— Разумѣется, — отвѣтилъ, подавляя зѣвокъ, Дюпоръ. — Вы еще къ нему зайдете, князь? Я не совѣтую... Онъ вѣрно очень разстроенъ... Бѣдный старикъ! Но художественный успѣхъ большой. Публика была довольна.

Публика въ самомъ дѣлѣ была довольна. Лишь только капельмейстеръ опустилъ палочку, загремѣли апплодисменты. Бетховенъ ихъ не слышалъ. Онъ стоялъ неподвижно, спиной къ залу, поднявъ вверхъ руки. Солистка Каролина Унгеръ осторожно тронула его за плечо и съ улыбкой показала на апплодировавшую публику. Онъ дернулся лицомъ, какъ-то жалко поклонился и пошелъ къ выходу.

Зрители не знали, что старикъ такъ глухъ. Апплодисменты вдругъ оборвались. Затѣмъ вздохъ пробѣжалъ по залу. Началась бурная овація.

«Monsieur Beethoven est un petit trapu d'un abord très malhonnête».

П л е й е л ь.

Вышло еще хуже, чѣмъ предполагалъ Шиндлеръ. Старикъ разразился бранью. Онъ кричалъ, что сдѣланный кассою разсчетъ невѣренъ, что его обокрали, и ясно давалъ понять: и Шиндлеръ, въ сущности такой же мошенникъ, хоть прикидывается вѣрнымъ другомъ.

Шиндлеръ покорно выслушивалъ ругательства. Ему и въ голову не приходило обижаться: Бетховену все позволено, на то онъ и Бетховенъ. Кромѣ того Шиндлеръ прекрасно все понималъ: старику хорошо извѣстно, что Шиндлеръ не воръ, что онъ его не обокралъ, что онъ преданъ ему, какъ собака, — Бетховенъ, конечно, не вѣрилъ своимъ словамъ, да, собственно, и о деньгахъ почти не думалъ; и деньги ему были нужны ужъ никакъ не для себя, а для мальчишки-племянника: онъ просто изливалъ измученную душу. Шиндлеръ все понималъ: старикъ не золъ, онъ по природѣ очень добръ, несчастнѣе вѣдь не было человѣка на свѣтѣ, — нищій,

глухой, больной, фанатикъ искусства, которое его самого никогда не удовлетворяло и было слишкомъ высоко, слишкомъ непонятно для публики, апплодировавшей ему изъ состр515данья!..

Умоляя старика успокоиться, всячески расписывая и раздувая художественный успѣхъ симфоніи, Шиндлеръ съ другимъ пріятелемъ Хюттенбреннеромъ отвезъ Бетховена домой и убѣдилъ его прилечь отдохнуть. Старикъ повалился на диванъ и скоро заснулъ. Шиндлеръ вышелъ изъ комнаты, задувъ свѣчи и прикрывъ за собой дверь.

На слѣдующій день утромъ, забѣжавъ на минуту провѣдать Бетховена, Шиндлеръ засталъ его тамъ же, на диванѣ. Онъ еще спалъ и на лицѣ старика было то же выраженіе безконечной усталости и муки.

«Les reines n'ont qu'un seul devoir: c'est d'être jolies».

Таллейранъ.

Кондукторъ омнибуса «Бѣлой Дамы» дернулъ звонокъ и радостно, дикимъ голосомъ, съ непонятнымъ напѣвомъ, прокричалъ слово, немного похожее на «Concorde». Въ вагонѣ не всталъ никто, но господинъ въ очкахъ, занимавшій первое у лѣстницы мѣсто на вышкѣ омнибуса, вздрогнулъ, тяжело поднялся, опираясь на трость, и, схватившись за перила рукой въ палевой перчаткѣ, осторожно поставилъ ногу на ступеньку. Кондукторъ хотѣлъ было спѣть: «Allons, messieurs, dames, depêchons», но не спѣлъ: господинъ былъ, видимо, очень старъ. Ступая съ той же ноги, онъ торопливо спустился по лѣстницѣ. Кондукторъ подумалъ, что такому старику никакъ не слѣдовало бы подниматься на вышку: и дуетъ тамъ, да и упасть съ лѣстницы нетрудно. Двѣ стоявшія на площадкѣ дамы подвинулись, уступая дорогу. Господинъ съ привѣтливой улыбкой скользнулъ по нимъ взгля-

домъ и довольно ловко прошелъ по узкой площадкѣ, не задѣвъ кринолиновъ дамъ. Кондукторъ округлилъ было руку, чтобы помочь ему сойти, и вдругъ замеръ. Вытянувшійся въ струнку городовой на мгновенье впился въ кондуктора грознымъ взглядомъ, затѣмъ тотчасъ уставился на замедлившую ходъ легкую коляску, запряженную парой прекрасныхъ рыжихъ лошадей. Коляскѣ загораживалъ дорогу омнибусъ. Дама на площадкѣ ахнула: «Смотрите, это императрица!»... — «Императрица Евгенія!» — взволнованно прошептала другая дама. Въ вагонѣ у оконъ всѣ съ любопытствомъ повставали съ мѣстъ. Кондукторъ сорвалъ съ себя фуражку.

Старый господинъ поднялъ цилиндръ и почтительно поклонился императрицѣ. Она кивнула головой и вдругъ, узнавъ старика, улыбкой подозвала его къ себѣ, приказавъ кучеру остановиться.

— Bonjour, cher monsieur Isabey, — сказала она. Лошади тронулись, омнибусъ затрясся по мостовой. И дѣвочка, сидѣвшая рядомъ съ императрицей Евгеніей, и лакей въ темносиней ливреѣ, державшій въ рукѣ корзинку, и кучеръ, и городовой съ изумленіемъ смотрѣли на вылѣзшаго изъ омнибуса сгорбленнаго изжелта-сѣдого старика, ради котораго императрица велѣла остановить свою коляску.

—Очень рада, что васъ встрѣтила... Какъ ваше здоровье?

— Почтительно благодарю, Ваше Величество...

Мое здоровье такъ хорошо, что, право, передъ людьми совѣстно; вѣдь мнѣ, Ваше Величество, безъ малаго девяносто лѣтъ.

— На видъ вамъ нельзя дать больше шестидесяти.

Мосье Изабе улыбнулся, подумавъ, что для этой молоденькой, начинающей жизнь женщины и шестьдесятъ, и девяносто лѣтъ, въ сущности, одно и то же.

— Это моя племянница, — сказала императрица, — дочь моей сестры герцогини Альба... Дитя мое, это нашъ знаменитый художникъ мосье Изабе...

Дѣвочка смущенно что-то пролепетала по-испански.

— Надо говорить по французски, — строго сказала императрица. — Я хочу, чтобъ она всю жизнь могла разсказывать, что видѣла собственными глазами Изабе, — улыбаясь добавила она.

Хоть эти слова косвенно напоминали, что жить ему уже осталось недолго, мосье Изабе оцѣнилъ любезность и былъ ею тронутъ. Вблизи, при яркомъ солнцѣ, императрица нравилась ему еще больше, чѣмъ во дворцѣ, гдѣ онъ ее видалъ на вечерахъ. Въ выраженiи лица, въ голубыхъ глазахъ императрицы было то, что въ молоденькихъ женщинахъ особенно трогало мосье Изабе: свѣтъ отъ счастья, отъ довѣрчивости, отъ радости жизни. «Да, красавица», — подумалъ онъ. — «Такихъ волосъ я никогда не видалъ, не свѣтлые, не пепельные, нѣтъ

такого цвѣта... А глаза!.. Вотъ только чуть-чуть удлинить снизу овалъ лица, и красивѣе женщину представить себѣ было бы невозможно»... Какъ знатокъ, онъ оцѣнилъ и Пальмировскій туалетъ императрицы, и шляпу, тонко подобранную къ необыкновенному цвѣту ея волосъ. «Кажется, и шиньона не носитъ... Сама ввела въ моду, а ей-то онъ и не нуженъ»...

— Отчего вы давно у насъ не были? — спросила императрица. Она, видимо, не знала, о чемъ разговаривать, но, зачѣмъ-то остановивъ старика, считала нужнымъ поговорить съ нимъ еще минуту-другую. — Императоръ всегда такъ вамъ радъ... А я хотѣла съ вами посовѣтоваться насчетъ своего портрета. Такъ все-таки кто же лучше: Винтергальтеръ или Дюбюфъ?

— Оба прекрасные художники, Ваше Величество, — поспѣшно сказалъ мосье Изабе.

— Ахъ, какъ жаль, что вы не хотите меня написать! Я такъ желала бы...

— Ради Бога, не смѣйтесь надъ старикомъ, Ваше Величество, — со вздохомъ отвѣтилъ мосье Изабе. — Я давно больше не пишу, чтобы себя не позорить: кисть дрожитъ въ моей рукѣ.

— Я увѣрена, у васъ и теперь вышло бы лучше, чѣмъ у всѣхъ молодыхъ. Такъ непремѣнно заходите къ намъ запросто. Императоръ собирается еще васъ разспрашивать о старомъ придворномъ церемоніалѣ. Мы хотимъ, чтобы у насъ все было, какъ было при покойномъ дядѣ, а вѣдь никто, кромѣ

васъ, не видѣлъ... — сказала она и вдругъ покраснѣла. Мосье Изабе ласково улыбнулся. Ему и забавно было, что эта молоденькая испанская графиня, чудомъ ставшая французской императрицей, еще вчера никому въ мірѣ неизвѣстная, называетъ дядей Наполеона I; но его и трогало, что она сама при этомъ смущается и краснѣетъ, какъ дѣвочка.

— Я весь къ услугамъ Вашего Величества.

— Какой вы счастливецъ, мосье Изабе! Вы знали дядю, вы писали его портреты.

— Ваше Величество, разрѣшите вамъ напомнить, — съ усмѣшкой сказалъ мосье Изабе, — я писалъ не только вашего дядю. Задолго до того я писалъ и вашу августѣйшую бабушку.

— Бабушку? — съ недоумѣніемъ переспросила императрица.

— Покойную королеву Марію-Антуанетту, — пояснилъ мосье Изабе. — Вѣдь супруга вашего дяди, императрица Марія-Луиза, приходилась родственницей королевѣ Маріи-Антуанеттѣ.

Императрица озадаченно на него смотрѣла. Улыбка мосье Изабе была такъ ласкова и почтительна, что ни о какой ироніи не могло быть и рѣчи. Но при мысли о томъ, что этотъ человѣкъ писалъ королеву, казненную на этой самой площади больше шестидесяти лѣтъ тому назадъ, императрицѣ вдругъ стало страшно. Она подумала, что нельзя и не надо жить такъ долго.

Поспѣшно простившись съ мосье Изабе, императрица приказала кучеру ѣхать дальше.

«L'abondance des grâces où il plaisoit à Dieu de me combler et la paix dont il me remplissoit étoient si grandes que je ne pouvois presque m'empêcher de rire en toute rencontre».

Клодъ Лансело.

«Только бы не пришла и для нея бѣда», — подумалъ мосье Изабе, вспоминая то, что ему пришлось видѣть на своемъ вѣку. Но онъ тотчасъ отогналъ отъ себя грустныя предположенія и перевелъ мысль на дѣло: мосье Изабе шелъ ѣсть устрицы. Обѣдалъ онъ по старинному, въ пятомъ часу, а въ полдень закусывалъ, — чаще дома, но, случалось, и въ ресторанахъ, когда можно было уйти отъ жены. Мосье Изабе, прекрасный семьянинъ, очень любилъ свою вторую жену, какъ очень любилъ и первую, однако, онъ не прочь былъ погулять и безъ нея. Онъ остановился у гастрономическаго магазина. Мосье Изабе очень любилъ разсматривать витрины. Въ большой съ низкими бортами коробкѣ лежалъ ананасъ, симметрично окруженный грушами, какъ кегельный король кеглями. Рядомъ на блюдѣ въ заливномъ чернѣлъ пятнышками трюфелей огромный паштетъ. Сзади, возвышаясь надъ банками соленій, корнишоновъ, сардинъ, торчали разныя бутылки съ серебряными, синими, красными

головками, одна красивѣе другой. Мосье Изабе тотчасъ тронулся дальше, аппетитъ у него усилился.

При видѣ паштета и фруктовъ, онъ вспомнилъ, что лакей императрицы держалъ въ рукѣ корзинку. «Вѣрно, она опять ѣздила инкогнито къ бѣднякамъ», — съ благодушной улыбкой подумалъ мосье Изабе.

Отъ своего пріятеля Фульда, занимавшаго должность министра двора, онъ зналъ, какъ устраиваются полиціей благотворительныя поѣздки императрицы. Фульдъ, веселый человѣкъ, очень забавно о нихъ разсказывалъ въ тѣсномъ дружескомъ кругу. Кучеръ привозилъ молодую императрицу къ бѣдному дому въ бѣдномъ кварталѣ. Лакей оставался внизу, а императрица, съ корзинкой въ рукѣ, по узкой, но чистенькой лѣстницѣ поднималась въ мансарду бѣдняковъ, — префектъ полиціи, впрочемъ, устраивался такъ, чтобы домъ былъ не очень высокій, и лѣстница не слишкомъ крутая. На стукъ открывалъ дверь маленькій, чистенько одѣтый мальчикъ и уставлялся на вошедшихъ милыми заплаканными глазенками. Изъ глубины мансарды слышался кашель; больная женщина съ добрымъ грустнымъ изможденнымъ лицомъ, тяжело поднявшись на постели, спрашивала слабымъ голосомъ: «Кто тутъ?» Императрица подходила къ постели и объясняла женщинѣ, что братство св. Викентія поручило ей навѣстить больную вдову. Вдова растроганно благодарила и тихимъ прерывистымъ голосомъ разсказывала: да, ей жи-

вется плохо, очень плохо... Никто, конечно, не виноватъ. Всѣмъ теперь такъ хорошо при добромъ императорѣ Наполеонѣ, который такъ любитъ народъ... А у нея горе за горемъ: умеръ любимый мужъ, сама она больна, но что-же дѣлать? о себѣ она не думаетъ, а вотъ какъ накормить сегодня бѣднаго голоднаго мальчика?.. У вдовы слезы лились изъ глазъ. Императрица, тоже прослезившись, вынимала изъ корзины страсбургскій пирогъ, пулярду, огромныя груши, портвейнъ. «Это посылаетъ вамъ братство», — говорила императрица. Мальчикъ, плача отъ восторга, набрасывался на ѣду. Вдова рыдала слезами умиленья. «Но вы! Кто же вы, нашъ ангелъ, наше Провидѣнье?» — восклицала вдова, покрывая поцѣлуями руки императрицы. — «Мама, мама, посмотри!» — вскрикивалъ въ восторгѣ мальчикъ, — «вѣдь эта прекрасная дама такъ похожа на нашу добрую императрицу!..» Вдова смотрѣла на императрицу расширенными отъ ужаса и счастья глазами. Императрица, вытирая слезы, быстро ускользала изъ мансарды, оставивъ на столѣ вязаный кошелекъ съ золотыми монетами. — Министръ двора и префектъ полиціи знали много варіантовъ благотворительной поѣздки. Мосье Изабе слушалъ Фульда не безъ удовольствія, — ничего дурного въ этомъ, въ сущности, не было, вреда никому никакого. «А ей, бѣдняжкѣ, пріятно, что ихъ такъ любитъ народъ. Для этого и «надо говорить по-французски», — ласково улыбаясь, думалъ мосье Изабе.

У кофейни, по обѣ стороны двери, въ плетеныхъ корзинахъ, стоявшихъ ярусами на подставкахъ, лежали устрицы и улитки. Мосье Изабе прошелъ вдоль выставки, сквозь очки внимательно вглядываясь въ корзины. Всѣ устрицы были очень хороши на видъ; мосье Изабе колебался между двумя сортами. «Развѣ по дюжинѣ заказать каждаго сорта?» — задумавшись, спросилъ себя онъ. — «Охъ, не слѣдовало бы». Онъ, однако, тутъ же отвѣтилъ, что, быть можетъ, и жить то ему осталось всего лишь нѣсколько дней, тогда будетъ очень обидно не отвѣдать въ послѣдній разъ устрицъ. На всякій случай, хоть онъ и не былъ суевѣренъ, мосье Изабе постучалъ о деревянную трость высохшимъ среднимъ пальцемъ лѣвой руки. Это повредить никакъ не могло. Женщина за прилавкомъ неодобрительно на него глядѣла, думая, что столь засидѣвшемуся на свѣтѣ человѣку неприлично и смотрѣть на выставку, а внукамъ просто грѣхъ, что отпускаютъ его на улицу одного. Мосье Изабе вошелъ въ кофейню и выбралъ мѣсто получше. Лакей отодвинулъ передъ нимъ столикъ и принялъ заказъ, думая то же, что и женщина за прилавкомъ.

— Et comme boisson? J'ai de la bonne bière anglaise, — сказалъ лакей.

Мосье Изабе только на него посмотрѣлъ. Онъ зналъ, что это послѣдняя, завезенная англичанами, мода: запивать устрицы не виномъ, а пивомъ. Но мосье Изабе относился съ совершеннымъ презрѣ-

ніемъ къ гастрономическимъ идеямъ англичанъ. Онъ внимательно просмотрѣлъ карту винъ. Былъ вальмюръ лучшаго, 1846-го, года, но безъ звѣздочки, значитъ, полубутылокъ не было. Заказать цѣлую бутылку было дорого и неблагоразумно. Но мосье Изабе опять подумалъ, что, быть можетъ, такъ закусываетъ въ послѣдній разъ въ жизни. Постучавъ о спинку дивана, онъ заказалъ цѣлую бутылку вина.

Мосье Изабе ѣлъ съ большимъ аппетитомъ устрицы, не поливая ихъ ни лимоннымъ сокомъ, ни соусомъ, — это тоже были глупыя выдумки, только портившія вкусъ устрицъ. Вперемежку съ мыслями объ устрицахъ, онъ думалъ и о разныхъ дѣлахъ. «Фульдъ, конечно, можетъ устроить Генріетту... Нехудо бы, если-бъ нашелся женихъ въ его собственной семьѣ... Разница въ религіи не имѣетъ большого значенія, каждый въ своей вѣрѣ и останется... Устрицы хороши... Да, прелестная женщина императрица! Дай ей Богъ счастья!.. Надо будетъ къ нимъ зайти въ Тюльери»... Мосье Изабе бывалъ во дворцѣ и при Людовикѣ XVI, и въ ту пору, когда тамъ засѣдалъ Комитетъ Общественнаго Спасенія, и при Директоріи, и при Наполеонѣ I, и при Людовикѣ XVIII, и опять при Наполеонѣ, и при Карлѣ X, и при Людовикѣ-Филиппѣ, — никто до сихъ поръ долго во дворцѣ не засиживался, и всѣмъ онъ приносилъ несчастье. «Ну, а, можетъ быть, имъ какъ разъ и не принесетъ», — бодро думалъ мосье Изабе. — «А если и принесетъ, то что

же дѣлать? Нельзя же прожить всю жизнь безъ несчастій». — Въ глубинѣ души онъ въ эту мысль не вѣрилъ: можно отлично и безъ всякаго несчастья прожить жизнь.

Отъ устрицъ и вина мосье Изабе немного отяжелѣлъ. Ему захотѣлось соснуть. Но съ этимъ признакомъ старости онъ всегда боролся — и тутъ же рѣшилъ, что вернется домой пѣшкомъ: погода прекрасная. Допивъ вино, онъ расплатился, кивнулъ лакею и вышелъ, лишь чуть больше сгорбившись и чуть крѣпче опираясь на палку. Лакей кивалъ головой, подмигивая другимъ кліентамъ. Женщина за прилавкомъ, слѣдившая сквозь окно за тѣмъ, какъ закусывалъ мосье Изабе, смотрѣла на него со смѣшаннымъ чувствомъ восхищенья и ужаса. «Il ne va tout de même pas prendre une fille, au moins, le vieux?» — спрашивала она себя.

«Кто думаетъ о смерти, тотъ уже наполовину умеръ».

Гейне.

День былъ чудесный. Мосье Изабе не хотѣлось возвращаться домой. «Развѣ пойти посмотрѣть послѣдняго Делароша?» — подумалъ онъ. Мосье Изабе аккуратно ходилъ на выставки. Война романтиковъ съ классиками чрезвычайно ему надоѣла, — онъ вдобавокъ никакъ не могъ понять, въ чемъ разница между классиками и романтиками. Мосье Изабе всегда дѣлилъ живописцевъ только по одному признаку: одни знали свое дѣло, а другіе его не знали. Прежде, въ началѣ этой затянувшейся войны, мосье Изабе честно хотѣлъ понять, въ чемъ дѣло; интересовался и тѣмъ, кто, собственно, онъ самъ: классикъ или романтикъ. Но онъ ясно, съ легкимъ огорченіемъ, видѣлъ, что для модныхъ молодыхъ художниковъ этого вопроса не было, — они его даже и не поняли бы: мосье Изабе представлялъ собою такую старину, о которой и говорить было совершенно неинтересно, все равно, какъ самыхъ страстныхъ политиковъ не могли занимать меровинги и каролинги. Мосье Изабе не

обижался. Молодые художники немного его забавляли, особенно романтики, — тѣ, которые рисовали немного хуже, чѣмъ классики, но зато знали немного больше. Локуста отравляла ядомъ раба на глазахъ смѣющагося Нерона. Свирѣпые турки съ хохотомъ рѣзали беззащитныхъ женщинъ и дѣтей. Дикая лошадь мчала привязаннаго къ ея хвосту Мазепу. Солдаты Кромвелля оскорбляли Карла I. Геліогабалъ отдавалъ своихъ гостей на съѣденіе тиграмъ. Жена Саула отгоняла дубиной коршуна отъ труповъ своихъ повѣшенныхъ сыновей. «Смѣшные люди, гдѣ они отыскиваютъ такіе сюжеты?» — думалъ мосье Изабе, который за всю свою жизнь ни разу не видѣлъ, какъ хозяинъ отдаетъ гостей на съѣденіе тиграмъ и какъ мать отгоняетъ коршуна отъ труповъ повѣшенныхъ сыновей. «Вѣрно, не такъ все это было. А если было и такъ, то незачѣмъ вспоминать обо всѣхъ этихъ гадостяхъ... А если ужъ вспоминать, то надо знать, о чемъ пишешь. Какую нибудь драму прочелъ, въ альбомъ заглянулъ, вотъ и готовъ историческій живописецъ»...

Мосье Изабе потому было особенно трудно понять разницу между классиками и романтиками, что онъ отлично ихъ всѣхъ зналъ, какъ зналъ ихъ дѣла, ихъ родителей, ихъ женъ, ихъ любовницъ: всѣ эти молодые люди казались ему довольно похожими одинъ на другого, всѣ одинаково выбивались изъ силъ для того, чтобы обратить на себя вниманіе публики. «Въ этомъ нѣтъ ничего дурного,

но откуда же такая лютая борьба партій? Почему мальчишка Поль, котораго вчера еще ставили въ уголъ за выкраденный пирогъ, романтикъ? Почему дурачокъ Жоржъ классикъ?» — думалъ весело мосье Изабе, прохаживаясь по заламъ выставки. Благодушное недоумѣніе, однако, его оставляло, когда онъ смотрѣлъ на картины вождей школъ. Отъ нѣкоторыхъ картинъ онъ отходилъ съ невольнымъ вздохомъ. Но мосье Изабе такъ любилъ искусство и былъ такъ добродушенъ, что тотчасъ побѣждалъ въ себѣ чувство зависти. «И для меня гдѣ-нибудь найдется уголокъ въ Луврѣ», — утѣшалъ себя онъ. Страстная ненависть Энгра къ Делакруа была ему непонятна. «Все равно висѣть имъ въ музеѣ рядомъ, и каждые десять лѣтъ будутъ вѣнчать и развѣнчивать то одного, то другого».

Мосье Изабе раздумалъ идти на выставку: «Опять кого нибудь задушатъ или еще на какую-нибудь Локусту наткнешься, не надо»... Ему въ этотъ солнечный день, послѣ вина и устрицъ, совершенно не хотѣлось смотрѣть на убійцъ, даже на очень хорошо написанныхъ. Мосье Изабе вспомнилъ, что вечеромъ будутъ гости, зашелъ въ кондитерскую и заказалъ торты, печенье, бутерброды, затѣмъ еще немного погулялъ въ надеждѣ встрѣтить знакомыхъ, но никого не встрѣтилъ. У Леспеса, какъ всегда, былъ съѣздъ элегантныхъ дамъ. Мосье Изабе присмотрѣлся, сравнилъ новыхъ красавицъ съ прежними. Прежнія, кажется, были лучше. Но и новыя были очень недурны.

Вблизи Института одна изъ лавокъ открылась подъ новой вывѣской. Здѣсь недавно была книжная торговля, потомъ хозяинъ прогорѣлъ и лавка недѣли двѣ оставалась заколоченной. Мосье Изабе съ неудовольствіемъ увидѣлъ, что теперь тутъ погребальная контора. На черной доскѣ уже висѣли серебряныя буквы «Pompes funèbres». Витрина была готова: на темносинемъ шелкѣ красиво выдѣлялся большой темнокрасный гробъ, надъ которымъ на жестяныхъ подставкахъ склонялись металлическіе вѣнки. По бокамъ въ черныхъ рамкахъ лежали объявленія съ черной каемочкой, съ точками на пробѣлахъ, —оставалось только вписать имя покойника. Объявленіе поясняло, что хозяинъ беретъ на себя рѣшительно все: «Déclaration de décès, achat de terrains, lettres de faire-part.» Мосье Изабе читалъ объявленія хмуро, точно эта заботливость хозяина казалась ему нѣсколько безтактной. Непріятно было, что почти по сосѣдству съ нимъ поселился человѣкъ, который живетъ на счетъ покойниковъ, которому, очевидно, желательна скорѣйшая смерть всѣхъ его сосѣдей. «Renseignements gratuits», — читалъ мосье Изабе. Любезность хозяина лавки ему рѣшительно не нравилась. «Ничего, не къ спѣху», — подумалъ онъ, осматривая гробъ. — «Да, непріятно разумѣется... А вотъ я все-таки не боюсь». Мосье Изабе, дѣйствительно, не боялся смерти и думалъ о ней рѣдко. «Ничего худого быть не можетъ... Правда, и хорошаго тоже не будетъ. Два-три дня, вѣрно, будутъ тяжелые...

Да, жаль, конечно, а вотъ не боюсь. Скоро умру и не боюсь... А, можетъ, еще и не скоро умру... А, можетъ, хозяинъ до того еще успѣетъ разориться, какъ разорился его предшественникъ»... Мосье Изабе съ нѣкоторымъ торжествомъ отвернулся отъ витрины и пошелъ дальше.

На углу, у кофейни, дымилась жаровня съ каштанами. Мосье Изабе очень любилъ каштаны, — ихъ сладкій бодрящій запахъ почему-то напоминалъ ему раннюю молодость. «Тамъ, за угломъ, на улицѣ Мясниковъ, у постоялаго двора, тоже была жаровня. Тотъ старичекъ-извозчикъ у нея грѣлся и разсказывалъ, какъ хорошо жилось при королѣ Людовикѣ XIV»... — мосье Изабе вспомнилъ что-то очень далекое, бывшее лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ. «Ну, да, и я засидѣлся, и хорошо сдѣлалъ, что засидѣлся», — подумалъ онъ, бодрясь, и, точно на зло владѣльцу погребальной конторы, приказалъ отсыпать себѣ на три су каштановъ.

«L'essentiel dans ce monde est de combattre l'ennui».

Изъ мемуаровъ Е. Делакруа.

Прежде, еще очень недавно, мосье Изабе жилъ открытымъ домомъ, постоянно принимая гостей. У него бывали, дружелюбно или, по крайней мѣрѣ, вѣжливо бесѣдовали, даже иногда играли въ карты, люди самыхъ разныхъ взглядовъ, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не встрѣчавшіеся. Тонъ Мосье Изабе при этихъ встрѣчахъ, иногда для обѣихъ сторонъ неожиданныхъ, приблизительно означалъ: «всѣ вы, въ сущности, прекрасные люди и ужъ, во всякомъ случаѣ, стоите одинъ другого; а потому, право, пора вамъ перестать называть другъ друга подлецами и идіотами, — вѣрьте старику, это и совершенно не нужно, и непристойно; а со всѣмъ тѣмъ дѣлайте, какъ знаете, но ужъ у меня въ домѣ, пожалуйста, ведите себя прилично». Тонъ этотъ, вмѣстѣ съ обликомъ и характеромъ хозяина, придавалъ дому мосье Изабе особое очарованіе, которому невольно поддавались самые воинственные и непримиримые люди, тотчасъ, впрочемъ, забывавшіе

объ этомъ тонѣ по выходѣ на улицу. Разъ въ годъ у мосье Изабе устраивались маскарады, считавшіеся самыми веселыми въ Парижѣ: на нихъ гостей занимали извѣстнѣйшіе артисты, пѣвцы, музыканты, —ихъ только у него и можно было услышать и увидѣть вблизи безплатно. Былъ на домѣ мосье Изабе и отпечатокъ нѣкоторой вольности: какъ художникъ, еще больше какъ послѣдній, чудомъ сохранившійся, осколокъ восемнадцатаго вѣка, мосье Изабе могъ себѣ позволить больше, чѣмъ другіе. Онъ былъ чрезвычайно расположенъ къ молодежи и охотно, въ отеческомъ духѣ, покровительствовалъ влюбленнымъ. Иные строгіе люди даже находили, что онъ покровительствуетъ влюбленнымъ чрезмѣрно. На старой квартирѣ мосье Изабе въ его мастерской былъ диванъ, извѣстный всему Парижу. Крышка этого дивана поднималась и подъ ней открывалась винтовая лѣстница, шедшая въ нижній этажъ дома: такимъ образомъ, влюбленные, назначавшіе другъ другу встрѣчу у мосье Изабе, подъ предлогомъ заказа портретовъ, могли въ случаѣ надобности скрыться совершенно незамѣтно, притомъ не просто чернымъ ходомъ, а поэтично, по скрытой въ диванѣ витой лѣстницѣ.

Теперь многое измѣнилось. Вторая жена мосье Изабе была слабаго здоровья. Самъ онъ больше не писалъ, а въ Институтѣ, гдѣ онъ, по знакомству и связямъ, получилъ прекрасную безплатную квартиру, никакихъ витыхъ лѣстницъ не было; диванъ заколотили гвоздями. Мосье Изабе принималъ те-

перь гораздо меньше. Обязанности хозяйки обычно исполняла молоденькая дочь мосье Изабе: она родилась, когда ему уже шелъ восьмой десятокъ, — это событіе въ свое время очень развеселило парижанъ. Помогала ей другая хорошенькая барышня, постоянно торчавшая въ домѣ. Ее называли ученицей мосье Изабе; она чрезвычайно походила на него лицомъ. Близкіе люди знали, что мосье Изабе чрезвычайно любитъ своихъ барышень и очень хочетъ поскорѣе и получше выдать ихъ замужъ, — собственно это и было на старости лѣтъ его единственной заботой. Для барышень онъ еще иногда устраивалъ маленькіе вечера. Женихъ могъ, конечно, найтись и самъ собою, но мосье Изабе думалъ, что легче женихи находятся въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ ищутъ. Онъ думалъ также, что любовь великое дѣло и безспорно самое главное въ жизни; но въ условіяхъ беззаботной веселой обезпеченной жизни любовь и возникаетъ легче, и протекаетъ много пріятнѣе. Онъ и хотѣлъ создать для своихъ дѣвочекъ такія условія.

Главныя надежды мосье Изабе возлагалъ на Фульда. Старый банкиръ Беръ Фульдъ, съ которымъ его когда-то связывала прочная дружба, умеръ. Но сынъ банкира, ставшій министромъ двора, любимецъ императора, одинъ изъ богатѣйшихъ людей Франціи, по мнѣнію мосье Изабе, легко могъ найти прекраснаго жениха для Генріетты. Фульдъ пользовался теперь въ Тюльери особой милостью

потому, что былъ однимъ изъ вождей такъ называемой партіи брака по любви: большинство министровъ стояло за династическій бракъ императора съ какой либо иностранной принцессой. Партія Фульда одержала побѣду, и молодая императрица особенно къ нему благоволила. Мосье Изабе надѣялся на Фульда, съ которымъ поддерживалъ дружескія отношенія: этотъ умный, веселый, чуть циничный, но незлобиво циничный, человѣкъ ему нравился. Фульдъ былъ очень тщеславенъ, однако, его тщеславіе было такъ явно и наивно, что не вызывало раздраженія въ мосье Изабе, — онъ съ годами становился все снисходительнѣе къ людямъ.

«Parmi les membres du Sénat et du Conseil d'Etat convoqués à l'Elysée, le 26 janvier, pour recevoir communication de leur nomination, accepter et remercier, se trouvait un homme jeune, actif, spirituel, dévoué, ancien député de l'Alsace à l'Assemblée Nationale et qui, ayant servi parmi les Chevalier-Gardes de l'empereur de Russie, était rentré en France, à la suite d'un duel qui avait diversement passionné la société de Saint-Pétersbourg».

Изъ мемуаровъ Гранье де Касаньяка.

Мосье Изабе предчувствовалъ, что вечеръ будетъ вялый и скучноватый. Гостей было приглашено человѣкъ десять, самая неудобная цифра: слишкомъ много для общей дружной бесѣды подъ управленіемъ хозяевъ, слишкомъ мало для большого пріема, при которомъ гости предоставляются самимъ себѣ. Чтобы облегчить свою задачу, мосье Изабе придумалъ чтеніе: молодая романистка согласилась прочесть свою послѣднюю новеллу. Мосье Изабе надѣялся, что романистка имѣетъ совѣсть и больше получаса читать не будетъ. Но увѣренности у него не было, хотя онъ наканунѣ многозначительно сказалъ мужу романистки, очень влюб-

ленному въ нее архитектору: «Je te dis que ce sera un régal! Vingt minutes de lecture, avec le talent de la petite, ce sera un vrai régal!»

Самый важный гость былъ Фульдъ. Онъ былъ, правда, свой человѣкъ въ домѣ, однако, очень почетный свой человѣкъ: мосье Изабе зналъ, что и съ сыномъ стараго пріятеля нельзя обращаться черезчуръ фамильярно, если этотъ сынъ пріятеля сталъ министромъ двора. О Фульдѣ говорили въ обществѣ, что ему всегда рѣшительно все удавалось. Это чувствовалось и въ выраженіи его сіяющаго лица. Онъ не былъ ни нахальнымъ, ни надменнымъ человѣкомъ, но, совершенно независимо отъ его воли, видъ его неизмѣнно говорилъ: «Да, дѣйствительно, все всегда мнѣ удавалось, и погодите, то ли еще будетъ дальше!.. А, впрочемъ, у васъ тоже могутъ быть кое-какіе успѣхи, и я даже не прочь вамъ помочь, если это не будетъ очень утомительно». — У Фульда было много враговъ.

Другіе гости были въ большинствѣ люди молодые и незначительные: художники, друзья сына Изабе, подруги Генріетты, музыкантъ, дававшій ей уроки. Среднее мѣсто занимала красавица Пайва, о которой съ каждымъ днемъ все больше говорили въ Парижѣ. Она была и маркиза, и богачка, но почетной гостьей ее было трудно признать, хотя бы потому, что въ очень многихъ домахъ маркизу не пустили бы на порогъ. Недоброжелательницы называли ее то авантюристкой, то еще худшимъ словомъ. Біографія маркизы была, въ самомъ дѣ-

лѣ, бурная. Пайва, дочь портного Лахмана, родилась и выросла въ Москвѣ, скиталась по всѣмъ столицамъ Европы, была три раза замужемъ, бросила трехъ мужей, разорила нѣсколькихъ любовниковъ, русскаго князя, англійскаго лорда, двухъ французскихъ герцоговъ, а теперь жила въ свое удовольствіе, повидимому, менѣе всего заботясь о томъ, что о ней говорятъ люди вообще, а свѣтскія дамы въ частности.

Такъ и на этотъ разъ, появившись у мосье Изабе, Пайва не обратила ни малѣйшаго вниманія на грустный и достойный видъ, съ которымъ встрѣтила ее хозяйка. Маркиза Пайва съ дамами разговаривала рѣдко, а изъ мужчинъ признавала только очень извѣстныхъ людей. У мосье Изабе извѣстныхъ людей въ этотъ вечеръ было немного, и у маркизы былъ явно скучающій видъ. Она только Фульда и выдѣлила изъ числа гостей; но министръ двора былъ очень немолодъ. Фульдъ, страстно любившій женщинъ, тотчасъ подсѣлъ къ красавицѣ и не отходилъ отъ нея весь вечеръ, занимая ее разсказами объ императорѣ.

Барышни, подруги мадмуазель Генріетты, съ жаднымъ любопытствомъ слѣдили за дамой, о которой говорили столько волнующаго и дурного. Туалетъ на ней былъ умопомрачительный: по богатству нарядовъ, по умѣнію одѣваться, по драгоцѣнностямъ, Пайва соперничала съ императрицей; нѣкоторые даже находили, что она императрицу затмеваетъ.

Мосье Изабе встрѣтилъ маркизу чрезвычайно привѣтливо и любезно. Онъ всегда ее защищалъ, говоря, что никому нѣтъ дѣла до біографіи такой красавицы и до ея образа жизни. «А она еще и умница», — добавлялъ убѣжденно мосье Изабе.

— Я боялся, что вы уѣхали куда-нибудь на дачу, — говорилъ онъ, съ трудомъ придвигая свое кресло къ креслу маркизы. Фульдъ смотрѣлъ съ легкимъ неудовольствіемъ на старика.

— **A la campagne, moi? Quelle idée! Je suis comme ce cher Auber qui dit: «La campagne, c'est bon pour les petits oiseaux»**, — отвѣтила Пайва.

Въ это время въ гостиную вошелъ послѣдній гость, наиболѣе почетный, послѣ Фульда. Онъ былъ сенаторъ, однако, молодой, — какъ сообщали газеты, самый молодой изъ всѣхъ сенаторовъ. Дамы тотчасъ сосредоточили на немъ вниманіе. Пайва навела на него лорнетъ и съ минуту не отрывала. Это былъ очень красивый, атлетическаго сложенія человѣкъ, превосходно, съ иголочки одѣтый, изысканно любезный и обаятельный. Онъ былъ французъ, но говорилъ съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ. Носилъ онъ иностранную фамилію, — его усыновилъ какой-то голландскій баронъ. Фульдъ шепнулъ Пайвѣ, что императоръ очень благоволитъ къ новому гостю: послѣ переворота онъ былъ назначенъ членомъ совѣщательной комиссіи, а затѣмъ отправленъ съ важной миссіей къ иностраннымъ монархамъ.

Съ приходомъ сенатора въ гостиной сразу ста-

ло веселѣе. Фульдъ отошелъ на второй планъ. Молодой сенаторъ сразу оживилъ разговоръ, до того довольно вялый, весело занималъ дамъ и всѣмъ говорилъ любезности, правда, чуть-чуть однообразныя по тону. У Пайвы видъ сталъ менѣе скучающій, писательница отмѣтила въ памяти нѣкоторыя черты сенатора для будущаго романа, барышни очень оживились, и всѣ въ гостиной сразу почувствовали, что этотъ человѣкъ по природѣ предназначенъ быть душой общества.

Рядомъ съ гостиной, въ столовой былъ устроенъ буфетъ. Мосье Изабе, чтобы не обременять жену, все поручилъ кондитерской. На старости лѣтъ онъ сталъ бережливѣе и буфетъ заказалъ всего на десять человѣкъ, хоть съ хозяевами было больше, и заказалъ по второму разряду, такъ что бутербродовъ съ икрой не было. Молодые художники съ интересомъ поглядывали въ сторону столовой, соображая, что будетъ раньше: позовутъ ли къ буфету или начнутъ чтеніе? Горничная въ швейцарскомъ костюмѣ, помогавшая лакею изъ кондитерской, вошла въ гостиную съ подносомъ, на которомъ стояли стаканъ и графинъ съ оршадомъ. Молодые художники поняли зловѣщій признакъ: раньше будетъ чтеніе. Романистка немного поблѣднѣла и неожиданно, къ изумленію гостей, закурила сигару. Мосье Изабе ласково улыбнулся; онъ зналъ, что это дѣлается въ подражаніе Жоржъ Зандъ, — ему было смѣшно: романистка, очень славная женщина,

жившая съ мужемъ въ любви и согласіи, ничѣмъ, кромѣ сигары, Жоржъ Зандъ не напоминала. «Она, бѣдненькая, собственно, защищается въ чужомъ обществѣ этой сигарой, какъ та своей презрительной улыбкой», — подумалъ мосье Изабе. При видѣ сигары, мужъ романистки, грузный, добродушный человѣкъ въ очкахъ, робко оглянулся на хозяевъ, но тотчасъ успокоился, увидѣвъ ласковую улыбку мосье Изабе, и засуетился, передвигая столикъ и свѣчи. «Она любитъ, чтобы свѣтъ не падалъ на лицо», — взволнованнымъ шопотомъ объяснилъ онъ мосье Изабе, который одобрительно кивалъ головой. Пайва смотрѣла на писательницу, презрительно улыбаясь. Фульдъ вздохнулъ и устроился въ креслѣ поудобнѣе. Сенаторъ шопотомъ заканчивалъ разсказъ мадмуазель Генріеттѣ:

— Императоръ Францъ-Іосифъ? Очень любезный юноша. Я потомъ вамъ разскажу объ австрійскомъ дворѣ...

Мужъ молодой писательницы принесъ изъ передней изящный кожаный портфель и, какъ святыню, вынулъ изъ него рукопись въ зеленой папкѣ, къ толщинѣ которой тотчасъ примѣрилась публика. Папка была тоненькая. Мосье Изабе вздохнулъ свободнѣе. Наступило молчаніе. Писательница, не открывая папки, сказала отъ себя нѣсколько словъ: сюжетъ новеллы заимствованъ изъ хроники итальянскаго средневѣковья. Дѣйствіе происходитъ въ Равеннѣ въ эпоху видама Поленты.

— Разумѣется, дѣло не въ фактахъ, важно бы-

ло передать только духъ, — сказала писательница. — Духъ Равенны и духъ средневѣковья...

Писательница вдругъ уронила портсигаръ. Ея мужъ рванулся изъ своего угла, но не поспѣлъ: сенаторъ, весело улыбаясь, уже подавалъ портсигаръ писательницѣ. Она поблагодарила его улыбкой и, открывъ книгу, принялась читать.

Равеннскій злодѣй изъ эпохи видама Поленты совершалъ одно преступленіе за другимъ. Барышни слушали съ ужасомъ: въ темную комнату войти послѣ этого чтенія было бы нелегко. Фульдъ дремалъ, поглядывая сбоку на зѣвавшую маркизу. Мосье Изабе кивалъ головой, изо всѣхъ силъ борясь съ дремотой: онъ теперь легко засыпалъ. Архитекторъ въ очкахъ съ волненіемъ слѣдилъ за слушателями и изрѣдка что-то безпокойно шепталъ на ухо сосѣдямъ, но все не доканчивалъ, чтобы не отрывать ихъ отъ новеллы.

Чтеніе продолжалось тридцать пять минутъ, — писательница все-таки имѣла совѣсть. Окончивъ, она захлопнула папку и съ милой улыбкой наклонила голову. Раздались рукоплесканья. Мосье Изабе, перегнувшись въ креслѣ, поцѣловалъ писательницѣ ручку и, съ восторженнымъ выраженіемъ на своемъ добромъ старческомъ лицѣ, сказалъ ей что-то очень пріятное. Другіе гости тоже говорили комплименты. Фульдъ требовалъ, чтобъ новелла была возможно скорѣе напечатана, и посовѣтовалъ обратиться въ «Revue des Deux Mondes», но пожалѣлъ объ этомъ совѣтѣ, такъ какъ архитекторъ

тотчасъ попросилъ дать рекомендательное письмо къ редактору. Фульдъ обѣщалъ горячо отрекомендовать новеллу устно.

— Ей важно было передать духъ средневѣковья, — пояснялъ архитекторъ. — Вы понимаете, духъ...

— И онъ переданъ чудесно, — любезно подтвердилъ сенаторъ.

Затѣмъ всѣ перешли въ столовую. Вечеръ былъ нескучный. Общей бесѣды не было, но по группамъ разговоръ не умолкалъ.

— Я все-таки хотѣлъ бы знать, что именно вы желали сказать своей превосходной новеллой? — озабоченно спросилъ мосье Изабе, подавая романисткѣ тарелку съ кускомъ торта. Мосье Изабе чувствовалъ, что романистка ждетъ и серьезнаго обсужденія новеллы.

— Ей, собственно, важно было передать духъ... — началъ архитекторъ, но романистка тотчасъ его перебила.

— Меня интересовалъ образъ совершеннаго злодѣя, человѣка безъ всякихъ нравственныхъ устоевъ, — сказала она и покраснѣла. — Для этого я и удалилась въ глубь вѣковъ.

Мосье Изабе изобразилъ на лицѣ полное удовлетвореніе.

— Теперь я понимаю.

— Это чрезвычайно интересно, — сказалъ Фульдъ, —но что вы считаете основнымъ признакомъ злодѣянія?

— Основнымъ признакомъ?.. Разумѣется, вредъ, приносимый обществу.

— Это вѣрно, — подтвердилъ сенаторъ. — Преступно то, что вредитъ обществу.

Фульдъ немного поспорилъ, преимущественно, обращаясь къ Пайвѣ. Онъ доказывалъ, что настоящіе злодѣи дѣло прошлаго, больше ихъ никогда не будетъ. Дамы съ сожалѣніемъ соглашались. Только Пайва упорно молчала и улыбалась все презрительнѣе. Романистка отвѣчала очень бойко. Архитекторъ въ очкахъ сіялъ отъ гордости. Споръ у буфета продолжался минутъ пять. По мнѣнію мосье Изабе, этого было совершенно достаточно, тѣмъ болѣе, что на тарелкахъ уже почти не оставалось бутербродовъ и пирожныхъ. Гости были переведены назадъ въ гостиную и тамъ разбились на группы. Прежняго стѣсненія не было. Фульдъ опять оказался рядомъ съ Пайвой и уже переходилъ въ словесное наступленіе: онъ не любилъ терять даромъ время, а это дѣло безнадежнымъ не считалъ. Хозяйка говорила съ мужемъ писательницы. Барышни занимали сенатора. Мадмуазель Генріетта показала ему великолѣпный дагерровскій аппаратъ, полученный ею отъ отца въ подарокъ ко дню рожденія. Аппаратомъ неожиданно заинтересовалась и Пайва, — сенаторъ, какъ перышко, поднялъ и перенесъ ящикъ, хоть аппаратъ былъ чрезвычайно тяжелый.

Мадмуазель Генріетта, робѣя, объясняла маркизѣ устройство дагерровскаго аппарата, вынула

изъ ящика прямоугольную камеру-обскуру съ поднимающейся крышкой, іодную коробку съ выдвижной пластинкой, хорошенькій домикъ для ртути, съ термометромъ и со спиртовой лампочкой внизу. Набравшись храбрости, она предложила маркизѣ какъ-нибудь, при случаѣ, ее снять. Но Пайва рѣшительно отказалась.

— Это слишкомъ утомительно, — сказала она, —вѣдь, кажется, надо сидѣть неподвижно минутъ двадцать?

— О нѣтъ! Лишь бы платье было не бѣлое, тогда, въ солнечный день, на террасѣ, десяти минутъ совершенно достаточно.

— Все равно... Это тоже превышаетъ мои силы.

По просьбѣ писательницы, мосье Изабе показалъ свою коллекцію миніатюръ. Вокругъ него столпились гости, любуясь чудесными портретами. Мосье Изабе со вздохомъ называлъ имена, — всѣ эти люди давно умерли.

— Это бѣдный римскій король... Это герцогиня Ангулемская... Это княгиня Волконская, русская... Я ее писалъ въ Вѣнѣ, на конгрессѣ... Ахъ, какая была красавица... Право, лучше васъ! — сказалъ онъ, обращаясь къ маркизѣ. Мадмуазель Генріетта даже вздрогнула, съ удивленіемъ взглянувъ на отца; но мосье Изабе улыбался спокойно-добродушно, зная, что Пайва не обидится. Пайва только гордо улыбнулась.

— Это, дорогой другъ, вамъ такъ кажется по-

тому, что вы тогда были лѣтъ на сорокъ моложе, — сказалъ Фульдъ.

— Очень можетъ быть... Это герцогиня Дино... А вотъ опять русская, княгиня Багратіонъ. Она еще жива... Очень красивы русскія женщины, — сказалъ мосье Изабе и запнулся. Онъ вдругъ вспомнилъ, что у сенатора была много лѣтъ тому назадъ непріятная исторія въ Россіи, гдѣ онъ кого-то убилъ на дуэли. Этотъ поединокъ создавалъ барону огромный престижъ у дамъ. Мосье Изабе подумалъ, что, быть можетъ, лучше было бы не говорить о Россіи. «Впрочемъ, нѣтъ, онъ самъ былъ женатъ на русской и чуть ли не на родственницѣ убитаго»...

Разговоръ о Россіи нисколько не былъ непріятенъ сенатору. Онъ подтвердилъ, что въ Петербургѣ видалъ много писаныхъ красавицъ. Узнавъ, что сенаторъ долго жилъ въ Петербургѣ, Пайва заговорила съ нимъ по русски. Но по-русски баронъ зналъ очень плохо.

— «Lioubliou...» «Otchen krassiva...» «Skolko stoït...» — выпалилъ онъ. — J'ai tout oublié, madame, et je le regrette. J'adore tout ce qui est russe.

Фульдъ, любезно улыбаясь вліятельному сенатору, разсказалъ о важной миссіи, которую тотъ недавно выполнилъ съ большимъ успѣхомъ. Въ этой миссіи барону была предоставлена полная свобода дѣйствій. Отпуская его въ Вѣну, императоръ Наполеонъ сказалъ: «Vous avez assez d'esprit et de monde pour n'avoir pas besoin d'instructions».

Сенаторъ не остался въ долгу и, ввернувъ комплиментъ по адресу министра двора, разсказалъ о своей бесѣдѣ въ Берлинѣ съ царемъ. Заговорили объ императорѣ Николаѣ. Дамы спрашивали, такъ ли онъ дѣйствительно красивъ, какъ на портретахъ.

— Теперь онъ старъ, но лѣтъ двадцать тому назадъ, когда я его увидѣлъ впервые, величественнѣе не было человѣка на свѣтѣ, — подтвердилъ сенаторъ. Разговоръ тотчасъ перескочилъ на политику. Фульдъ сказалъ, что, къ несчастью, война съ Россіей была неизбѣжна.

Мосье Изабе, вдругъ разсердившись, сталъ доказывать, что война нисколько неизбѣжной не была.

— Зачѣмъ намъ и русскимъ ни съ того, ни съ сего рѣзать другъ друга? — сердито спрашивалъ онъ.

И министръ и сенаторъ улыбались.

— Поѣздка князя Меньшикова въ Константинополь и вся политика императора Николая сдѣлали войну для насъ вопросомъ чести, — сказалъ Фульдъ.

— Это я слышалъ много разъ, на моей памяти были десятки войнъ и всѣ онѣ были совершенно ни къ чему... Говорю это вамъ, какъ когда-то говорилъ генералу Бонапарту, — сказалъ съ раздраженіемъ мосье Изабе, и тотчасъ эти слова «говорилъ генералу Бонапарту» произвели магическое дѣйствіе на слушателей. Всѣ вопросительно уставились на старика, ожидая продолженія.

— Неужели говорили генералу Бонапарту? — съ любопытствомъ спросилъ Фульдъ.

— Ну, да, говорилъ... Помню, однажды въ Мальмезонѣ я у нихъ обѣдалъ. Первый консулъ вышелъ къ столу мрачнѣе тучи: какъ разъ передъ обѣдомъ онъ получилъ сообщеніе объ убійствѣ императора Павла... Всѣ шопотомъ говорили, что теперь война неизбѣжна...

Онъ замолчалъ.

— А что же первый консулъ?

— Le premier consul! Il se fichait bien de ce que je lui disais, — отвѣтилъ мосье Изабе. Всѣ засмѣялись. Маркиза Пайва попросила хозяина разсказать о королевѣ Маріи-Антуанеттѣ.

— Говорятъ, вы ее знали, но этому, право, трудно повѣрить!

— Конечно, зналъ, — подтвердилъ мосье Изабе. — Я былъ юношей, когда впервые ее увидѣлъ. Мнѣ поручено было написать портретъ маленькихъ племянниковъ королевы, герцоговъ Ангулемскаго и Беррійскаго... Сижу я въ дѣтской, пишу... Вдругъ суматоха, бѣгутъ люди: «Королева идетъ!» Я обмеръ... Вошла... — Мосье Изабе задумался. — Тоже красавица была...

— Ну, и что же?

— Сѣла подлѣ меня, смотритъ... Съ тѣхъ поръ я привыкъ къ королямъ, много ихъ перевидалъ на своемъ вѣку. А тогда было въ первый разъ, да и не такое было время: мы ихъ считали богами, а не людьми. Пишу и дрожу... Она улыбнулась, встала,

поцѣловала племянниковъ, а мнѣ говоритъ: «До свиданья, дитя мое, вы очень хорошо работаете»... Видно, я ей понравился: черезъ три дня меня пригласили въ Тріанонъ писать королеву... А съ тѣхъ поръ и вошелъ въ ихъ общество. На балахъ бывалъ, дурачился...

— А потомъ? — спросилъ архитекторъ.

— Что, потомъ? — сердито переспросилъ мосье Изабе. — Потомъ была революція, вы, вѣрно, слышали? Казнили королеву... — сказалъ онъ, и, какъ утромъ императрицѣ Евгеніи, всѣмъ вдругъ стало страшно.

— А вы знаете, господа, — сказалъ сенаторъ, — изъ Мексики только что получено печальное извѣстіе: скоропостижно, отъ холеры, умерла графиня Росси...

— Графиня Росси?.. — блѣднѣя, повторилъ Фульдъ.

— Кто это, графиня Росси? — спросилъ архитекторъ.

— Развѣ вы не знаете? Генріетта Зонтагъ...

— Не можетъ быть!..

Фульдъ былъ пораженъ. Онъ въ молодости увлекался Зонтагъ — и чрезвычайно боялся смерти.

— Отъ холеры!..

Старшіе изъ гостей вспоминали знаменитую пѣвицу, ея красоту, ея тріумфы, соперничество съ Малибранъ, ихъ нашумѣвшую ссору, ихъ примиреніе.

— Вы помните, англійскій посолъ въ Берлинѣ тщетно домогался ея руки... Какъ его звали?.. Забылъ...

— Нѣсколько человѣкъ покончило изъ за нея самоубійствомъ...

— Это прусскій король устроилъ ея бракъ съ молодымъ Росси...

— Да, и тогда она должна была, бѣдняжка, бросить сцену, по требованію семьи мужа... Въ расцвѣтѣ силъ и таланта...

— Хорошо, что Росси разорился и ей не такъ давно пришлось вернуться на сцену.

— Да, послѣ двадцати лѣтъ!

— Но публика ее встрѣчала такъ же восторженно, какъ прежде...

— Ну, все-таки, не какъ прежде...

— Бѣдная! Поѣхала на гастроли въ Америку, чтобы умереть тамъ отъ холеры.

Фульдъ съ ужасомъ представлялъ себѣ смерть Генріетты Зонтагъ: эта богиня, въ холерныхъ корчахъ, на постояломъ дворѣ, въ Мексикѣ!..

Гости еще поговорили о графинѣ Росси, о другихъ, новыхъ пѣвицахъ. Затѣмъ госпожа Изабе усадила дочь за флигель-фортепіано — мужъ забылъ главную цѣль вечера: надо было показать таланты Генріетты. Въ четыре руки, съ учителемъ музыки, она сыграла что-то изъ Бетховена. Ея игру очень хвалили. Даже маркиза Пайва, сама прекрасная музыкантша, сказала ей комплиментъ. Мосье Изабе, вошедшій во вкусъ воспоминаній, сооб-

щилъ, что встрѣчалъ Бетховена въ Вѣнѣ, на конгрессѣ.

— Очень странный былъ человѣкъ... Его у насъ тогда совершенно не знали. Но одинъ мой пріятель, князь Разумовскій, уже въ ту пору предвидѣлъ его нынѣшнюю славу.

Учитель музыки сообщилъ, что въ послѣдніе годы жизни Бетховенъ готовилъ новое произведеніе, по сравненію съ которымъ померкли бы всѣ другія. Оно должно было называться десятой симфоніей. Въ нее Бетховенъ хотѣлъ вложить всю свою душу. Однако, ему такъ и не удалось написать десятую симфонію, только мечталъ — и, мечтая, умеръ.

— Неужели? — спросилъ мосье Изабе, на этотъ разъ съ искреннимъ интересомъ. Онъ вздохнулъ и задумался. — У всякаго человѣка есть своя десятая симфонія, — сказалъ онъ.

— Это правда, — подтвердилъ, глядя на маркизу, Фульдъ, уже успѣвшій успокоиться послѣ непріятнаго извѣстія. Ему хотѣлось высказать глубокую мысль. — Въ сущности, вѣдь мы всѣ неудачники.

Гости засмѣялись, — такъ неожиданны были эти слова въ устахъ человѣка, которому рѣшительно все удавалось въ жизни. Удивленіе гостей льстило Фульду, но онъ отстаивалъ свою мысль. Разговоръ принялъ характеръ философскій. Романистка привела цитату изъ Гете. Фульдъ и сенаторъ могли поддержать разговоръ и о Гете.

Гости разошлись въ одиннадцатомъ часу, зная, что старику-хозяину не слѣдуетъ засиживаться поздно. Мосье Изабе со свѣчой въ рукѣ, поднялся по лѣстницѣ. Спальныя въ его квартирѣ были расположены во второмъ этажѣ. Умывшись, онъ въ темно-красномъ шелковомъ халатѣ зашелъ къ женѣ и посидѣлъ минутъ пять у нея, обмѣниваясь съ ней впечатлѣніями. Жена говорила, что Пайва непріятная, наглая женщина, что ее пригласили совершенно напрасно.

— Вмѣсто того, чтобы быть благодарной порядочнымъ женщинамъ, которыя ее принимаютъ, она протягиваетъ два пальца!..

Мосье Изабе ласково успокаивалъ жену. Онъ зналъ, что спорить по существу безполезно: вѣдь всѣ сумасшедшіе. Теперь эта мысль у него окончательно опредѣлилась и упрочилась. Скрывая зѣвоту, онъ доказывалъ, что мадамъ Изабе ошиблась, что Пайва, въ сущности, была очень любезна, что внѣшняя рѣзкость просто ея манера, объясняющаяся всей ея жизнью и, быть можетъ, застѣнчивостью.

— Это она застѣнчивая? Только ты можешь такое сказать!

— Да и Богъ съ ней! Вечеръ сошелъ прекрасно...

Съ этимъ госпожа Изабе согласилась. Все было очень хорошо.

— Фульдъ былъ очень любезенъ. Но вотъ кто,

дѣйствительно, очаровательный человѣкъ, это баронъ. Такой милый и такой интересный!..

Мосье Изабе неохотно согласился. Ему не очень нравился сенаторъ.

— Да, пріятный человѣкъ...

— Мало сказать, пріятный. Онъ просто очарователенъ!.. Какъ жаль, что онъ вдовецъ и настолько старше Генріетты. Почему ты улыбаешься? — съ досадой спрашивала госпожа Изабе. — Я знаю, что Генріетта тебя мало интересуетъ. Ты все думаешь о твоей первой семьѣ... Я отлично знаю, мы обѣ съ Генріеттой ровно ничего не значимъ, лишь бы Евгенію было хорошо!

Мосье Изабе такъ же ласково это отрицалъ: онъ больше всего любитъ ее и Генріетту. Фульдъ, навѣрное, найдетъ для Генріетты жениха. Она еще очень молода.

Успокоивъ жену, онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и ушелъ въ свою спальную.

... Свой длинный развиваетъ свитокъ...

Пушкинъ.

Въ спальной мосье Изабе по вечерамъ приводилъ въ порядокъ старыя бумаги, которыхъ у него накопилось чрезвычайно много. Для этой работы, занимавшей его въ послѣднее время, онъ заказалъ въ большомъ количествѣ папки, портфели, алфавитные указатели. Хоть писалъ мосье Изабе не такъ много, у него на столѣ всегда были въ изобиліи карандаши всѣхъ цвѣтовъ и величинъ, превосходно очиненныя перья, сургучъ, баночки съ пескомъ. Неразобранныя бумаги лежали въ ящикахъ стола. Мосье Изабе поставилъ свѣчу на столъ, зажегъ о нее другую, сѣлъ, надѣлъ очки и принялся разбирать бумаги. Онъ бралъ наудачу письмо изъ кучи и старался по почерку вспомнить, кому оно принадлежало; въ большинствѣ случаевъ это ему удавалось, зрительная память у него была необыкновенная, но съ почеркомъ чаще связывалось лицо, чѣмъ имя. Нѣкоторыя письма онъ перечитывалъ, другія, не просматривая, откладывалъ въ соотвѣтственную папку, совсѣмъ ненужныя бросалъ

въ огонь, — около стола въ каминѣ еще горѣли уголья. Мосье Изабе прекрасно понималъ, что послѣ его смерти всѣ эти бумаги никого на свѣтѣ интересовать не будутъ, однако работа доставляла ему удовлетвореніе.

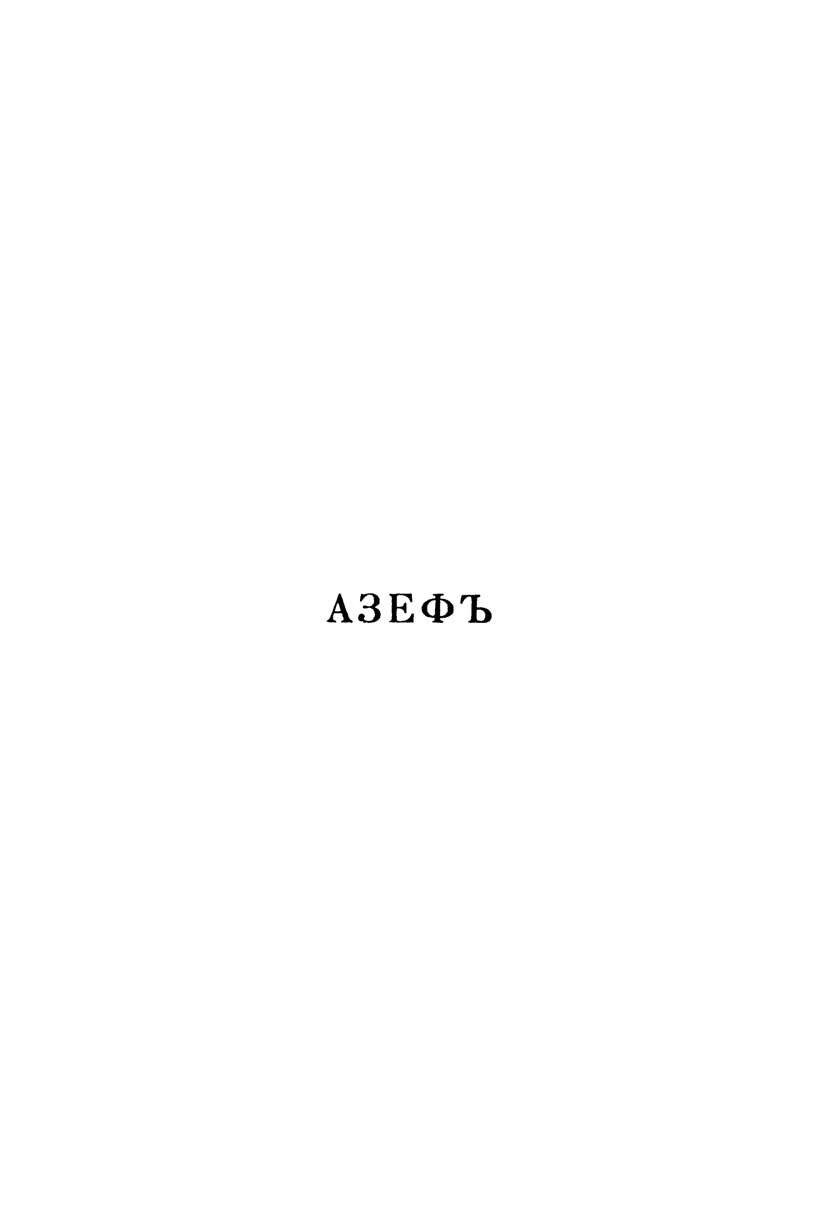
Въ грудѣ старыхъ писемъ мосье Изабе попалась карточка въ траурной каймѣ. Онъ нехотя въ нее заглянулъ, карточка была составлена по нѣмецки. «Ахъ, да, еще сегодня о немъ говорили... Почему сегодня о немъ говорили?» Мосье Изабе не могъ вспомнить, и это было ему непріятно. «Да, ничего не подѣлаешь, уже немного темнѣетъ въ головѣ... А по нѣмецки, кажется, еще кое-какъ помню... «Constantina - Domenica, Fürstin Rasoumoffsky, geborene Graefin von Thürheim, Sternkreutz-Ordens-Dame, giebt hiemit geziemende Nachricht... — что такое « geziemende Nachricht ?... » — von dem für sie hoechst betrübenden Todesfalle ihres innigst verehrten und geliebten Gemahls, des durchlauchtig hochgeborenen Herrn Andreas Fürsten Rasoumoffsky...» Да, прекрасный былъ человѣкъ...
— « Ritter der kaiserlichen... » — Это объ его орденахъ... Да, вотъ тебѣ и ордена!» — «... Nach Schwertberg in Oberoesterreich, zur Beisetzung in der graeflich Thürheimischen Familiengruft...» — читалъ медленно мосье Изабе, больше угадывая, чѣмъ понимая значеніе нѣмецкихъ словъ.
— «Вѣдь онъ передъ смертью перешелъ въ католическую вѣру, жена заставила и та, ея сестра, канонисса», — неодобрительно поду-

малъ мосье Изабе: онъ былъ католикомъ, но находилъ, что каждый человѣкъ долженъ умереть въ той вѣрѣ, въ которой родился. «Впрочемъ, онъ всегда былъ западный человѣкъ... А все-таки вѣрно это ему было, бѣдному, тяжело... Зачѣмъ только люди не даютъ покоя другъ другу?..» — Мосье Изабе соображалъ, въ какую бы папку положить карточку, и не придумалъ: для траурныхъ объявленій не было заготовлено папки. Онъ вздохнулъ и бросилъ карточку въ каминъ. Уголья занялись ею не сразу. Черезъ минуту огонь ухватился за уголокъ, карточка вспыхнула, сгорѣла и неровной черной тоненькой коркой опустилась на уголья.

Мосье Изабе работалъ до полуночи, потомъ взглянулъ на часы, потянулся и сдѣлалъ большое усиліе: опершись руками на доску стола, онъ всталъ, перевелъ духъ, взялъ со стола подсвѣчники и отошелъ къ стоявшему у стѣны высокому креслу. Онъ поставилъ на столикъ у кресла дрожавшія въ его рукахъ свѣчи и устроился на ночь поудобнѣе; протеръ очки, взялъ со столика толстую книгу. Мосье Изабе спалъ очень мало, больше урывками, — иногда всего пять-десять минутъ. Читалъ онъ преимущественно старые журналы, съ печатью покрупнѣе. У него были переплетенные комплекты за очень много лѣтъ. Здѣсь были разсказы о томъ, что дѣлалось на свѣтѣ въ послѣдніе сто лѣтъ, — мосье Изабе почти все это помнилъ, — біографіи

знаменитыхъ людей вѣка, — мосье Изабе почти всѣхъ ихъ зналъ.

Онъ читалъ, дополняя разсказы тѣмъ, что ему вспоминалось, иногда дополнялъ и воображеньемъ, — фантазія у него была по прежнему богатая. Когда онъ засыпалъ, ему снились тѣ люди, о которыхъ говорили вечеромъ гости. Просыпаясь, онъ вздрагивалъ, оглядываясь на свѣчу, поправлялъ очки, съ трудомъ поднималъ свалившуюся на коверъ книгу, и снова читалъ — или думалъ. Думалъ о томъ, какъ хороша жизнь, какъ люди ея не цѣнятъ, какъ не видятъ всей ея красоты и какъ всячески отравляютъ ее себѣ и, въ особенности, другимъ.

АЗЕФЪ

I

Въ мартѣ 1893 г. Департаментъ Полиціи получилъ по почтѣ изъ Германіи коротенькое заказное письмо*). Неизвѣстный человѣкъ, подписавшійся «готовый къ услугамъ покорный Вашъ слуга», предлагалъ департаменту давать свѣдѣнія о кружкѣ учащейся молодежи въ Карлсруэ и о намѣчавшейся въ этомъ кружкѣ посылкѣ въ Россію нелегальной литературы. Адресъ для отвѣта былъ указанъ за литерами В. Ш., poste restante.

Письмо не вызвало большого интереса въ департаментѣ полиціи. Кружокъ учащейся молодежи въ Карлсруэ, повидимому, не слишкомъ его безпокоилъ. Отвѣтъ, довольно краткій, былъ данъ только черезъ пять недѣль. Департаментъ небрежно

*) Письмо это было найдено въ 1917 г. въ архивѣ департамента полиціи Б. И. Николаевскимъ, однимъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи русской революціи, и имъ впервые напечатано съ превосходнымъ выясненіемъ подробностей. Письма Азефа, еще не появлявшіяся въ печати, взяты мною въ архивѣ, любезно предоставленномъ въ мое распоряженіе В. К. Агафоновымъ, который въ свое время разбиралъ дѣла департамента и охранныхъ отдѣленій.

сообщалъ, что о существованіи и дѣятельности кружка въ Карлсруэ ему извѣстно. Впрочемъ, не отказывался отъ услугъ корреспондента, но предлагалъ ему предварительно назвать свое имя и сообщить, можетъ ли онъ давать точныя свѣдѣнія о транспортахъ литературы, «съ указаніемъ, когда, куда, какимъ путемъ, по какому адресу и черезъ кого именно они пересылаются». Департаментъ обѣщалъ «солидное вознагражденіе» и гарантировалъ полную тайну.

Письма такого рода, вѣроятно, довольно обычны въ практикѣ всѣхъ полицій міра. По формѣ они немного напоминаютъ брачныя объявленія, которыя ежедневно можно найти въ лучшихъ нѣмецкихъ газетахъ: одна сторона заявляетъ о своемъ интересѣ къ другой, но проситъ сначала сообщить точныя свѣдѣнія о приданомъ и заодно прислать фотографическую карточку. Обязательная добавка «Diskretion verlangt und garantiert». Или же, еще благороднѣе, «Diskretion Ehrensache».

Неизвѣстный корреспондентъ, однако, не спѣшилъ прислать свою фотографическую карточку департаменту полиціи. Онъ тоже немного подождалъ, а затѣмъ, снова безъ подписи, отвѣтилъ весьма дѣловитымъ письмомъ, гдѣ объяснялъ, что именно онъ намѣренъ сообщать. Размѣръ требуемаго приданаго, довольно скромный, онъ указывалъ точно: «ежемѣсячное вознагражденіе не меньше 50 рублей». Кромѣ того, корреспондентъ просилъ оторвать и прислать ему кусокъ его перва-

го письма, въ доказательство того, что отвѣтъ исходитъ, дѣйствительно, отъ Департамента Полиціи (письма вѣдь иногда и пропадаютъ, даже заказныя). Буквы указывалъ новыя: Н. С.

Не буду останавливаться на подробностяхъ переписки. Скажу только, что побѣда осталась на сторонѣ департамента. Какъ искатели приданаго печатаютъ объявленія сразу въ нѣсколькихъ газетахъ, такъ и готовый къ услугамъ корреспондентъ обратился, кромѣ департамента полиціи, еще и въ жандармское управленіе своего родного города, Ростова-на-Дону. Пишущихъ машинъ въ то время не было, и Донское жандармское управленіе по почерку выяснило, что письмо изъ Карлсруэ написано мѣщаниномъ Е. Азефомъ, сыномъ очень бѣдныхъ людей, недавно учившимся въ Ростовской гимназіи. Этотъ молодой человѣкъ занимался на Югѣ «рабочей пропагандой» и уже пользовался у розыскныхъ властей нѣкоторой извѣстностью, о характерѣ которой, однако, нелегко судить. По сообщенію начальника Донского жандармскаго управленія Страхова, товарищи Азефа, «выманивъ у него чужія деньги, поставили его въ необходимость бѣжать за границу». Нашлись и другія свѣдѣнія: Азефъ будто бы покинулъ Россію, «продавъ предварительно по порученію какого-то Маріупольскаго купца масла на 800 рублей и присвоивъ эти деньги себѣ». Въ психологическомъ отношеніи разница между двумя версіями существенная. Но практическаго значенія она, конечно, не имѣла.

Получивъ изъ Ростова свѣдѣнія о томъ, кто авторъ писемъ изъ Карлсруэ, Семякинъ, завѣдывавшій политическимъ розыскомъ департамента полиціи, написалъ молодому человѣку интересное письмо. Департаментъ соглашался платить 50 рублей въ мѣсяцъ, принималъ «программу, изложенную въ Вашемъ письмѣ отъ 25 мая», внося кое-какія дополненія отъ себя, посылалъ требуемый изъ предосторожности отрывокъ письма и давалъ точную инструкцію. Эта инструкція была и дѣловита («многословія и теоретическихъ разсужденій не требуется»), и въ агентурномъ смыслѣ честна («всякихъ преувеличеній и недостаточно обоснованныхъ выводовъ слѣдуетъ избѣгать»). Подъ самый же конецъ приберегался оглушительный эффектъ. Семякинъ кончалъ свое письмо такъ: «Я думаю, что не ошибусь, называя Васъ, г. Азефъ, Вашимъ именемъ, и прошу Васъ увѣдомить, слѣдуетъ ли Вамъ писать по Вашему адресу: Шютценштрассе 22. 11, или иначе».

Скрываться больше не приходилось. Азефъ отвѣтилъ за подписью. Соглашеніе состоялось.

Въ теченіе шести лѣтъ Азефъ оставался заграничнымъ корреспондентомъ департамента полиціи. По его донесеніямъ можно прослѣдить, какъ быстро онъ совершенствовался въ качествѣ секретнаго сотрудника. На одномъ изъ первыхъ его писемъ есть раздраженная помѣтка, принадлежащая кому-то изъ руководителей департамента: «Въ слѣдующемъ письмѣ я попрошу Азефа писать немно-

го толковѣе, особенно адреса и фамиліи, чтобы можно было понять, кто мужчина, кто женщина и къ кому относятся адреса». Но уже въ 1896 г. мы находимъ совершенно другую помѣтку: «Сообщенія Азефа поражаютъ своей точностью, при полномъ отсутствіи разсужденій». А еще черезъ нѣсколько лѣтъ извѣстный Ратаевъ писалъ Азефу: «Больше всего на свѣтѣ я боюсь Васъ скомпрометировать и лишиться Вашихъ услугъ».

И, дѣйствительно, донесенія Азефа, даже въ раннюю пору его работы, были очень важны. Онъ открылъ департаменту глаза на молодыхъ революціонеровъ, только впослѣдствіи получившихъ громкую извѣстность: «Слѣдуетъ особое вниманіе обратить Вамъ на г-на Карповича»... «Особое вниманіе Вамъ нужно будетъ обратить на Зензинова»... Григорія Гершуни, опаснѣйшаго изъ террористовъ, Азефъ оцѣнилъ съ первой же своей съ нимъ встрѣчи и тотчасъ съ большой тревогой въ тонѣ сообщилъ объ «этомъ господинѣ» департаменту полиціи. Донесенія свои Азефъ писалъ съ видимымъ удовольствіемъ, — даже, кажется, не безъ чувства спортивнаго соревнованія съ революціонерами. Напримѣръ, совѣтуя департаменту захватить какой-то транспортъ литературы, онъ вдругъ добавляетъ: «А то ужъ больно хвалится Гершуни, что замѣчательный путь онъ устроилъ».

Отъ департамента Азефъ требовалъ полнаго довѣрія къ своимъ словамъ. Въ 1901 г., задѣтый недовѣрчивымъ замѣчаніемъ Ратаева, Азефъ от-

вѣчаетъ (15 января) въ глубоко оскорбленномъ тонѣ: «Мнѣ кажется, что у Васъ нѣтъ ни одного факта, который бы могъ Васъ заставить думать, что я способенъ вамъ солгать. Кажется, ни разу не лгалъ, это не лежитъ въ моей натурѣ... Ваше недовѣріе для меня оскорбительно и страшно обидно».

По формѣ переписка порою очень курьезна. Такъ, позднѣе, желая выслѣдить и схватить Гершуни, департаментъ (17 апрѣля 1902 г.) по нѣмецки телеграфируетъ Азефу въ Берлинъ: «Очень безпокоюсь о положеніи Гриши въ Петербургѣ. Хотѣлъ бы получить какія-либо свѣдѣнія, чтобы имѣть возможность съ нимъ повидаться. Дмитрій». Или же Азефъ начинаетъ свое сообщеніе департаменту (17 іюня 1902 г.) словами: «Дорогая Генріетта», а заканчиваетъ его: «Цѣлую тебя. Твой Иванъ»*). Письма, сходныя съ этими по стилю, попадались мнѣ во Французскомъ Національномъ Архивѣ: такъ любили писать развѣдчики Наполеоновскихъ временъ.

*) Это донесеніе было написано химическими чернилами. Настоящій текстъ его заключалъ въ себѣ свѣдѣнія о готовящемся покушеніи на Плеве (неизданный архивъ В. К. Агафонова, папка ном. 1).

II

По возвращеніи въ Россію, Азефъ былъ откомандированъ къ Зубатову для изученія техники полицейскаго дѣла. Повидимому, онъ изучилъ ее въ совершенствѣ. Старые революціонеры разсказываютъ, что, обладая огромной зрительной памятью, онъ зналъ всѣ улицы и всѣ проходные дворы Петербурга, могъ, при обсужденіи разныхъ террористическихъ проектовъ, по памяти нарисовать подробнѣйшій планъ любого мѣста въ столицѣ. Для разныхъ «явокъ» ему нужно было знать множество адресовъ и телефонныхъ номеровъ: Азефъ «изъ предосторожности» никогда ихъ не записывалъ, однако, помнилъ все безошибочно. Въ практику террористической слѣжки онъ ввелъ нѣсколько новыхъ пріемовъ (заимствованныхъ, впрочемъ, у Зубатова). Вѣроятно, это профессіональное искусство и было однимъ изъ основаній его огромнаго престижа въ Боевой Организаціи: террористы того времени читали вѣдь не только политическую литературу: какъ мы всѣ, они читали, вѣроятно, въ свободное время и «Шерлока Холмса».

По изученіи полицейскаго дѣла Азефъ примкнулъ къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Вѣрнѣе, онъ былъ однимъ изъ ея создателей. Спеціализировался онъ на террорѣ и сталъ сначала ближайшимъ помощникомъ Гершуни, а затѣмъ

общепризнаннымъ вождемъ, душою и хозяиномъ Боевой Организаціи. 4-го іюня 1902 г. Азефъ многозначительно писалъ Департаменту, сообщая о 500 рубляхъ, пожертвованныхъ имъ на террористическія предпріятія: «Мнѣ необходимо было это сдѣлать для того, чтобы узнать, что такое эта боевая организація и каковы ея планы въ ближайшемъ будущемъ, и мнѣ это удалось... Я занялъ активную роль въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Отступать теперь уже невыгодно для нашего дѣла, но дѣйствовать тоже необходимо весьма и весьма осмотрительно».

Параллельно съ этимъ все росло и положеніе Азефа въ департаментѣ полиціи. Въ 1899 г. онъ получаетъ 100 рублей въ мѣсяцъ жалованья и 50 рублей наградныхъ къ Новому Году. Въ 1900 г. его жалованье повышается до 150 рублей, въ 1901 г. сразу до 500 рублей. Подъ конецъ своей карьеры онъ получалъ 1000 рублей въ мѣсяцъ, и столько же, если не больше, прогонныхъ, суточныхъ, «преміальныхъ» и «наградныхъ». Его «наградныя» въ 1904-5 гг. составляютъ нѣсколько тысячъ. Именно въ это время имъ были организованы убійства В. К. Плеве и вел. кн. Сергѣя Александровича!

Получалъ онъ жалованье и отъ партіи, но болѣе скромное, — кажется, 125 рублей въ мѣсяцъ. В. С. Гоцъ разсказываетъ, какъ однажды на вокзалѣ друзья убѣждали Азефа нанять носильщика для чемодана. Онъ аскетически отказывался: нельзя безъ крайней нужды расточать партійныя день-

ги. Члены Ц. К. партіи съ умиленьемъ говорили о жизни Азефа: «сидитъ на хлѣбѣ и селедкѣ». Разставаясь съ революціонерами, онъ жилъ не столь аскетически. Въ запискѣ Л. Н. Менщикова, напримѣръ, сообщается: «5-го января 1905 года Азефъ пріѣзжаетъ въ первомъ классѣ курьерскаго поѣзда изъ Петербурга въ Москву... Ночь проводитъ въ самомъ дорогомъ домѣ терпимости Стоецкаго»...

Послужной списокъ Азефа по двойной его дѣятельности еще трудно установить во всей полнотѣ; да и одно перечисленіе его дѣлъ заняло бы нѣсколько страницъ. Онъ самъ говорилъ, что принималъ ближайшее участіе въ организаціи всѣхъ террористическихъ актовъ партіи, за исключеніемъ убійства Сипягина. Савинковъ, человѣкъ достаточно освѣдомленный, въ своей рѣчи въ защиту Азефа даетъ списокъ крупнѣйшихъ террористическихъ дѣлъ, организованныхъ при его (Азефа) участіи, содѣйствіи или попустительствѣ. Въ этотъ списокъ входятъ двадцать пять убійствъ и покушеній, а заканчивается онъ буквами «и т. д.». Называю только главныя: убійства Плеве, вел. кн. Сергѣя Александровича, ген. Богдановича, Гапона, Татарова; три покушенія на царя, покушенія на великихъ князей Владиміра Александровича и Николая Николаевича, покушенія на Столыпина, на Дурново, на Трепова, на адмираловъ Дубасова и Чухнина. Азефъ же принималъ участіе «въ обсужденіи всѣхъ безъ исключенія плановъ, въ томъ числѣ плановъ

московскаго, свеаборгскаго и кронштадтскаго возстаній».

Этому списку соотвѣтствуетъ другой, болѣе длинный, — списокъ революціонеровъ, выданныхъ имъ департаменту. Ихъ исчисляютъ десятками, если не сотнями. Сколько изъ нихъ было казнено, не берусь сказать*).

Методъ дѣйствій Азефа въ схематическомъ изложеніи былъ приблизительно таковъ. Онъ «ставилъ» нѣсколько террористическихъ актовъ. Нѣкоторые изъ нихъ онъ велъ въ глубокой тайнѣ отъ департамента полиціи съ разсчетомъ, чтобы они непремѣнно удались. Эти организованныя имъ и удавшіяся убійства страховали его отъ подозрѣній революціонеровъ; до самой послѣдней минуты вожди партіи смѣялись надъ такими подозрѣніями: «какъ можно обвинять въ провокаціи человѣка, который на глазахъ нѣкоторыхъ изъ насъ чуть только не собственными руками убилъ Плеве и великаго князя». Другую часть задуманныхъ террористическихъ актовъ Азефъ своевременно раскрывалъ департаменту полиціи, чтобы никакихъ подозрѣній не могло быть и тамъ. При этихъ условіяхъ истинная роль Азефа была въ теченіе долгаго времени тайной и для революціонеровъ и для дѣятелей депар-

---

*) Одна изъ выданныхъ Азефомъ революціонныхъ группъ, какъ извѣстно, изображена Леонидомъ Андреевымъ въ его «Разсказѣ о семи повѣшенныхъ».

тамента. Каждая сторона была убѣждена, что онъ ей преданъ всей душой.

III

По внѣшности, Азефъ былъ грузный, толстый, очень некрасивый человѣкъ съ тяжелымъ, набухшимъ лицомъ, съ оттопыренной нижней губою. Объ его безобразной наружности говорятъ всѣ встрѣчавшіеся съ Азефомъ люди. Но и въ этомъ разобраться не такъ легко. Нѣкоторые свидѣтели утверждаютъ, что «глаза у него всегда бѣгали и онъ никогда не смотрѣлъ въ лицо собесѣднику», — примѣта слишкомъ принятая въ изображеніи преступниковъ для того, чтобы быть вѣрной. Ю. Делевскій пишетъ о «змѣиномъ взглядѣ» Азефа. Однако, другіе революціонеры находили у него «хорошій, пріятный взглядъ», «прелестную улыбку» — и до сихъ поръ твердо на этомъ стоятъ. В. М. Черновъ въ своей рѣчи на судѣ надъ Бурцевымъ говорилъ: «Надо только хорошо всмотрѣться въ его (Азефа) лицо и въ его чистыхъ, чисто дѣтскихъ глазахъ нельзя не увидѣть безконечную доброту»*). С. Басовъ - Верхоянцевъ отмѣчаетъ «двойное лицо»: накладное, каменное, и скрытое «съ печальными глазами». По фотографіямъ судить

*) В. Б. Бурцевъ. Какъ я разоблачилъ Азефа, гл. XIII.

трудно, — Азефъ, кстати, не любилъ сниматься. Но общее впечатлѣніе, конечно: «не дай Богъ встрѣтиться въ лѣсу ночью».

Писалъ онъ свои донесенія не очень литературно, не очень даже и грамотно, но всегда ясно и толково. Редакторы, повторяющіе молодымъ сотрудникамъ: «фактовъ побольше, фактовъ», были бы имъ довольны: фактовъ у него всегда много. Революціонеры (за рѣдкими исключеніями) въ ту пору были особенно падки на цвѣты краснорѣчія. Одинъ (въ частномъ письмѣ!) пишетъ о «гидрѣ самодержавія», о «когтяхъ деспотизма», о «пошломъ періодѣ мѣщанскаго довольства, охватившаго мертвящей петлей европейскія страны». Другой описываетъ, какъ «русскіе Лекоки разглядывали мозолистую руку, сразившую царскаго опричника». Третій еще краснорѣчивѣе: «Девятьсотъ пятый годъ умиралъ, распластавшись на кривыхъ улицахъ Москвы, залитыхъ рабочей кровью». Азефъ не любилъ цвѣтовъ краснорѣчія. Тонъ его писемъ простой и дѣловой. Недоброжелатели считали его человѣкомъ мало образованнымъ. Однако, на партійномъ слѣдствіи, послѣ разоблаченій, одинъ изъ свидѣтелей разсказалъ, какъ однажды въ Москвѣ Азефъ выступилъ на засѣданіи марксистскаго кружка: «Споръ шелъ вокругъ имени Михайловскаго. Новый гость (Азефъ) молчалъ. Но вотъ онъ поднялся и взволнованнымъ голосомъ началъ защищать Михайловскаго, упирая, въ особенности, на теорію борьбы за индивидуальность.

Рѣчь продолжалась довольно долго и произвела на окружающихъ впечатлѣніе своей искренностью и знаніемъ предмета»*). Мы всѣ учились понемногу, впечатлѣніе въ ученомъ спорѣ можно было въ крайнемъ случаѣ произвести и одной «искренностью», — а ужъ искренности у этого человѣка было достаточно.

Подъ конецъ его карьеры положеніе Азефа стало очень труднымъ. Онъ долженъ былъ убивать и выдавать, убивать и выдавать, напрягая всѣ силы для соблюденія наименѣе опасной пропорціи выданныхъ и убитыхъ людей...

Въ одномъ изъ французскихъ монастырей есть картина «Наказаніе дьявола». Дьяволъ обреченъ держать въ рукахъ свѣтильникъ, похищенный имъ у св. Доминика. Свѣтильникъ догораетъ, жжетъ пальцы дьявола, но освободиться отъ него дьяволъ не имѣетъ силы: онъ можетъ только, корчась, перебрасывать свѣтильникъ изъ одной руки въ другую, — жжется то правая, то лѣвая рука. Приблизительно, въ такомъ положеніи былъ Азефъ къ моменту его разоблаченія.

---

*) Заключеніе судебно-слѣдственной комиссіи по дѣлу Азефа, стр. 17.

IV

Кто разоблачилъ Азефа?

Извѣстны, говорятъ, имена пяти женщинъ, «на рукахъ которыхъ скончался Шопенъ». Я не хочу сказать, что разоблаченіе великаго предателя дало поводъ къ сходному спору. Шутка совершенно не соотвѣтствовала бы трагическому характеру событія (какъ, впрочемъ, и въ вопросѣ о кончинѣ Шопена). Но когда будущій историкъ займется выясненіемъ того, кому именно принадлежитъ здѣсь авторское право, онъ долженъ будетъ перебрать не менѣе десяти именъ.

У насъ есть свѣдѣнія, что одинъ изъ профессоровъ Азефа по политехникуму выразился о молодомъ студентѣ такъ: «Ахъ, этотъ шпіонъ!» Къ сожалѣнію, не дошло до меня имя нѣмецкаго профессора, далеко превзошедшаго проницательностью и революціонеровъ, и департаментъ полиціи.

Лѣтомъ 1905 г. одинъ изъ видныхъ петербургскихъ соціалистовъ - революціонеровъ Ростковскій получилъ на службѣ письмо безъ подписи, въ которомъ его извѣщали, что въ партіи есть «серьезные шпіоны», «бывшій ссыльный нѣкій Т. и какой-то инженеръ Азіевъ, еврей». Когда Ростковскій вернулся со службы домой, у него въ гостяхъ сидѣлъ извѣстный ему подъ кличкой «Иванъ Ни-

колаевичъ» важный нелегальный гость — Азефъ. Не долго думая, Ростковскій показалъ гостю письмо. «Иванъ Николаевичъ» прочелъ и заявилъ: «Т. это Татаровъ, а Азіевъ — это я, Азефъ».

И Ростковскій и вожди партіи не придали значенія анонимному письму. Но какое самообладаніе, какіе нервы нужны были, чтобы ничѣмъ себя не выдать при такой неожиданности и ограничиться саркастическими словами: «Азіевъ — это я, Азефъ»! Вотъ и суди о тѣхъ «сюрпризцахъ», которыми, вслѣдъ за Порфиріемъ Петровичемъ, хитрые слѣдователи оглушаютъ подозрѣваемыхъ въ преступленіи людей.

Сходный случай произошелъ, по разсказу П. О. Ивановской, въ Женевѣ на встрѣчѣ Новаго (1905) года. Русская колонія революціонеровъ была въ полномъ сборѣ. «Говорились пламенныя, дерзкія рѣчи, съ вдохновенными лицами, молодежь пѣла и кружилась въ обширномъ залѣ». Азефъ гулялъ по залу и любовался молодежью. Когда рѣчи, пѣніе и танцы надоѣли, сѣли играть въ почту. Азефъ не прочь былъ поиграть и въ почту. Ему принесли письмо. Онъ раскрылъ и «самоувѣренно-снисходительно» прочелъ вслухъ; въ письмѣ называли его подлецомъ, негодяемъ и предателемъ.

Подозрѣнія противъ Азефа высказывали въ разное время Крестьяниновъ, Мельниковъ, Мортимеръ, Делевскій, Агафоновъ, Тютчевъ, Траубергъ.

Вожди партіи, отъ Гершуни и Гоца до Чернова и Савинкова, относились, повторяю, пренебрежительно къ такимъ обвиненіямъ; за это впослѣдствіи ихъ самихъ всячески поносили въ разныхъ революціонныхъ и не-революціонныхъ кругахъ. «Хороша же партія, гдѣ подобные субъекты могутъ вращаться шестнадцать лѣтъ», — сказалъ защитникъ Лопухина А. Я. Пассоверъ. Теперь къ этому можно отнестись вполнѣ объективно. Неосторожность и легковѣріе были, но преувеличивать ихъ не надо, — столь же неосторожень былъ вѣдь и департаментъ полиціи, учрежденіе далеко не легковѣрное. Чужая душа — потемки, и никто не обязанъ умѣть въ чужой душѣ читать. Громить Савинкова за то, что онъ не распозналъ провокатора въ Азефѣ, такъ же странно, какъ, напримѣръ, обвинять В. В. Шульгина за его памятную поѣздку въ Россію. Въ настоящее время мы всѣ, конечно, окружены тайными большевистскими агентами. Объ иныхъ знакомыхъ и намъ когда-нибудь будетъ неловко вспоминать.

Что и говорить, Ю. Делевскій въ свое время собралъ немало уликъ противъ Азефа. Но давно извѣстно, и психологія палка о двухъ концахъ, и улики, даже самыя серьезныя, часто могутъ быть истолкованы различно. Темные слухи въ ту пору распускались со злостной цѣлью или по легкомыслію, о самыхъ извѣстныхъ людяхъ. Михаилъ Гоцъ однажды сообщилъ Плеханову, что въ партію поступило донесеніе о провокаціи Азефа. Плехановъ рав-

нодушно отвѣтилъ: «Обо мнѣ, о Лавровѣ говорили то же самое». Азефъ былъ несравненнымъ героемъ, вождемъ огромнаго престижа, чуть только не святыней, для его товарищей по партіи. Теперь, въ его изображеніи (назову хотя бы интересный романъ Гуля) выдвигаютъ на первое мѣсто черты грубости, невѣжества, хамства, которыя, казалось бы, должны были всѣмъ бросаться въ глаза. Это ошибка перспективы. Азефъ умѣлъ показывать товаръ лицомъ, — товаръ и революціонно-техническій, и духовный. Такіе умные, опытные и чуткіе люди, какъ Н. В. Чайковскій, И. И. Бунаковъ, В. М. Зензиновъ, изображали Азефа совершенно иначе. «Я любилъ его глубокой, нѣжной любовью», — говорилъ мнѣ Зензиновъ. Савинковъ за три мѣсяца до разоблаченія сказалъ О. С. Минору: «Если бы противъ моего родного брата было столько уликъ, сколько ихъ есть противъ Азефа, я застрѣлилъ бы его немедленно. Но въ провокацію Ивана я не повѣрю никогда!»

Разоблачилъ Азефа, конечно, В. Л. Бурцевъ. Ему на судѣ чести никто изъ соціалистовъ-революціонеровъ не подавалъ руки, «какъ клеветнику». Послѣ 17-го засѣданія суда, т. е. почти передъ самымъ его концомъ (всего было 18 засѣданій), Вѣра Фигнеръ, выходя, сказала Бурцеву: «Вы ужасный человѣкъ, вы оклеветали героя, вамъ остается только застрѣлиться!» Бурцевъ отвѣтилъ: «Я и застрѣлюсь, если окажется, что Азефъ не провокаторъ!..»

V

Въ маѣ 1906 г. къ Бурцеву, издававшему тогда въ Петербургѣ «Былое», тайно явился неизвѣстный молодой человѣкъ и отрекомендовался довольно неожиданно: «По своимъ убѣжденіямъ я — эсеръ, а служу въ департаментѣ полиціи». Рекомендація, собственно, не такъ ужъ располагала въ пользу молодого человѣка. Назвался онъ «Михайловскимъ» — псевдонимъ тоже неожиданный*). Другой навѣрное попросилъ бы «Михайловскаго» уйти. Редакторъ «Былого» поступилъ такъ, какъ ему подсказывала интуитивная мудрость. Онъ съ открытой душой подошелъ къ служащему департамента. Ч е л о в ѣ к ъ Бурцевъ принялъ ч е л о в ѣ к а Михайловскаго, — и хорошо сдѣлалъ: соціалистъ-революціонеръ изъ департамента полиціи оказался правдивымъ и драгоцѣннымъ освѣдомителемъ. Сообщилъ онъ немало интересныхъ свѣдѣній. Изъ нихъ, безъ всякаго сравненія, наиболѣе интереснымъ было то, что въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ есть чрезвычайно важный провокаторъ, извѣстный въ департаментѣ подъ кличкой «Раскинъ». Больше о немъ «Михайловскій» почти ничего не слышалъ.

Разумѣется, В. Л. Бурцевъ прекрасно зналъ

*) Много позднѣе выяснилось, что это былъ М. Е. Бакай.

главарей партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Онъ началъ примѣрять: кто изъ нихъ могъ быть «Раскинымъ»? Никто рѣшительно не подходилъ.

Время было грозное: 1906 годъ. За Бурцевымъ слѣдили филеры. Онъ замѣчалъ слѣжку, но не придавалъ ей значенія: сколько нибудь серьезныхъ грѣховъ за нимъ не значилось. Однажды лѣтомъ, В. Л. Бурцевъ вышелъ изъ редакціи погулять. «Въ этотъ разъ я забылъ даже посмотрѣть, есть ли за мной слѣжка или нѣтъ». Вдругъ, на Англійской Набережной ему бросились въ глаза знакомыя лица: навстрѣчу, на извозчикѣ, ѣхалъ Азефъ со своей женой.

Бурцеву было извѣстно, что Азефъ — глава Боевой Организаціи, слѣдовательно, самый опасный революціонеръ въ Россіи. Жена его, рядовая соціалистка, имѣла очень скромныя познанія въ конспиративномъ дѣлѣ. Знакомство съ вождемъ террористовъ могло въ 1906 г. повлечь за собой весьма непріятныя послѣдствія. За Бурцевымъ, по всей вѣроятности, шли сыщики. «Съ женой Азефа я былъ хорошо знакомъ, и я пришелъ въ ужасъ отъ мысли, какъ бы она не вздумала со мной поздороваться».

Все, однако, сошло гладко: жена Азефа не поздоровалась съ Бурцевымъ. «Я продолжалъ гулять по улицамъ, я радовался, что этотъ инцидентъ, который могъ дорого обойтись, прошелъ благополучно».

И вдругъ — случилось то, что въ психологіи называется интуиціей, въ искусствѣ озареніемъ. Въ сущности, безъ всякаго основанія, безъ всякой разумной причины, скользнула странная мысль, какая-то еще неясная связь между важнымъ провокаторомъ Раскинымъ и вождемъ Боевой Организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ!..

Вотъ, гдѣ умѣстно было бы говорить о подсознательномъ. Настоящая мысль была настолько дика и невозможна, что даже не опредѣлилась въ сознаніи Бурцева. Внѣшняя логическая схема была приблизительно такова: если за кабинетнымъ человѣкомъ, редакторомъ «Былого», Бурцевымъ ходятъ по пятамъ сыщики, то какъ же рѣшается ѣздить по улицѣ на извозчикѣ, безъ всякаго грима, опаснѣйшій террористъ въ Россіи?

Собственно, логическая схема стоила недорого: революціонеры продѣлывали и гораздо болѣе рискованныя дѣла. Такъ, за нѣсколько лѣтъ до того, Гершуни, котораго по всей странѣ днемъ и ночью искали сотни агентовъ, безнаказанно прожилъ три дня въ Петербургѣ, прописавшись въ участкѣ подъ своей настоящей фамиліей. Германъ Лопатинъ въ свое время ходилъ въ Александринскій театръ, имѣя при себѣ множество адресовъ народовольцевъ. Схема ничего не доказывала. У Бурцева возникло сложное къ ней дополненіе: полиція не арестовываетъ Азефа; з н а ч и т ъ, это ей пока невыгодно; з н а ч и т ъ, около него вертится какой-то провокаторъ (Раскинъ?), получающій отъ

него цѣнныя свѣдѣнія; з н а ч и т ъ, нужно предупредить Азефа о грозящей ему опасности. Бурцевъ такъ и сдѣлалъ: просилъ передать Азефу свое полезное предостереженіе.

То, что произошло дальше, Фрейдъ называетъ «превращеніемъ латентнаго въ сознательное».

«Какъ-то, неожиданно для самого себя, я задалъ себѣ вопросъ: да не онъ ли самъ этотъ Раскинъ? Но это предположеніе мнѣ тогда показалось столь чудовищно-нелѣпымъ, что я только ужаснулся отъ этой мысли. Я хорошо зналъ, что Азефъ — глава Боевой Организаціи и организаторъ убійствъ Плеве, великаго князя Сергѣя и т. д., и я старался даже не останавливаться на этомъ предположеніи. Тѣмъ не менѣе съ тѣхъ поръ я никакъ не могъ отдѣлаться отъ этой мысли, и она, какъ какая-то навязчивая идея, всюду меня преслѣдовала...»

Азефъ былъ насторожѣ — отчасти и въ результатѣ «предостереженія». Затѣмъ для него положеніе выяснилось. Онъ сдѣлалъ то, что долженъ былъ бы сдѣлать по Достоевскому: Азефъ пришелъ къ Бурцеву въ гости, якобы по дѣлу. Сцена поистинѣ поразительная: Бурцевъ з н а л ъ, что Азефъ — предатель. Азефъ з н а л ъ, что Бурцевъ это знаетъ. Пожалуй, у Достоевскаго такой сцены не найти. Пошелъ Азефъ, вѣроятно, на развѣдку. А, можетъ быть, и «для ощущеній». Ощущеній у него въ жизни было вполнѣ достаточно. Но такого, вѣроятно, не было.

«Азефъ вплотную подошелъ ко мнѣ увѣренной походкой, весь сіяющій, и, повидимому, хотѣлъ обнять меня и расцѣловаться. Но я, какъ бы нечаянно, уронилъ бывшія въ моихъ рукахъ бумаги и, нагнувшись, лѣвой рукой сталъ ихъ поднимать, а правой поздоровался съ Азефомъ и затѣмъ усадилъ его на кресло прямо противъ себя».

Разговоръ былъ мирный, и, по существу, незначительный. Говорили обо всемъ, кромѣ предательства. У Бурцева настоящихъ доказательствъ не было, — Азефу это было отлично извѣстно. Я разсказываю объ его визитѣ потому, что онъ чрезвычайно характеренъ: наглость Азефа такъ же граничила съ чудеснымъ, какъ и его самообладаніе. Вдобавокъ, страшная карьера пріучила его къ риску. Онъ былъ игрокъ и по характеру, и по необходимости.

Для выясненія той-же его черты разскажу другой эпизодъ, кажется, никогда не сообщавшійся въ печати. Въ пору организаціи покушенія на Дурново, Азефъ совершенно неожиданно явился съ визитомъ — къ П. Н. Милюкову (они до того встрѣтились разъ въ жизни на Парижской международной конференціи, въ которой П. Н. Милюковъ участвовалъ вмѣстѣ съ П. Б. Струве и кн. П. Д. Долгорукимъ). Азефъ пришелъ съ дѣломъ: онъ просилъ раздобыть для него фотографію Дурново! Въ этомъ посѣщеніи все удивительно, отъ цѣли до нелѣпаго предлога: портретъ министра можно было найти въ любомъ журналѣ. Но такова была манера

Азефа. Сто разъ онъ такъ заманивалъ въ сѣти двадцатилѣтнихъ юношей, — вдругъ удастся «взять нахрапомъ» и Милюкова. Наглость стараго шулера: на что тутъ можно было разсчитывать? — Человѣкъ Милюковъ прогналъ человѣка Азефа и, разумѣется, тоже прекрасно сдѣлалъ: случай на случай не приходится. Какъ интуитивный, такъ и аналитическій методы имѣютъ свои достоинства и недостатки.

VI

Я не стану разсказывать, какъ понемногу обростала зловѣщими доказательствами навязчивая идея В. Л. Бурцева. Скажу только, что вся система косвенныхъ и прямыхъ уликъ противъ Азефа, вѣроятно, ни къ чему не привела бы; очень можетъ быть, при нѣкоторой удачѣ, при своевременномъ уничтоженіи непріятныхъ бумагъ, хранившихся на Фонтанкѣ и на Мытнинской набережной, Азефъ былъ бы послѣ революціи виднымъ министромъ, — если бы въ дѣло не вмѣшался, почти вопреки своей волѣ, еще другой человѣкъ, очень сложный и интересный.

Многое непонятно въ карьерѣ и въ характерѣ А. А. Лопухина. Двѣ черты бросались въ глаза при самомъ поверхностномъ съ нимъ знакомствѣ. По взглядамъ, по самому складу ума, по окруженію,

онъ былъ либераломъ; по происхожденію, по внѣшности, по привычкамъ, онъ былъ аристократомъ. И обѣ эти черты не вязались съ большой и значительной полосой въ его сложной біографіи. Русскіе либералы слышать не могли о департаментѣ полиціи; русскіе аристократы относились къ этому учрежденію съ нѣкоторой осторожностью, предоставляя службу въ немъ людямъ незнатнаго рода. А. А. Лопухинъ, человѣкъ передовыхъ взглядовъ, носитель одной изъ самыхъ громкихъ фамилій въ Россіи, былъ директоромъ департамента полиціи въ самую реакціонную пору — при Плеве. Чѣмъ это объясняется, не понимаю. Я думаю, что онъ цѣнилъ умъ знаменитаго министра и былъ ему лично признателенъ: Плеве первый на верхахъ власти замѣтилъ выдающіяся способности Лопухина. Но это, конечно, не объясненіе. Добавлю, что они расходились не только во взглядахъ, но и въ оцѣнкѣ политическаго положенія страны. Лопухинъ считалъ очень серьезными шансы русской революціи на побѣду. Плеве — кажется, единственный изъ крупныхъ людей стараго строя — плохо вѣрилъ въ то, что въ Россіи при твердой власти можетъ произойти революція.

Впрочемъ, у этого страннаго человѣка бывали и минуты просвѣтлѣнія. Повидимому, въ одну изъ такихъ минутъ онъ и предложилъ Лопухину должность директора департамента полиціи. Лопухинъ въ ту пору занималъ видный постъ по министерству юстиціи. Его карьера была блестящей: 38 лѣтъ

отроду онъ былъ прокуроромъ судебной палаты въ Харьковѣ. Тамъ, во время служебной поѣздки, съ нимъ встрѣтился В. К. Плеве, вызвавшій его для бесѣды на политическія темы. — «Выслушавъ меня», — показывалъ въ 1917 г. Лопухинъ, — «Плеве свое мнѣніе объ описанныхъ мною событіяхъ передалъ словами, высказанными имъ Государю при назначеніи министромъ внутреннихъ дѣлъ: «если бы, — сказалъ Плеве, — двадцать лѣтъ тому назадъ, когда я былъ директоромъ департамента полиціи, мнѣ сказали, что въ Россіи возможна революція, я засмѣялся-бы; а теперь мы наканунѣ революціи»*). По словамъ Лопухина, Плеве тогда подумывалъ о Лорисъ-Меликовской конституціи. Встрѣтивъ недовѣріе и подозрѣніе, онъ «подъ вліяніемъ этой неудачи, а также надвинувшагося революціоннаго террора, повернулъ политику на путь репрессій». Добавлю, что до послѣднихъ своихъ дней Лопухинъ считалъ Плеве непонятымъ человѣкомъ. «Съ нимъ можно было работать», — говорилъ онъ. — «Съ умными людьми хорошо имѣть дѣло и тогда, когда расходишься съ ними во взглядахъ».

Лопухинъ по должности зналъ революціонеровъ. Зналъ, конечно, и секретныхъ сотрудниковъ. Среди нихъ у него были «особенно прочныя антипатіи» (эти слова я отъ него слышалъ). И наиболѣе прочной былъ Азефъ, самый видъ котораго

---

*) Неизданный архивъ В. К. Агафонова, папка № 13.

вызывалъ въ немъ отвращеніе. Догадывался ли онъ о настоящей роли Азефа? Конечно, не догадывался, какъ не догадывался тогда никто другой. Но могъ ли человѣкъ, столь освѣдомленный и опытный, твердо вѣрить въ то, что всѣ свои свѣдѣнія Азефъ получаетъ какъ-то стороной, «черезъ жену», «по дружбѣ съ Гершуни», или состоя въ Боевой Организаціи т а к ъ, только «чуть-чуть», больше для вида, — этого я не знаю. Вѣроятно, Лопухинъ просто старался объ этомъ не думать. Психологія его была психологіей высшаго офицера, вѣдающаго въ военное время контръ-развѣдкой. Съ революціонерами велась война, — начальнику контръ-развѣдки некогда думать о побужденіяхъ и методахъ своихъ и чужихъ агентовъ. Это не мѣшаетъ признавать предѣлы, изъ которыхъ выходить нельзя. Такъ, какъ Лопухинъ, дѣйствительно и поступали офицеры, вѣдавшіе контръ-развѣдкой во время великой войны. Нѣкоторые изъ нихъ написали воспоминанія, — очень интересны эти люди.

Въ пору первой революціи Лопухинъ навсегда оставилъ государственную службу. Повидимому, онъ уже тогда чувствовалъ большую душевную усталость, — у него и внѣшній видъ свидѣтельствовалъ о taedium vitae. На послѣдней своей должности (эстляндскаго губернатора) онъ проявилъ либерализмъ. Графъ Витте, который его недолюбливалъ, не прощая ему близости съ Плеве, считалъ Лопухина кадетомъ. Извѣстна его роль въ разоблаченіи погромныхъ прокламацій. Начиная съ 1905

года, Лопухинъ безъ особаго успѣха старался установить добрыя отношенія съ либеральной общественностью (въ этомъ смыслѣ онъ не измѣнился до послѣднихъ своихъ эмигрантскихъ дней). Бывшій директоръ департамента полиціи, близкій сотрудникъ Плеве, былъ русскій интеллигентъ, съ большимъ, чѣмъ обычно, жизненнымъ опытомъ, съ меньшимъ, чѣмъ обычно, запасомъ вѣры, съ умомъ проницательнымъ, разочарованнымъ и холоднымъ, съ навсегда надломленной душою.

VII

«Разговоръ въ поѣздѣ» надо считать высшимъ достиженіемъ Бурцева. Желая разоблачить и уничтожить самаго важнаго изъ всѣхъ секретныхъ агентовъ, онъ обратился за справкой къ человѣку, который еще недавно занималъ первый постъ въ политической полиціи государства, — мысль необыкновенная въ своей смѣлости и простотѣ. Лопухинъ больше не служилъ, но все же для В. Л. Бурцева онъ былъ человѣкомъ совершенно другого враждебнаго міра: достаточно сказать, что долголѣтняя личная дружба его связывала съ П. А. Столыпинымъ (они были на ты). Тотъ сложный процессъ, который назрѣвалъ въ душѣ Лопухина, не могъ быть извѣстенъ Бурцеву. Повторяю, намъ и теперь этотъ процессъ не вполнѣ понятенъ.

Здѣсь опять — случайность, отмѣчающая всю

исторію, которой посвящена настоящая статья. Лѣто 1908 г. Лопухинъ съ семьей провелъ въ Нейенарѣ. Ни о какихъ разоблаченіяхъ онъ, конечно, не думалъ, какъ не думалъ о политикѣ вообще; онъ собирался ѣхать въ Италію. Встрѣча съ Бурцевымъ оказалась для него роковою: вмѣсто Италіи Лопухинъ попалъ въ Сибирь. И для многихъ другихъ людей этотъ разговоръ въ поѣздѣ имѣлъ трагическія послѣдствія (вплоть до самоубійства). Онъ же вскорѣ повлекъ за собою всемірную сенсацію и одинъ изъ самыхъ громкихъ судебныхъ процессовъ нашего вѣка.

Узнавъ тоже случайно, отъ общаго знакомаго, что А. А. Лопухинъ въ началѣ сентября проѣдетъ черезъ Кельнъ въ Берлинъ, В. Л. Бурцевъ выѣхалъ въ Кельнъ и сталъ ждать на вокзалѣ. Здѣсь элементъ случайности обрывается: если-бъ это понадобилось, Бурцевъ былъ бы, навѣрное, способенъ прожить на Кельнскомъ вокзалѣ недѣлю, мѣсяцъ или полгода. Это не понадобилось. 5-го сентября, въ 1 часъ дня, Лопухинъ вышелъ изъ Нейенарскаго поѣзда и сѣлъ въ поѣздъ Берлинскій. Бурцевъ послѣдовалъ за нимъ и, чуть только поѣздъ тронулся, вошелъ въ купэ Лопухина.

Ихъ разговоръ продолжался шесть часовъ! Я не хочу сказать, что редакторъ «Былого» избралъ систему западно-европейскихъ слѣдственныхъ властей. Взять измoромъ б. директора Департамента Полиціи Бурцевъ, конечно, не могъ, — отъ Лопухи-

на зависѣло въ любой моментъ положить конецъ разговору. Почему Лопухинъ этого не сдѣлалъ? Или онъ не чувствовалъ, какая бездна раскрывается у него подъ ногами? Подробности разговора въ поѣздѣ выяснить теперь нелегко. Печатный разсказъ Бурцева далеко не во всемъ совпадаетъ съ показаніями, которыя Лопухинъ далъ слѣдователю по особо-важнымъ дѣламъ*). Не во всемъ совпадаетъ и разсказъ, слышанный мною отъ обоихъ участниковъ разговора. Но общая картина ясна.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ Бурцевъ, вѣроятно, задыхаясь отъ волненія, выяснялъ Лопухину истинную роль «Раскина». «Послѣ каждаго новаго доказательства, я обращался къ Лопухину и говорилъ: «Если позволите, я вамъ назову настоящую фамилію этого агента. Вы скажете только одно: да или нѣтъ». Лопухинъ молчалъ, молчалъ часъ, два часа, пять часовъ. По словамъ Бурцева, онъ былъ «потрясенъ». Я охотно этому вѣрю: конечно, онъ не зналъ сотой доли той ужасной правды, которая развертывалась передъ нимъ въ разсказѣ Бурцева. Обстановка ихъ встрѣчи характерна: въ купэ были другіе пассажиры, они часто смѣнялись**) и, вѣ-

---

*) Протоколы ном. 6 и 8 «Предварительнаго Слѣдствія» по дѣлу объ отставномъ дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Алексѣѣ Александровичѣ Лопухинѣ, стр. 108-110, 120-124 (изъ архива В. К. Агафонова).

**) Протоколъ № 10 того же «Предварительнаго Слѣдствія», стр. 132.

роятно, не безъ недоумѣнія смотрѣли на странныхъ сосѣдей. Конспирація была не Богъ вѣсть какая: въ поѣздѣ между Кельномъ и Берлиномъ, въ разгаръ курортнаго сезона не такъ трудно было напасть на русскихъ. Повидимому, пассажиры были нѣмцы. Но едва ли Лопухинъ, и независимо отъ случайныхъ сосѣдей, серьезно разсчитывалъ на соблюденіе тайны. Бурцевъ весьма неожиданно пишетъ: «Какое особенное значеніе могъ онъ (Лопухинъ) придавать этому разговору? Ну могъ ли онъ считать, что разсказываетъ какую-то правительственную тайну..., когда прежде, чѣмъ произнести имя Азефа, онъ выслушалъ подробнѣйшій разсказъ объ его дѣятельности». Еслибъ Лопухинъ не придавалъ значенія разговору, то онъ, очевидно, не могъ бы быть «потрясеннымъ». Какъ могъ онъ не понимать, чего стоитъ и м ъ произнесенное имя Азефа!

Не останавливаюсь подробнѣе на психологической сторонѣ этого дѣла. Думаю, что рѣшающее значеніе для Лопухина имѣли слова В. Л. Бурцева о цареубійствѣ, которое подготовлялъ «Раскинъ», и объ отвѣтственности за ту кровь, которая еще будетъ имъ пролита въ будущемъ. Какъ бы то ни было, послѣ шести часовъ разговора, уже передъ самымъ Берлиномъ, А. А. Лопухинъ разбилъ свою жизнь, сказавъ Бурцеву, что инженеръ Азефъ — тайный агентъ департамента полиціи.

Не стоитъ останавливаться и на томъ, какъ, черезъ сколько времени, по чьей винѣ, весь разговоръ въ поѣздѣ сталъ извѣстенъ Азефу. По 102

статьѣ Уголовнаго Уложенія бывшій директоръ департамента полиціи былъ присужденъ къ каторжнымъ работамъ, замѣненнымъ ссылкой на поселеніе въ Сибирь. Хорошо извѣстно и все остальное: судъ надъ Бурцевымъ по обвиненію въ оклеветаніи Азефа, сенсаціонный разсказъ обвиняемаго объ его встрѣчѣ въ поѣздѣ съ Лопухинымъ, новое слѣдствіе соціалистовъ - революціонеровъ, провѣрка алиби Азефа, объясненіе съ нимъ представителей партіи, и, наконецъ, бѣгство разоблаченнаго провокатора.

VIII

Для партіи соціалистовъ-революціонеровъ, послѣ разоблаченія Азефа, наступили худыя времена*). На посту главы Боевой Организаціи его замѣнилъ было Б. В. Савинковъ, но изъ этого ничего не вышло. Евг. Колосовъ говоритъ, что Савин-

*) А. И. Гучковъ сказалъ, смѣясь, В. Л. Бурцеву, встрѣтившись съ нимъ въ Петербургѣ, въ декабрѣ 1915 г., на квартирѣ М. А. Стаховича: «Я знаю, что вы стоили нашему правительству крупнѣйшее состояніе... Всѣ эти деньги были выброшены на улицу, ибо вы никогда не состояли въ партіи, а ваши разоблаченія Азефа принесли только пользу, ибо деморализовали революціонные круги» (Секретный рапортъ департаменту полиціи Манасевича-Мануилова объ его разговорѣ съ Бурцевымъ, отъ 21 декабря 1915 года. Изъ неизданнаго архива В. К. Агафонова, папка ном. 5).

ковъ былъ по природѣ имитаторомъ: въ литературѣ онъ подражалъ то З. Н. Гиппіусъ, то Л. Н. Толстому; какъ террористъ, онъ могъ быть лишь исполнителемъ предначертаній Азефа. Замѣчаніе интересное, но, если даже оно и вѣрно (въ чемъ я сомнѣваюсь), то имъ, конечно, нельзя объяснить сущность дѣла.

Разоблаченіе Бурцевымъ «Азевщины» вызвало во всемъ мірѣ сенсацію, которую хорошо помнятъ люди моего поколѣнія. Въ ту пору еще думали, что могутъ существовать боевыя противоправительственныя партіи безъ «внутренняго освѣщенія» и безъ провокаціи. Исторія всѣхъ революціонныхъ движеній тѣсно переплетается съ повѣстью предательства и измѣны. Въ Россіи политическая борьба имѣла кровавый характеръ. Поэтому и Азефщина была истинно-трагическимъ явленіемъ. Она дорого стоила партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Въ бурной исторіи этой партіи два раза на ея долю выпадалъ періодъ чрезвычайной непопулярности: въ 1909 г., затѣмъ десятью годами позднѣе, въ пору разбитаго корыта и первыхъ поисковъ: кто же корыто разбилъ?

Л. Мартовъ писалъ А. Н. Потресову 29 января 1909 г.: «Здѣсь сейчасъ все полно дѣломъ Азефа. То, что по сему случаю опубликовано, главнымъ образомъ самимъ с.-р. Центромъ, уничтожаетъ въ корнѣ всю с.-р.-щину. Дѣло съ этой публикой оказалось даже хуже, чѣмъ предполагали вы въ статьѣ о процессѣ Гершуни: если вы въ ней писали,

что Боевая Организацiя равна Гершуни, то они сами теперь признали печатно, что не только «Б. О.», но и «Ц. К.» и вообще вся верхушка партiи была равна Гершуни плюсъ Азефъ... Они — и Азефъ больше, чѣмъ Гершуни — кооптировали въ свою среду Гарденина (Чернова) и Гоца, они сдѣлали «Революцiонную Россiю» центральнымъ органомъ и объявили существующей партiю»... Повидимому, Азефщина у соцiалъ-демократовъ вызывала не одни только горестныя чувства. Быть можетъ, капиталистическому строю вездѣ пришлось бы плохо, если бы революцiонеры ненавидѣли «буржуазiю» такъ, какъ они ненавидятъ другъ друга.

Весьма рѣзкимъ нападкамъ подвергались главари соцiалистовъ - революцiонеровъ въ ихъ собственной партiи. Одни обвиняли Центральный Комитетъ, другiе Боевую Организацiю: одни говорили о чрезмѣрномъ увлеченiи терроромъ, другiе о недостаточномъ вниманiи къ террору; одни писали о генеральствѣ, другiе писали о лакействѣ. Особенное негодованiе вызывало то, что Азефа тутъ же «не убили, какъ собаку». Въ этомъ обвиняли преимущественно Савинкова (Тютчевъ, Германъ Лопатинъ). Нѣкоторые объясняли удачу бѣгства Азефа тѣмъ, что «Савинковъ испугался». Это, конечно, невѣрно. Въ недостаткѣ смѣлости очень трудно обвинять Савинкова; да и при томъ настроенiи, которое тогда было въ Европѣ, убiйцѣ Азефа былъ вполнѣ обезпеченъ оправдательный приговоръ присяжныхъ. Самъ Савинковъ говорилъ, что у него не поднялась

рука на его бывшаго товарища и вождя: «въ этотъ моментъ я его любилъ еще, какъ брата». — Одно объясненіе лучше другого. Въ дѣйствительности, Азефа не убили потому, что всѣ совершенно растерялись. И то сказать: было отъ чего.

Въ связи съ разоблаченіемъ Азефщины, нѣкоторые соціалисты - революціонеры «перенесли самое страшное моральное потрясеніе всей своей жизни»*), другіе отошли отъ партіи, кое-кто покончилъ съ собой. И почти въ то же время въ противоположномъ лагерѣ Л. Н. Ратаевъ писалъ директору департамента полиціи Зуеву: «Ты одинъ, можетъ быть, поймешь, какъ тяжело было для меня придти къ убѣжденію въ предательствѣ Азефа... Онъ далъ мнѣ столько осязательныхъ доказательствъ

---

*) Послѣ разоблаченія въ Парижѣ, въ январѣ 1909 года состоялось собраніе виднѣйшихъ соціалистовъ-революціонеровъ, на которомъ В. М. Черновъ разсказалъ объ измѣнѣ главы Боевой Организаціи. Подробнѣйшій отчетъ объ этомъ засѣданіи былъ немедленно, по телеграфу, переданъ въ Петербургъ Гартингомъ-Ландейзеномъ директору департамента полиціи. Въ донесеніи мы читаемъ: «Когда Черновъ окончилъ свою рѣчь, предсѣдательствовавшій Фундаминскій (Бунаковъ) и многіе изъ присутствовавшихъ плакали; другіе сидѣли съ опущенными головами, не произнося ни слова»... — Гартингъ, обладавшій чувствительной душой, немного сгустилъ краски: мнѣ разсказывали объ этомъ засѣданіи не совсѣмъ такъ. Но потрясеніе въ кругахъ соціалистовъ-революціонеровъ было, конечно, ужасное. Три участника собранія категорически потребовали немедленнаго убійства Азефа. «Въ теченіе года», — говоритъ В. М. Зензиновъ, — «не было у меня дня и ночи, когда я не думалъ бы о немъ»...

своей усердной службы, свѣдѣнья его отличались всегда такой безукоризненной точностью, что мнѣ казалось чудовищнымъ, чтобы при такихъ условіяхъ человѣкъ могъ быть злодѣемъ и дважды предателемъ». Другіе просто не вѣрили. Мысли о двойномъ предательствѣ Азефа не допускалъ предсѣдатель совѣта министровъ Столыпинъ, защищавшій его съ трибуны Государственной Думы. А извѣстный революціонеръ Карповичъ, уже послѣ разоблаченій, грозилъ перестрѣлять своихъ товарищей по партіи, осмѣлившихся заподозрить главу Боевой Организаціи въ службѣ департаменту полиціи.

IX

О судьбѣ знаменитаго провокатора ходили въ тѣ времена самые разные слухи. Газетные корреспонденты одновременно находили его слѣды во всѣхъ странахъ Европы. Нѣсколько человѣкъ едва не подверглись большимъ непріятностямъ, вслѣдствіе сходства съ Азефомъ.

На самомъ дѣлѣ найти Азефа въ европейскихъ столицахъ было трудно: онъ совершалъ свадебное путешествіе!

Азефъ въ концѣ 1907 года въ петербургскомъ «Акваріумѣ» познакомился съ кафе-шантанной пѣ-

вицей — нѣмкой К.*). Знакомство превратилось въ прочную связь, продолжавшуюся до конца жизни Азефа**). Дама эта выѣхала вслѣдъ за нимъ заграницу. Въ ту пору, когда начался революціонный судъ надъ Бурцевымъ, Азефъ съ нѣмкой находились въ Біаррицѣ и превосходно проводили время: удили рыбу, ѣздили въ Санъ-Себастіанъ, въ Мадридъ.

Азефъ зналъ, разумѣется, о предстоящемъ судѣ надъ Бурцевымъ. Этотъ судъ безпокоилъ его, однако, не слишкомъ, въ мѣру. Онъ даже связывалъ съ процессомъ нѣкоторыя надежды. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ судьи, три знаменитѣйшихъ революціонера Россіи (кн. Кропоткинъ, Германъ Лопатинъ, Вѣра Фигнеръ) заклеймили Бурцева, какъ клеветника, положеніе Азефа въ партіи упрочилось бы надолго. Весь матеріалъ обвиненія (кромѣ убійственнаго свидѣтельства Лопухина) былъ ему хорошо извѣстенъ***) и, повидимому, Азефъ считалъ этотъ матеріалъ не очень опаснымъ. Уже послѣ разоблаченія онъ писалъ генералу Герасимову: «Все это могло кончиться не такъ плохо, а можетъ и хорошо, если бы удалось установить свое алиби.

---

*) Нѣмку эту разыскалъ, не такъ давно Б. И. Николаевскій, написавшій на основаніи ея разсказовъ и бумагъ интереснѣйшую работу «Конецъ Азефа».

**) Первая жена Азефа, не подозрѣвавшая объ его истинной роли, навсегда порвала съ нимъ послѣ разоблаченія.

***) А. А. Аргуновъ. Азефъ — соціалистъ-революціонеръ.

Но это не удалось»*). Послѣдней причиной провала было именно неудачное алиби, да и самый визитъ Азефа къ Лопухину. Въ томъ же самомъ письмѣ къ Герасимову Азефъ пишетъ: «Словомъ, было роковой ошибкой мое и Ваше посѣщеніе къ Л. Когда Богъ хочетъ наказать кого, то отнимаетъ у него разумъ». Это свое письмо къ генералу Герасимову, начинающееся словами: «Дѣло дрянь», Азефъ написалъ на слѣдующій день послѣ бѣгства. Онъ просилъ выдать ему «жалованье за декабрь», если можно, и пособіе, а заодно запрашивалъ, нельзя ли получить мѣсто, «лучше всего по инженерной части... Инженеръ я не скверный». Азефъ остав-

---

*) Письмо Азефа къ ген. Герасимову отъ 25 декабря (стараго стиля) 1909 г. Архивъ В. К. Агафонова. — Рѣчь идетъ о берлинскомъ алиби Азефа. Какъ извѣстно, узнавъ о томъ, что Лопухинъ назвалъ его имя Бурцеву, Азефъ полетѣлъ въ Петербургъ и, явившись къ Лопухину, добивался его отказа отъ сказанныхъ имъ словъ. Лопухинъ сообщилъ о неожиданномъ визитѣ А. А. Аргунову. Это и погубило Азефа. Товарищамъ по партіи онъ объяснилъ, что ѣздилъ въ Берлинъ. Для установленія его алиби, ген. Герасимовъ послалъ въ Берлинъ, съ соотвѣтственными бумагами, одного изъ своихъ агентовъ. Агентъ, однако, оказался неопытнымъ человѣкомъ, прописался не тамъ, гдѣ слѣдовало (въ подозрительныхъ номерахъ «Керчь»), и вдобавокъ (вѣроятно, для увеличенія своихъ «суточныхъ»), указалъ въ счетѣ гостиницы больше дней, чѣмъ было нужно. Благодаря ряду болѣе или менѣе случайныхъ удачъ, В. О. Фабрикантъ, посланный партіей въ Берлинъ съ цѣлью провѣрки алиби Азефа и остановившійся въ той же гостиницѣ, неопровержимо выяснилъ, что въ номерахъ «Керчь» жилъ не Азефъ.

лялъ также распоряженіе на случай «если бы мерзавцамъ (т. е. революціонерамъ, М. А.) удалось меня разыскать и покончить со мною».

Въ тотъ же самый день онъ писалъ письмо и Центральному Комитету партіи, — но въ совершенно иномъ, глубоко возмущенномъ тонѣ: «Оскорбленіе такое, какъ оно нанесено мнѣ вами, знайте, не прощается и не забывается. Будетъ время, когда вы дадите за меня отчетъ партіи и моимъ близкимъ. Въ этомъ я увѣренъ. Въ настоящее время я счастливъ, что чувствую силы съ вами, господа, не считаться. Моя работа въ прошломъ даетъ мнѣ эти силы и подымаетъ меня надъ смрадомъ и грязью, которой вы окружены теперь и забросали меня». — Азефъ очень любилъ выражаться съ достоинствомъ.

Оставивъ Парижъ съ его непріятными воспоминаніями, Азефъ съ нѣмкой отправились путешествовать. Они побывали въ Италіи, въ Греціи, въ Египтѣ, долго прожили въ Люксорѣ, затѣмъ вернулись въ Германію. У Азефа было нѣсколько русскихъ паспортовъ, онъ пользовался то однимъ, то другимъ. Но, повидимому, Азефъ не такъ ужъ опасался преслѣдованій со стороны партіи. Къ боевой техникѣ революціонеровъ Азефъ всегда относился съ совершеннымъ презрѣніемъ*). Въ томъ же

---

*) Руководящія указанія Азефа порою (особенно въ дѣлахъ о покушеніи на Столыпина и объ изготовленіи аэроплана

письмѣ къ Герасимову онъ говоритъ: «Если они (соціалисты-революціонеры, М. А.) догадаются обратиться къ частнымъ детективамъ, то тѣ, пожалуй, и попадутъ на (мой) слѣдъ». Въ его словахъ собственно заключалась злая насмѣшка: боевая организація, обращающаяся къ частнымъ детективамъ для того, чтобы выслѣдить своего бывшаго вождя!

Какъ бы то ни было, Азефъ не прибѣгалъ къ гриму. Я видѣлъ его фотографію, снятую послѣ разоблаченія, въ Остенде: Азефъ, въ полосатомъ купальномъ костюмѣ, выходитъ изъ воды, подъ руку съ нѣмкой. На его лицѣ блаженная, сіяющая улыбка. Тутъ же рядомъ улыбаются фотографу другіе купальщики. Они навѣрное никакъ не предполагали, что такъ благодушно и весело снимаются въ обществѣ одного изъ самыхъ страшныхъ людей въ исторіи.

Въ 1910 году Азефъ окончательно поселился въ Берлинѣ, снялъ квартиру на Luitpoldstrasse, 21 и обзавелся мебелью. По подсчетамъ Б. И. Николаевскаго, на подарки своей сожительницѣ и на устройство квартиры Азефъ истратилъ около 100 тысячъ марокъ. Тотъ же изслѣдователь опредѣляетъ приблизительно его состояніе въ 150-180 тысячъ марокъ (около милліона франковъ). Однако, при такомъ сравнительно скромномъ достаткѣ лю-

---

для террористическихъ актовъ) имѣли характеръ совершеннаго издѣвательства надъ террористами.

ди въ то время, особенно въ Германіи, не тратили на обстановку и брилліанты 100 тысячъ марокъ. Вѣроятно, Азефъ былъ значительно богаче.

Происхожденіе его богатства никакихъ сомнѣній вызывать не можетъ. Жалованье, которое платилъ Азефу департаментъ полиціи, было очень велико для агента, но изъ него скопить состояніе было все-таки трудно*). Крупныхъ суммъ департаментъ полиціи не давалъ ему никогда. Мы имѣемъ даже основаніе думать, что Азефъ могъ бы выторговать больше, чѣмъ получалъ въ дѣйствительности: «Если бы надо было, ему не только тысячу (въ мѣсяцъ), но и пять тысячъ заплатили бы», — показывалъ А. В. Герасимовъ Слѣдственной Комиссіи Временнаго правительства*). Департаментъ вооб-

*) Въ упомянутомъ выше послѣднемъ его письмѣ, сейчасъ послѣ разоблаченія, онъ просилъ Герасимова о деньгахъ (и о службѣ), навѣрное для того, чтобы разжалобить своей судьбою департаментъ полиціи: «Я ушелъ безъ всего, очень мало денегъ у меня и безъ платья». Азефъ собственно даже и не такъ настойчиво просилъ: «Не можетъ быть рѣчи о какомъ нибудь постоянномъ вознагражденіи. Думаю, что за декабрь полагается, а дальше рѣшайте сами». За декабрь ему дѣйствительно «полагалось», — онъ былъ разоблаченъ только 23 декабря (ст. ст.), — что-жъ дарить свой заработокъ? Но, конечно, ни пособіе, ни служба, не были нужны Азефу. Какую службу онъ могъ принять въ Россіи, гдѣ только о немъ и говорили, вездѣ со скрежетомъ зубовнымъ! Въ дѣйствительности ему были, вѣроятно, нужны паспорта департамента полиціи, и, быть можетъ, его протекція для свободнаго жительства въ Германіи.

*) «Матеріалы», т. III, стр. 15.

ще не любилъ выдавать крупныя суммы агентамъ. Кажется, только Гапонъ получилъ сразу много денегъ, — это въ самомъ дѣлѣ было очень опасной игрою*). Но Азефъ, прежде часто просившій о прибавкѣ, послѣ первой революціи уже не могъ по настоящему интересоваться своимъ агентскимъ окладомъ (вѣроятно, поэтому и продешевилъ). У него оказался гораздо лучшій источникъ дохода: касса Боевой Организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

«Денегъ было много», — пишетъ А. А. Аргуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ періодѣ въ исторіи партіи. — «Кромѣ спеціальныхъ «боевыхъ» суммъ, оставшихся въ особомъ Фондѣ Боевой Организаціи отъ прежнихъ лѣтъ и находившихся въ распоряженіи и на отчетѣ Азефа (отчета онъ никому не давалъ и въ томъ числѣ и Ц. К.), были изысканы новые источники пожертвованій на боевое дѣло... Насколько богата была касса Ц. К., можно судить по тому, что въ 1906 г. (съ весны по

*) Гапонъ щедро раздавалъ деньги направо и налѣво. О. С. Миноръ разсказывалъ мнѣ слѣдующую сцену, личнымъ свидѣтелемъ которой онъ былъ въ Женевѣ. Они сидѣли вдвоемъ на балконѣ квартиры Гапона, противъ кафе Ландольта. Въ дверь постучали; въ комнату вошелъ Ленинъ. Онъ отозвалъ Гапона вглубь комнаты и пошептался съ нимъ; затѣмъ Гапонъ на глазахъ О. С. Минора, вынулъ изъ бумажника пачку ассигнацій и передалъ ее Ленину, который тотчасъ удалился, очень довольный. Эти деньги не принадлежали департаменту полиціи, но и позднѣе Гапонъ, вѣроятно, давалъ деньгамъ департамента самое неожиданное назначеніе.

зиму) расходъ доходилъ до 1000 рублей въ день, не считая тратъ на боевыя дѣла... Отношеніе къ боевому дѣлу всегда было такое: сколько проситъ боевая организація, столько и давать надо». Впослѣдствіи партійная судебно-слѣдственная комиссія по дѣлу Азефа заинтересовалась вопросомъ о расходованіи суммъ Боевой Организаціи. «Кралъ-ли Азефъ?» — спрашиваетъ тов. Ц. и отвѣчаетъ: «я убѣжденъ, что онъ кралъ». Тов. Ц. «такъ полагаетъ не только потому, что вся постановка дѣла давала для этого возможность, но и потому, что теперь ему припоминаются нѣкоторыя черты изъ поведенія Азефа, на которыя онъ своевременно не обратилъ надлежащаго вниманія»*). — Подъ литерой Ц. въ отчетѣ комиссіи значился никто иной, какъ Б. В. Савинковъ, еще незадолго до того «любившій Азефа, какъ брата».

X

Азефъ зажилъ въ Берлинѣ тихой, покойной жизнью примиреннаго съ міромъ человѣка. Прописался онъ подъ именемъ Александра Неймайера. Интересно то, что если не всѣ, то многіе изъ псевдонимовъ, которыми Азефъ пользовался въ послѣдніе годы своей жизни («Неймайеръ», «Чер-

*) Заключеніе судабно-слѣдственной комиссіи, стр. 54.

касъ»), были у него въ ходу и въ пору его террористической дѣятельности. Это тоже какъ будто показываетъ, что онъ не слишкомъ боялся слѣжки.

Александръ Неймайеръ занялся коммерческими дѣлами. Онъ игралъ на биржѣ, — порою съ немалымъ успѣхомъ, — обзавелся нѣмецкими пріятелями. У него часто собирались гости, играли въ карты и пили «настоящій русскій чай»; Азефъ вывезъ изъ Петербурга самоваръ. Въ Вильмерсдорфѣ, который тогда былъ кварталомъ обезпеченныхъ, солидныхъ, почтенныхъ нѣмцевъ, Неймайеръ съ супругой имѣли репутацію хлѣбосольныхъ гостепріимныхъ хозяевъ. Азефъ жилъ въ свое удовольствіе, посѣщалъ увеселительныя мѣста, оперетку, осматривалъ разныя достопримѣчательности. Часто уѣзжалъ на курорты, притомъ на хорошіе, въ Нейенаръ, на Ривьеру, даже въ Трувилль, бывшій въ ту пору самымъ моднымъ лѣтнимъ «пляжемъ» въ Европѣ. На курортахъ онъ велъ большую игру, — такъ, напримѣръ, въ 1911 г. проигралъ 75 тысячъ зол. франковъ. Свою сожительницу онъ очень любилъ. Б. И. Николаевскій, читавшій его нѣмецкія письма къ ней, говоритъ, что написаны они чрезвычайно нѣжно. Азефъ называлъ нѣмку «Муши», а самъ подписывался «Твой единственный Муши-Пуши», «твой единственный бѣдный зайчикъ», и т. д. О себѣ онъ обычно писалъ въ третьемъ лицѣ, нѣжно называя себя «папочка». Бывали и ласковые диссонансы. Иногда Азефъ вставлялъ въ письма русскія выраженія, именуемыя у насъ трехэтаж-

ными, при чемъ выписывалъ ихъ латинскими буквами: «Муши» очевидно кое-чему научилась въ петербургскихъ и кіевскихъ кафешантанахъ; но читать по русски она не умѣла.

На курортахъ, да и въ Берлинѣ, Азефъ очень легко могъ наткнуться на непріятныхъ знакомыхъ. Въ Нейенарѣ, гдѣ онъ лечился, онъ просматривалъ списки вновь прибывшихъ русскихъ, но никакихъ мѣръ предосторожности не принималъ. Думаю, онъ совершенно не вѣрилъ въ то, что партія его убьетъ. И въ самомъ дѣлѣ, партія въ тѣ годы (въ значительной мѣрѣ благодаря ему) находилась въ полномъ упадкѣ. Одни соціалисты - революціонеры погибли; другіе сидѣли въ тюрьмахъ; Савинковъ занимался литературой; большинство эмигрантовъ «ушло въ личную жизнь». Объ убійствѣ Азефа очень думалъ А. А. Аргуновъ: онъ даже ѣздилъ (съ браунингомъ) въ Берлинъ разыскивать своего стараго пріятеля, — не нашелъ. При случаѣ соціалисты-революціонеры убили бы Азефа (попытки выслѣдить измѣнника предпринимались); но «задачей текущаго момента» его убійство не было.

Лѣтомъ 1912 г. Азефа однако постигла непріятность. Въ Нейенарскомъ паркѣ, у водъ, на него случайно наткнулись люди, когда-то его знавшіе. Имъ удалось замѣтить номеръ стакана, которымъ пилъ воду Азефъ. Эти номера въ Нейенарѣ соотвѣтствуютъ номерамъ курортной карты. Оказалось, что подъ такимъ номеромъ значится въ книгахъ купецъ Неймайеръ изъ Берлина, живущій въ

отелѣ Вестендъ. О встрѣчѣ было немедленно сообщено В. Л. Бурцеву.

Бурцевъ поступилъ по своему, т. е. такъ, какъ, вѣроятно, не поступилъ бы никто другой. Онъ написалъ Азефу письмо, въ которомъ просилъ его о свиданьи. «Намъ необходимо видѣться съ Вами», — писалъ Бурцевъ, — «и переговорить о вопросахъ чрезвычайной важности. Разумѣется, не можетъ быть никакой мысли о «засадѣ» съ моей стороны. Если вы читали мое «Будущее», то Вы знаете, что переговоры съ Вами для меня важнѣе всѣхъ засадъ, такъ какъ они прольютъ вѣрный свѣтъ на важнѣйшіе историческіе вопросы». Мнѣ неизвѣстно, читалъ ли Азефъ «Будущее», но, очевидно, выясненіе важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ не могло особенно его интересовать: онъ историкомъ не былъ; вдобавокъ и «вѣрный свѣтъ» не такъ ужъ былъ для него выгоденъ. Однако, въ письмѣ Бурцева была и слѣдующая фраза: «Если Вы не откликнетесь... я перенесу всѣ нынѣшнія свѣдѣнія (т. е. адресъ Азефа, М. А.) въ печать и въ то же время ихъ отдамъ партіи эсъэровъ»*).

---

*) Въ дѣйствительности, В. Л. Бурцевъ началъ съ того, что сообщилъ партіи свѣдѣнія своихъ Нейенарскихъ корреспондентовъ. Соціалисты-революціонеры послали въ Нейенаръ членовъ Боевой Организаціи. Однако, вслѣдствіе случайной ошибки, тѣ Азефа не нашли. При очень большой настойчивости его, вѣроятно, можно было найти на курортѣ, даже съ

Азефъ встрепенулся. Онъ немедленно сдалъ свою берлинскую квартиру, отослалъ «Муши» къ ея матушкѣ въ провинцію, затѣмъ, — затѣмъ онъ написалъ Бурцеву, что согласенъ на свиданье! «Предложеніе Ваше принято. Оно совпадаетъ съ моимъ давнишнимъ желаніемъ установить правду въ моемъ дѣлѣ. Я разъ писалъ женѣ объ этомъ моемъ желаніи, но я не получилъ отвѣта».

Встрѣча произошла 15 августа 1912 г. во Франкфуртѣ, въ кафе Бристоль. В. Л. Бурцевъ въ часъ дня вошелъ въ кофейню. «И вотъ въ глубинѣ зала, около одного столика, поднялась грузная фигура... Азефъ обѣими руками опирался о столъ... Онъ какъ будто даже растерялся, когда я протянулъ ему руку. Нѣкоторое время я стоялъ передъ Азефомъ съ протянутой рукой, пока онъ, наконецъ, не понялъ, что я, дѣйствительно, хочу съ нимъ поздороваться, и только тогда онъ протянулъ мнѣ руку»... — Какъ будто даже растерялся? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ «какъ будто». Повидимому, старый провокаторъ рѣшилъ выступить въ непривычной для него роли, — въ роли кающагося грѣшника, пораженнаго великодушіемъ врага. Онъ объявилъ Бурцеву, что требуетъ «суда надъ собою своихъ бывшихъ товарищей» и, въ случаѣ смертнаго приговора, покончитъ жизнь самоубійствомъ. Послѣ этого цѣннаго сообщенія Азефъ сталъ проливать

ошибочнымъ адресомъ (Азефъ 2-го августа переѣхалъ изъ Нейенара въ Баденъ-Баденъ, оставивъ свой адресъ на почтѣ).

свѣтъ на прошлое, иными словами, сталъ врать самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Онъ увѣрялъ, напр., Бурцева, что нечаянно выдалъ департаменту полиціи группу «семи повѣшенныхъ»! Такъ буквально и сказалъ: нечаянно проговорился въ бесѣдѣ съ Герасимовымъ.

Разговоръ въ кофейнѣ продолжался нѣсколько часовъ. Бурцевъ заказалъ себѣ бифштексъ. Азефъ скромно спросилъ порцію картошки и пояснилъ: «Я — вегетаріанецъ». Душа Азефа не мирилась съ пролитіемъ крови животныхъ. Онъ ѣлъ картошку — и говорилъ, говорилъ...

Надо отдать должное таланту несравненнаго актера. Азефъ почти убѣдилъ Бурцева въ томъ, что жаждетъ суда! «Проговоривши съ Азефомъ въ три пріема, всего 10-12 часовъ», — пишетъ Бурцевъ, — «я пришелъ къ убѣжденію, что онъ въ то время дѣйствительно хотѣлъ надъ собою суда своихъ бывшихъ товарищей». Впрочемъ, полной увѣренности у В. Л. Бурцева не было. «Общее впечатлѣніе, которое я могъ вынести изъ свиданій съ Азефомъ, таково, что онъ могъ и былъ способенъ и дальше жить безъ суда надъ нимъ. На это у него, повидимому, хватало силы воли». Я тоже думаю: могъ и былъ способенъ, и хватало силы воли. Думаю даже, что разговоры о судѣ, разныя «предсмертныя распоряженія» доставляли Азефу нѣкоторое удовольствіе. По крайней мѣрѣ, послѣ встрѣчи во Франкфуртѣ, онъ прислалъ Бурцеву длинное письмо, въ которомъ подробно, въ пяти параграфахъ,

излагалъ условія «суда». Въ параграфѣ второмъ говорилось: «Судъ долженъ мнѣ свой приговоръ объявить и я его приведу самъ въ исполненіе въ 24 часа, время, которое мнѣ нужно для предсмертныхъ писемъ», и т. д. В. Л. Бурцевъ не сообщаетъ точно, когда и откуда Азефъ прислалъ ему это письмо въ древне-римскомъ духѣ. Но по бумагамъ Азефа мы теперь знаемъ, что прямо изъ Франкфурта онъ поѣхалъ въ Трувилль и — вѣрно съ отчаянія — повелъ игру въ Довилльскомъ казино. Свиданіе съ Бурцевымъ было 15 августа, а 23 августа Азефъ жаловался «Муши» въ письмѣ, явно не носившемъ предсмертнаго характера: «У другихъ бываетъ счастье, — только у папочки никогда. Удивительно! Когда я сегодня держалъ банкъ, то его сорвали на второмъ кругѣ!» Кажется, папочка былъ настроенъ не такъ ужъ трагически.

Зачѣмъ нужна была Азефу встрѣча съ Бурцевымъ, все это Іудушкино пустословіе о судѣ? Б. И. Николаевскій высказываетъ предположеніе, что письма, которыя Азефъ писалъ черезъ жену своимъ бывшимъ товарищамъ, заявленіе о готовности предстать передъ судомъ партіи, «были для Азефа лишь военной хитростью. Онъ къ нимъ прибѣгалъ, желая показать революціонерамъ, что у него больше нѣтъ желанія имъ вредить». Могло быть, конечно, и такое побужденіе, но собственно вредить Азефъ больше не могъ. Надо принять во вниманіе и то, что встрѣча съ Бурцевымъ была все же очень рискованной игрою. Бурцевъ и самъ въ 1909 г. про-

силъ Савинкова «отдать» ему Азефа*). Онъ могъ, умышленно или случайно, сообщить о предполагавшейся встрѣчѣ и соціалистамъ - революціонерамъ (какъ сообщилъ имъ о Нейенарскомъ письмѣ). Мы знаемъ, что, отправляясь во Франкфуртъ, Азефъ составилъ завѣщаніе. Знаемъ и то, что именно послѣ встрѣчи съ Бурцевымъ онъ сталъ принимать мѣры предосторожности, которыхъ не принималъ прежде: зимой 1912-13 г. г. онъ все заметалъ свои слѣды, ѣздилъ, мѣнялъ гостиницы и паспорта. Возможно, что психологія встрѣчи съ Бурцевымъ была гораздо болѣе сложной. Люди, прошедшіе школу смерти, иногда совершаютъ поступки непостижимые. Когда Гершуни былъ арестованъ, Плеве безъ всякой надобности появился въ тюрьмѣ: на мгновеніе вошелъ въ камеру, взглянулъ на знаменитаго террориста, и вышелъ... Зачѣмъ?..

Во франкфуртской поѣздкѣ Азефа сказались двѣ его основныя черты: инстинктъ отчаяннаго игрока и непреодолимая потребность въ актерствѣ. Свиданіе съ Бурцевымъ было однимъ изъ тѣхъ острыхъ, жгучихъ ощущеній, къ которымъ вся жизнь пріучила Азефа и которыхъ онъ былъ лишенъ въ послѣдніе три года: карточная игра, даже очень крупная, ихъ замѣнить не могла. Старый игрокъ почувствовалъ желаніе вновь прикоснуться на мгновеніе къ навсегда ушедшему отъ него міру.

---

*) Преданные Бурцеву люди еще до разоблаченія предлагали ему безъ всякаго суда покончить съ Азефомъ.

Актеръ опять попробовалъ свои силы, — новая роль сошла очень недурно.

XI

Кара все же пришла, правда, не слишкомъ жестокая. Азефа погубила война. Все его состояніе было вложено въ русскія бумаги. Съ минуты объявленія войны онѣ утратили цѣнность въ Германіи. Положеніе семьи Неймайеровъ стало критическимъ. Съ горя они открыли въ Берлинѣ корсетную мастерскую. «Муши» изготовляла корсеты, Азефъ взялъ на себя руководство коммерческой стороной дѣла. Онъ оказался на должной высотѣ и велъ корсетное дѣло такъ же предусмотрительно, какъ, въ свое время, дѣла террористическія. Здравый смыслъ замѣнялъ геній Азефу. Когда-то онъ толково объяснялъ членамъ Боевой Организаціи, что «динамитные жилеты» никуда не годятся, такъ какъ можно убить человѣка и не взрываясь съ нимъ вмѣстѣ на воздухъ. Теперь онъ столь же толково училъ Муши, что корсеты надо изготовлять мелкихъ размѣровъ, ибо «война, повидимому, затянется, и дамы, сидя на тощей діэтѣ, будутъ продолжать худѣть». Въ Азефѣ лавочникъ отлично совмѣщался съ убійцей.

Первый годъ войны прошелъ еще сравнительно сносно. Но лѣтомъ 1915 года Азефъ былъ неожи-

данно арестованъ на улицѣ агентомъ нѣмецкой уголовной полиціи. Причина ареста была Азефу непонятна; не очень понятна она и намъ. По словамъ Николаевскаго, «Неймайеръ» въ кофейнѣ на Фридрихштрассе наткнулся на какого-то человѣка, который узналъ въ немъ Азефа. Однако, можно съ большой вѣроятностью утверждать, что германская полиція и до этой случайной встрѣчи прекрасно знала, какое лицо подъ именемъ Неймайера пользуется, пять лѣтъ гостепріимствомъ города Берлина. Самъ Азефъ сначала предположилъ, что его подозрѣваютъ въ «сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ». Онъ подалъ изъ тюрьмы оправдательную записку, въ которой клялся, что съ 1910 года никакихъ сношеній съ русскими властями не поддерживаетъ. Позднѣе, однако, выяснилось, что арестовали Неймайера отнюдь не какъ секретнаго сотрудника русскаго департамента полиціи, а какъ опаснѣйшаго, «анархиста». Пораженный Азефъ подалъ новую записку. Въ ней онъ божился, что никогда анархистомъ не былъ, а всегда вѣрой и правдой служилъ департаменту полиціи. Да и эта служба, — пояснялъ онъ, — дѣло далекаго прошлаго: теперь онъ просто мирный купецъ, желающій честно зарабатывать свой хлѣбъ. Записки Азефа, однако, не произвели должнаго впечатлѣнія на берлинскаго «полицей - президента». Едва-ли фонъ Яговъ могъ не знать того, что, послѣ нашумѣвшихъ разоблаченій Бурцева, зналъ каждый мальчишка въ Европѣ. Повторяю, не все ясно въ этомъ

арестѣ. Вѣроятно, берлинская полиція просто разсудила, что, въ военное время лучше такому человѣку, какъ Азефъ, находиться въ Моабитской тюрьмѣ, чѣмъ заниматься на свободѣ дѣлами, хотя бы и корсетными.

Несмотря на всѣ протесты и ходатайства, Азефъ пробылъ въ заключеніи два съ половиной года. Содержался онъ въ условіяхъ довольно сносныхъ, однако, былъ ими очень недоволенъ. Въ отвѣтъ на жалобы Азефа, нѣмецкая администрація любезно предложила ему перейти изъ тюрьмы въ лагерь для гражданскихъ плѣнныхъ русской національности. Это предложеніе Азефъ отклонилъ.

Б. И. Николаевскій напечаталъ выдержки изъ тюремныхъ писемъ Азефа. Они изумительны по безстыдству. Ихъ тонъ — тонъ дневника, который Альфредъ Дрейфусъ велъ на Чортовомъ Островѣ. Съ Дрейфусомъ, впрочемъ, Азефъ сравниваетъ себя и самъ: «Меня постигло», — пишетъ онъ, — «величайшее несчастье, которое можетъ постигнуть невиннаго человѣка и которое можно сравнить только съ несчастьемъ Дрейфуса». Заодно, Азефъ скорбитъ и обо всемъ страждущемъ человѣчествѣ. Его чрезвычайно угнетаетъ «Молохъ войны», — какъ это въ самомъ дѣлѣ люди такъ жестоки другъ къ другу! «Слабый лучъ надежды» приноситъ ему, правда, русская революція: обстановка измѣнилась и о «мерзавцахъ» писать больше незачѣмъ. Азефа радуетъ поѣздка Ленина изъ Швейцаріи въ Петер-

бургъ, — «почтительное отношеніе Германіи къ ѣдущей въ Россію группѣ соціалъ - демократовъ пацифистскаго направленія». Онъ и самъ съ удовольствіемъ принялъ бы участіе въ строительствѣ новой Россіи: «я хотѣлъ бы помочь въ работахъ по окончанію этого зданія, если я не принималъ участія въ ихъ началѣ». Максимъ Горькій сказалъ какъ то венгерскому военно-плѣнному, что «людямъ не хватаетъ любви другъ къ другу и что будущій интернаціонализмъ будетъ не соціализмомъ, а любовью къ людямъ». Азефъ привѣтствуетъ эти трогательныя слова, отмѣчая (быть можетъ, не безъ свойственнаго ему почти незамѣтнаго, зловѣщаго юмора), что Горькій, «хотя и поэтъ, но въ то же время и весьма реальный политикъ». Въ общемъ, Азефъ, повидимому, былъ вполнѣ доволенъ ходомъ русской революціи. «Россія принесетъ миръ человѣчеству.Ex oriente lux!» — въ порывѣ бодрости пишетъ онъ «Муши», одновременно давая указанія и насчетъ изготовленія корсетовъ.

Впрочемъ, Азефъ искалъ утѣшенія не только въ радостныхъ политическихъ событіяхъ. Онъ искалъ утѣшенія также въ нравственномъ самоусовершенствованіи: «Послѣ молитвы», пишетъ онъ, — «я обычно бываю радостенъ и чувствую себя хорошо и сильнымъ душою. Даже страданія порою укрѣпляютъ меня. Да, и въ страданіяхъ бываетъ счастье, — близость къ Богу». Ко дню рожденія Муши онъ составилъ для нея въ тюрьмѣ таблицу морально-философскихъ правилъ, — такъ 17-лѣт-

ній Николенька Иртеневъ писалъ «Правила Жизни». Привожу нѣкоторыя изъ наставленій стараго Азефа: «Пиши лишь то, что можешь подписать»... «Дѣлай лишь то, о чемъ можешь сказать»... «Напередъ прощай всѣхъ»... «Не презирай людей, не ненавидь ихъ, не высмѣивай ихъ чрезмѣрно, — жалѣй ихъ»...

Б. И. Николаевскій высказываетъ предположеніе, что въ своихъ письмахъ Азефъ задавался цѣлью угодить берлинскому «полицей-президіуму». Думаю, что фонъ-Яговъ этихъ писемъ въ глаза не видѣлъ, — онъ былъ и безъ того достаточно занятъ. Да и тюремные цензоры (отъ которыхъ совершенно не зависѣла участь Азефа), вѣроятно, читали его мысли не слишкомъ внимательно, — отношеніе Неймайера къ Богу, къ міру и къ людямъ имъ было, навѣрное, вполнѣ безразлично. Къ тому же, берлинской полиціи отнюдь не должно было бы понравиться, напримѣръ, то обстоятельство, что посаженный ею въ тюрьму человѣкъ сравниваетъ себя съ Дрейфусомъ. Насколько я могу судить, у Азефа, какъ у многихъ закоренѣлыхъ разбойниковъ, на старости лѣтъ развилась страсть къ слезливому многословію. Онъ теперь дѣйствительно «писалъ лишь то, что могъ подписать», — но это писалъ съ удовольствіемъ и въ неограниченномъ количествѣ.

Послѣ октябрьской революціи Азефа выпустили на свободу — въ сущности, такъ же непонятно,

какъ въ свое время арестовали. Его сожительница разсказывала Николаевскому, что для заработка Неймайеръ поступилъ на службу — въ германское министерство иностранныхъ дѣлъ. Отъ себя замѣчу: указаніе чрезвычайно интересное. Въ дипломаты Азефъ очевидно не годился. Не могъ онъ быть приглашенъ и сверхштатнымъ служащимъ: въ министерства иностранныхъ дѣлъ на должности я в- н ы я иностранцевъ нигдѣ не принимаютъ: Азефъ вдобавокъ и по нѣмецки писалъ безграмотно. Остается предположить, что германское правительство хотѣло его использовать для какихъ-либо темныхъ дѣлъ военнаго времени. Тамъ, въ 1918 году, испытанные таланты Азефа безспорно могли пригодиться. Быть можетъ, поэтому его и выпустили изъ тюрьмы. Быть можетъ, поэтому онъ послѣ освобожденія увѣрялъ Муши, что мечтаетъ о скорѣйшемъ отъѣздѣ въ Швейцарію изъ страны, гдѣ съ нимъ обошлись такъ плохо. Швейцарія была въ 1918 году главнымъ центромъ міровогo шпіонажа. Но все это лишь мое предположеніе. Азефъ навѣрное унесъ съ собой въ могилу не одну тайну, и мы не можемъ утверждать, что онъ собирался начать новую жизнь — въ качествѣ германскаго шпіона. Дни короля предателей уже приближались къ концу.

XII

Въ книгѣ Литтона Стрэчи «Елизавета и Эссексъ» есть незабываемая страница: смерть страшнаго короля Филиппа II. Король-инквизиторъ, покрытый гніющими язвами, умиралъ въ нечеловѣческихъ страданіяхъ, «въ экстазѣ и въ мукѣ, въ нелѣпости и въ величіи, жалкій и счастливый, праведный и ужасный». — «Совѣсть его была спокойна», — говоритъ Стрэчи. — «Онъ всегда исполнялъ свой долгъ. Онъ всю жизнь трудился въ крайнюю мѣру силъ. Только одна мысль угнетала Филиппа II: былъ ли онъ достаточно усерденъ въ дѣлѣ казни еретиковъ? Конечно, онъ сжегъ ихъ много. Но, можетъ быть, надо было ихъ сжечь еще больше?..»

Я не могу привести цѣликомъ эту страницу знаменитаго англійскаго писателя. Ему вполнѣ удался образъ трагическаго злодѣя. Теперь, пожалуй, трагическихъ злодѣевъ не бываетъ. Азефъ былъ злодѣй совершенно будничный. Одни изображаютъ его демономъ, другіе мѣщаниномъ-коммерсантомъ. Думаю, что истина лежитъ приблизительно посрединѣ. Азефъ могъ такъ же хорошо торговать селедкой, какъ торговалъ человѣческой жизнью. Но все же по призванію (совершенно добровольно) онъ избралъ для торговли не селедку, а человѣческую жизнь.

Психологія секретной агентуры, должно быть, сложнѣе, чѣмъ обычно думаютъ, — здѣсь бываютъ поистинѣ непостижимыя явленія. Исторія русской революціи знаетъ случай, когда террористъ отсидѣлъ двадцать лѣтъ въ крѣпости, а затѣмъ, выйдя на свободу, предложилъ свои услуги департаменту полиціи, — вотъ, можно сказать, устроилъ человѣкъ свою жизнь въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями здраваго смысла и личной выгоды!..

Я не знаю, можно ли говорить о нормальномъ типѣ секретнаго агента. Но обычно, во всемъ мірѣ бывало такъ: революціонеръ попадался, ему грозила тяжкая участь, онъ давалъ откровенныя показанія, — дальше все слѣдовало, какъ по рельсамъ. Карьера Азефа съ самаго начала пошла не по этимъ рельсамъ агентуры. Онъ предложилъ свои услуги департаменту добровольно. Въ причинахъ его поступка далеко не все такъ просто, какъ кажется. Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ были очень небольшія деньги (будущихъ благъ Азефъ въ 1893 году никакъ предвидѣть не могъ). Въ средѣ русской учащейся молодежи умереть съ голоду было трудно: студенты помогали другъ другу*). Существовали и благотворительныя организаціи; богатые люди въ Россіи и заграницей содержали множество стипендіатовъ. Но если и предположить, что матеріальная нужда была единственнымъ по-

---

*) Это подтвердилъ мнѣ инженеръ С. И. Лихтенштейнъ, учившійся съ Азефомъ въ Карлсруэ.

бужденіемъ Азефа, то это побужденіе могло дѣйствовать только до окончанія имъ политехнической школы. Передъ инженеромъ - электротехникомъ открывалась нормальная и выгодная карьера; никто не мѣшалъ молодому инженеру Азефу оставить ремесло освѣдомителя. Секретный агентъ (не зашедшій черезчуръ далеко) почти всегда могъ безопасно отдѣлаться отъ службы: когда его сообщенія переставали быть интересными, департаментъ полиціи прекращалъ уплату жалованья — и только. Говорю это и на основаніи свидѣтельствъ видныхъ дѣятелей департамента, и по простымъ логическимъ соображеніямъ: насильно, путемъ угрозъ, нельзя заставить людей исполнять эту службу, какъ слѣдуетъ.

Въ воспоминаніяхъ революціонеровъ объ Азефѣ его дѣйствія часто объясняются трусостью. «Намъ, вмѣстѣ работавшимъ съ Азефомъ», — пишетъ, напримѣръ, П. Ивановская, — «кажется не безъ основанія, что самымъ сильнымъ дьяволомъ въ его душѣ была подлая его трусость». Объясненіе это ровно ничего не объясняетъ. Оно, прежде всего, оставляетъ непонятнымъ, зачѣмъ сталъ секретнымъ агентомъ человѣкъ, находившійся въ полной безопасности. Да и трудно вообще говорить серьезно о трусости Азефа. Его карьера была страшной и въ переносномъ, и въ прямомъ смыслѣ слова. За любое изъ своихъ террористическихъ дѣлъ онъ непремѣнно былъ бы повѣшенъ, если бы правительство своевременно узнало объ его насто-

ящей роли. За выдачу террористовъ его убили бы революціонеры, если бы имъ стала извѣстна правда. А вѣдь и то, и другое могло случиться каждую минуту. Не говорю уже о косвенной (далеко не шуточной) опасности, безпрестанно грозившей Азефу въ процессѣ его технической работы. «Онъ сто разъ могъ быть разорванъ взрывомъ», — говоритъ В. М. Зензиновъ, описывая ихъ снаряды, «динамитные жилеты», которые они въ свое время изготовляли и на себѣ примѣряли. Нервы у Азефа были, конечно, нечеловѣческой крѣпости.

Очень трудно понять и тѣ объясненія, которыя давались измѣнѣ Азефа дѣятелями департамента полиціи. «Я склоненъ думать», — писалъ Ратаевъ, — что... истинной причиной было знакомство и сближеніе съ Гершуни. Оно сыграло роковую роль въ карьерѣ Азефа и послужило вѣроятно побудительнымъ толчкомъ къ предательству. Надо помнить что вѣдь, Азефъ до поступленія на службу не былъ революціонеромъ, и весьма возможно, что, не отдавая себѣ сразу отчета, исподволь и постепенно подчинился вліянію и обаянію личности Гершуни. Этотъ человѣкъ, какъ извѣстно, производилъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, съ кѣмъ сходился. Былъ ли то извѣстный гипнозъ, или результатъ необычайно развитой силы воли, или же воздѣйствіе глубокаго искренняго убѣжденія, не знаю»... Наивность этого объясненія бросается въ глаза. Азефъ — поддался чарамъ глубокаго искренняго убѣжденія! И, поддавшись чарамъ убѣжденія, началъ под-

водить не только революціонеровъ подъ висѣлицу, но и министровъ подъ бомбу! Показанія изъ революціоннаго лагеря (который, конечно, могъ знать это гораздо лучше), не даютъ никакого матеріала для вывода о вліяніи Гершуни на Азефа. Глубоко убѣжденныхъ революціонеровъ Азефъ немало видѣлъ на своемъ вѣку. Въ своемъ письмѣ къ ген. Герасимову онъ называлъ террористовъ мерзавцами, пожалуй, довольно «искренно». Можно съ большой вѣроятностью сказать, что Азефъ приблизительно такъ же любилъ революціонеровъ, начиная съ Гершуни, какъ дѣятелей стараго строя, во главѣ съ Плеве*).

Главной страстью Азефа была игра, — игра во всѣхъ смыслахъ слова. Эта страсть сочеталась съ полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было задерживающихъ началъ, кромѣ соображеній личной выгоды. Своеобразная профессія укрѣпляла своеобразную психологію. Едва ли Азефъ былъ «садически-жестокъ», но, вѣроятно, ему нравилась стихія, въ которой роль его была такъ велика.

Чрезвычайно интересное сообщеніе мы находимъ въ письмѣ Ратаева къ Зуеву отъ 20 октября 1910 г.: «Азефъ», — пишетъ Ратаевъ, — «работалъ не только на русскую революцію, но обучалъ и иностранныхъ революціонеровъ. Въ началѣ 1905 г.

---

*) Зубатовъ разсказываетъ, что Азефъ «трясся отъ ярости и съ ненавистью говорилъ о В. К. Плеве».

мнѣ пришлось натолкнуться на серьезную организацію армянъ - дрошакистовъ и македонскихъ революціонеровъ, которые, вступивъ въ союзъ съ русскими террористами, водворяли черезъ Черное море, преимущественно на Кавказъ, оружіе и взрывчатыя вещества. Не довольствуясь личной поѣздкой въ Болгарію и Константинополь, я командировалъ туда Азефа, который, ознакомившись детально съ организаціей, сообщилъ мнѣ весьма важныя и интересныя свѣдѣнія... Вскорѣ послѣ отъѣзда Азефа съ Балканскаго полуострова, кажется, 11 или 12 іюля 1906 г., въ Константинополѣ, въ предѣлахъ Ильдизъ-Кіоска, во время селямлика, совершено было покушеніе на жизнь нынѣ низложеннаго султана Абдулъ-Гамида и именно тѣмъ способомъ, который Азефъ пожелалъ примѣнить противъ В. К. Плеве, т. е. посредствомъ автомобиля, начиненнаго динамитомъ, на которомъ прибыли на парадъ два знаменитыхъ иностранца. Очевидно, Азефъ исполнялъ служебное порученіе въ силу своего принципа «дѣлу время, потѣхѣ часъ», придумалъ и продѣлалъ вмѣстѣ съ армянами покушеніе на султана, а затѣмъ, по своему обыкновенію, уѣхалъ благополучно домой». — Я пытался навести справки объ этомъ дѣлѣ у армянскихъ политическихъ дѣятелей. Они рѣшительно отрицаютъ участіе Азефа въ покушеніи на Абдулъ-Гамида. Но участіе могло быть косвеннымъ и незамѣтнымъ, — я не сказалъ бы съ увѣренностью, что Ратаевъ ошибся. Во всякомъ случаѣ его замѣчаніе «дѣлу время, потѣхѣ часъ»

свидѣтельствуетъ о тонкомъ пониманіи психологіи Азефа. Для дѣла надо было убивать русскихъ министровъ и революціонеровъ. А для потѣхи не мѣшало отправить на тотъ свѣтъ и турецкаго султана съ нѣсколькими армянами, тѣмъ болѣе, что при случаѣ и это могло оказаться небезвыгоднымъ. Подобный подвигъ долженъ былъ даже особенно соблазнять Азефа. Быть можетъ, и ему не удалось въ жизни самое высокое.

Въ развинченной душѣ Азефа по необходимости существовали два міра: міръ соціалистовъ-революціонеровъ и міръ департамента полиціи. Ни одинъ изъ этихъ міровъ не былъ его собственнымъ міромъ. И въ обоихъ онъ, конечно, долженъ былъ всегда чувствовать себя дома. Его тренировка въ этомъ смыслѣ граничитъ съ чудеснымъ. Азефа выдали другіе; самъ онъ ничѣмъ себя ни разу за долгіе годы не выдалъ. Въ каждомъ изъ міровъ своей двойной жизни онъ позволялъ себѣ и роскошь оттѣнковъ. Надо прочесть его письма въ департаментъ: Азефъ говоритъ съ Ратаевымъ не такъ, какъ съ Зубатовымъ, а съ Зубатовымъ опять не такъ, какъ съ Герасимовымъ. Такія же различія онъ дѣлалъ въ лагерѣ революціонеровъ. Во Франкфуртѣ онъ говорилъ Бурцеву, что презиралъ Савинкова и чрезвычайно чтилъ Сазонова. Дѣло, конечно, не въ оцѣнкѣ, — и уваженію, и презрѣнію Азефа цѣна одна и та же. Но онъ, какъ немногіе другіе, чувствовалъ всѣ ви-

ды различія между дѣятелями революціоннаго лагеря.

Величайшій знатокъ людей, мимоходомъ взглянувшій на революціонеровъ, сказалъ: «Это не были сплошные злодѣи, какъ ихъ представляли себѣ одни, и не были сплошные герои, какими ихъ считали другіе, а были обыкновенные люди, между которыми были, какъ и вездѣ, хорошіе, и дурные, и средніе люди... Тѣ изъ этихъ людей, которые были выше средняго уровня, были гораздо выше его, представляли изъ себя образецъ рѣдкой нравственной высоты; тѣ же, которые были ниже средняго уровня, были гораздо ниже его» (Л. Толстой). По свойственному ему уму и умѣнію разбираться въ людяхъ, Азефъ при Савинковѣ, напримѣръ, не сталъ бы изъ ригоризма отказываться на вокзалѣ отъ услугъ носильщика. Но въ присутствіи того же Савинкова, въ отвѣтъ на предложеніе А. Гоца взорвать домъ Дурново, Азефъ прочувствованно сказалъ: «Я согласенъ только въ томъ случаѣ, если я пойду впереди... Въ такихъ дѣлахъ, въ открытыхъ нападеніяхъ необходимо, чтобы руководитель шелъ впереди. Я долженъ идти». Савинковъ и Гоцъ горячо умоляли его поберечь свою драгоцѣнную жизнь: «Организація не можетъ жертвовать Азефомъ»... «Азефъ задумался, потомъ онъ сказалъ: «Ну, хорошо»...

Повторяю, у этого человѣка было чувство юмора. «Ироническій» былъ человѣкъ — въ томъ смыслѣ, какой давалъ слову Достоевскій. Въ пору Лон-

донской партійной конференціи онъ попросилъ одного изъ ея видныхъ участниковъ зайти съ нимъ на почту и въ его присутствіи сдалъ чиновнику толстый заказной пакетъ. Товарищъ Азефа удивлялся, куда это и о чемъ Иванъ Николаевичъ шлетъ такія длинныя письма? Разумѣется, пакетъ заключалъ въ себѣ подробный отчетъ о конференціи и посылался въ департаментъ полиціи. Едва ли было благоразумно сдавать пакетъ въ присутствіи товарища. Столь неосторожный поступокъ могъ позволить себѣ лишь большой мастеръ, при томъ юмористически настроенный. «Дѣлу время, потѣхѣ часъ». Притомъ, гдѣ же кончается дѣло, гдѣ начинается потѣха?

Передъ судомъ надъ Бурцевымъ, Азефъ написалъ Савинкову длинное письмо, въ которомъ незамѣтно подсказывалъ ему, для его рѣчи на судѣ, всѣ доводы въ свою защиту. По тонкости діалектики это письмо сдѣлало бы честь лучшему адвокату. Начиналось оно словами: «Дорогой мой. Спасибо тебѣ за твое письмо. Оно дышетъ теплотой и любовью. Спасибо, дорогой мой». Есть и такая фраза: «Противно все это писать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ меня и смѣхъ разбираетъ. Ужъ больно смѣшенъ Бурцевъ»... Очень можетъ быть, что Азефа и въ самомъ дѣлѣ разбиралъ смѣхъ, — когда онъ себѣ представлялъ, съ какимъ волненіемъ Савинковъ будетъ читать это письмо.

Настоящаго внутренняго міра у Азефа, быть можетъ, вовсе и не было. Было что то довольно без-

форменное, включавшее въ себя любовь къ риску, любовь къ деньгамъ, любовь къ ролямъ, въ особенности къ ролямъ трогательнымъ. Человѣкъ очень хорошо его знавшій, говорилъ мнѣ, что Азефъ всегда былъ «слабъ на слезы». Я думаю, онъ не только въ отношеніяхъ съ Муши, но и въ своей ужасной двойной жизни чувствовалъ себя порою «единственнымъ бѣднымъ зайчикомъ». Все это было окрашено цинизмомъ, — впрочемъ, очень легкимъ. Могла быть и манія величія, тоже очень легкая. Въ тюрьмѣ онъ читалъ Штирнера «Единственный и его достояніе»: вѣроятно, онъ себѣ казался единственнымъ и въ штирнеровскомъ смыслѣ. По своему, онъ «единственнымъ» и былъ: очень трудно себѣ представить болѣе совершенный образецъ моральнаго идіотизма, при немаломъ житейскомъ умѣ, при огромной выдержкѣ. Никакія сомнѣнія его не тревожили: онъ и безъ борьбы обрѣлъ право свое.

Говорили мнѣ, что этотъ человѣкъ, — переходная ступень къ удаву, — очень любилъ музыку, музыку кабаковъ и кафе-концертовъ: слушалъ будто бы съ умиленіемъ и восторгомъ. Можетъ быть, немного и дурѣлъ, какъ змѣи отъ флейты?

Здоровье Азефа сдало въ годы войны и тюремнаго заключенія. Вѣроятно, на немъ отразилось недоѣданіе тѣхъ лѣтъ, весьма серьезное въ Германіи. У него развилась болѣзнь почекъ, осложнившаяся болѣзнью сердца. Въ апрѣлѣ 1918 г. онъ

слегъ въ больницу (Krankenhaus Westens). Черезъ нѣсколько дней, 24 апрѣля, въ 4 часа пополудни, Азефъ умеръ.

Вѣрная нѣмка похоронила его, по второму разряду, на Вильмерсдорфскомъ кладбищѣ. Надписи на могилѣ нѣтъ никакой, во избѣжаніе непріятностей («вотъ рядомъ тоже русскіе лежатъ»). Есть только номеръ мѣста: 446.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Imprimerie « PASCAL », 13, rue Pascal, PARIS-[illegible]